

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 39

2026

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Борисова Л.А., Кардашова М.А. ТЕРМИНОЛОГИЯ, СВЯЗАННАЯ С СУДОМ ПРИСЯЖНЫХ, В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	6
Булат Р.Е., Байчорова Х.С. ОТ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ К ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ДЕФИНИЦИОННЫЙ СТАТУС ЛЕКЕМЫ «ПОДГОТОВКА» В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	13
Малкова Н.В. РОЛЬ МОДАЛЬНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТОЧНОСТИ И ИНТЕРПРЕТИРУЕМОСТИ ВОЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	21
Юридическая герменевтика	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. ПОНЯТИЕ «ФЕДЕРАЛИЗМ» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ПОЗДНИХ ОБЛАСТНИКОВ	29
Беседина Е.С. ПОНЯТИЕ «ОРГАНИЧЕСКИХ РЕФОРМ» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ Ю. Ф. САМАРИНА	33
Юридическая техника	
Гогитидзе Д.А. ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ДЕФЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА УВАЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	37
Зелюка П.А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ	44
Мананова А.Ф. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	49
Правовая коммуникация	
Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРАТУРЫ С НЕЗАВИСИМЫМИ ЭКСПЕРТАМИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	54
Ковалевская И.И. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОГОВОРНОГО ДИСКУРСА В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ	60
Лингвоэкспертология	
Грачев М.А. СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АРЕСТАНТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЕДИНСТВО»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	66
Славинская Е.С. РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	72

Огорелков И.В. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ КАК СПОСОБ ИСКАЖЕНИЯ ИДИОСТИЛИЯ АВТОРА	77
Речевые правонарушения	
Асадов Р.Б. ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЛЖЕЦЕЛИТЕЛЕЙ	82
Кирюшина Л.Ю. ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕНИИ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	91
Зарубежная юрислингвистика	
Криволап Н.А. ПРАВОВОЙ ПОРТРЕТ НОВЫХ КИБЕРДЕЛИКТОВ: АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ, ЮРИСДИКЦИЙ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	96
Рецензии. Хроника. Информация	
Доронина С.В. ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРНЫШОВА (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	101

CONTENTS

Language of Law	
Borisova L.A., Kardashova M.A. TRANSLATION APPROACH TO TERMINOLOGY RELATED TO TRIAL BY JURY IN RUSSIAN AND AMERICAN LEGISLATIVE TEXTS	6
Bulat R.E., Baychorova Kh.S. FROM LEXICAL AMBIGUITY TO LEGAL UNCERTAINTY: LEXICAL UNIT "TRAINING" IN THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM	13
Malkova N.V. THE INFLUENCE OF MODALITY ON THE ACCURACY AND INTERPRETABILITY OF MILITARY LEGAL TEXTS	21
Legal hermeneutics	
Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. THE CONCEPT OF "FEDERALISM" IN POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF LATE REGIONALISTS	29
Besedina E.S. THE CONCEPT OF "ORGANIC REFORMS" IN THE POLITICAL AND LEGAL HERITAGE OF YU. F. SAMARIN	33
Legal Techniques	
Gogitidze D.A. TECHNICAL AND LEGAL DEFECTS IN CONSOLIDATION OF THE PRINCIPLE OF RESPECT IN RUSSIAN LAW	37

Zelyuka P.A. THE LEGAL NATURE OF COMMUTATION	44
Manapova A.F. THE CONCEPT OF CULTURAL VALUES OF PEOPLES IN THE LEGISLATION OF EUROPEAN COUNTRIES	49
Legal Communication	
Kazantseva O.L., Eremeykina L.L. INTERACTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE WITH INDEPENDENT EXPERTS TO IDENTIFY CORRUPTION-INSTIGATING FACTORS AS A PRE-REQUISITE FOR IMPROVING LEGAL TECHNIQUE OF REGULATORY LEGAL ACTS OF PUBLIC AUTHORITIES	54
Kovalevskaya I.I. CONCEPTUALIZATION OF CONTRACT DISCOURSE FOR SERVICE PROVISION	60
Linguoexpertology	
Grachev M.A. THE SEMIOTIC CODE OF THE EXTREMIST ORGANIZATION "PRISONERS' CRIMINAL UNITY": A DIACHRONIC ASPECT	66
Slavinskaya E.S. PROSPECTS AND RISKS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN AUTHORSHIP ATTRIBUTION	72
Ogorelkov I.V. NEUTRALIZATION OF SIGNIFICANT CHARACTERISTICS OF WRITTEN SPEECH AS A WAY OF DISTORTING THE AUTHOR'S IDIOSTYLE	77
Speech Offenses	
Asadov R.B. JURILINGUISTIC CONVERGENCE AND SEMANTIC TRAPS OF SUGGESTIVE INFLUENCE USED BY FRAUDULENT HEALERS	82
Kiryushina L.Yu. THE NEED FOR COMMUNICATION AS ONE OF THE PRE-REQUISITES FOR THE VICTIMIZED BEHAVIOR OF ELDERLY PEOPLE	91
International Perspectives in Forensic Linguistics	
Krivolap N.A. LEGAL PORTRAIT OF EMERGING CYBER DELICTS: AN ANALYSIS OF TERMS, JURISDICTIONS, AND ENFORCEMENT	96
Reviews. Chronicle. Information	
Doronina S.V. DOCTOR OF PHILOLOGY, PROFESSOR TATYANA VLADIMIROVNA CHERNYSHOVA (ON HER 70TH BIRTHDAY)	101

Терминология, связанная с судом присяжных, в российском и американском законодательном тексте в аспекте перевода

Л. А. Борисова¹, М. А. Кардашова²

Воронежский государственный университет

Университетская пл., д.1, 394018, Воронеж, Россия. E-mail: ¹borisova_la@rgph.vsu.ru,

²mkardashova06@mail.ru

Статья посвящена исследованию терминологии, связанной с судом присяжных, в российском и американском законодательном тексте в аспекте перевода. В работе подчеркивается кросс-системный характер юридического перевода. Именно поэтому главным условием качественного юридического перевода является понимание правовых понятий и умение точно оперировать терминами в рамках конкретной правовой системы. Авторы указывают на то, что обеспечение терминологической эквивалентности осуществляется с учетом целого комплекса факторов: социокультурных и исторических особенностей, специфики правовой системы, стилистических норм, а также требований точности, однозначности и согласованности терминов. В ходе исследования авторами выделено лишь два термина, обладающих прямыми, стилистически нейтральными и культурно немаркированными соответствиями: присяжный заседатель / juror и коллегия присяжных / jury panel. Данный результат еще раз подчеркивает сложность перевода юридических текстов, где замена правовых реалий при переводе невозможна. В работе анализируется и специфика перевода ключевых терминов «суд присяжных» и «trial by jury». Несмотря на общую семантику, в российском законодательстве существует различие между общеупотребительным термином «суд присяжных» и официальным «суд с участием присяжных заседателей», что влияет на выбор переводного эквивалента. Авторы также обращают внимание на проблему калькирования синтаксических структур и словарных эквивалентов юридических формулировок при переводе с русского на английский язык. Данный прием может нарушать естественность целевого языка. Кроме этого, в работе рассматриваются особенности юридических терминов-реалий, выступающих номинациями понятий, специфичных для той или иной правовой системы.

Ключевые слова: юридическая терминология, присяжные заседатели, юридический перевод, термины-реалии, правовые системы.

Translation Approach to Terminology Related to Trial by Jury in Russian and American Legislative Texts

L. A. Borisova¹, M. A. Kardashova²

Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia. E-mail: ¹borisova_la@rgph.vsu.ru,

²mkardashova06@mail.ru

The paper studies terminology related to the trial by jury in Russian and American legislative texts with respect to translation. The work highlights the cross-system nature of legal translation. It is for this reason why the primary condition for high-quality legal translation is the understanding of legal concepts and the ability to use terms accurately within a specific legal system. The authors point out that ensuring terminological equivalence is achieved by taking into account a complex of factors: socio-cultural and historical features, the particularities of the legal system, stylistic norms, as well as requirements for precision, unambiguity, and consistency of terms. In the course of the study, the authors identified only two terms possessing direct, stylistically neutral, and culturally unmarked equivalents: присяжный заседатель / juror and коллегия присяжных / jury panel. This result once again underscores the complexity of legal texts translation, where the replacement of legal reality during translation is impossible. The paper also analyzes the specifics of translating the key terms “суд присяжных” and “trial by jury”. Despite their shared semantics, Russian legislation maintains a distinction between the common term “суд присяжных” and the official term “суд с участием присяжных заседателей”, which influences the choice of translation

equivalent. Furthermore, the authors draw attention to the problem of calquing syntactic structures and dictionary equivalents of legal wordings when translating from Russian into English. This technique can violate the norms of the target language. Additionally, the work examines legal culture-specific terms that serve as designations for concepts specific to a particular legal system.

Key words: legal terminology, jurors, legal translation, culture-specific terms, legal systems.

Введение

Право глубоко укоренено в национальной культуре, правовая система страны имеет определенную специфику, отражающую историю, ценности, традиции и нормы поведения конкретного общества. В этой связи юридический перевод неизбежно сопряжен с передачей культурно маркированных правовых понятий и категорий и в целом с переводом из одной правовой системы в другую.

С точки зрения Е. Ю. Балашовой и Н. В. Лазовской, «юридический перевод является в большей степени актом межкультурной коммуникации, чем актом межъязыковой коммуникации, поскольку в переводческий контакт вступают разные правовые системы и правовые культуры, несовпадения в которых обуславливают многие проблемы юридического перевода» [Балашова, Лазовская 2022: 35]. Исследователи указывают на кросс-системный характер юридического перевода, аргументируя это тем, что юридический перевод «предполагает не просто перевод с одного языка на другой, а перевод терминологического аппарата, обслуживающего принципиально разные правовые системы: систему общего права и систему континентального права» [Балашова, Лазовская 2022: 36].

Вопросы перевода юридической терминологии рассматриваются в научных работах, пожалуй, чаще всего, и это не случайно. Ведь юридические термины служат выражением юридических понятий, которые, в свою очередь, тесно связаны с правовой системой и культурой страны. Качественный юридический перевод невозможен без четкого понимания и правильного использования юридических терминов, присущих определенной правовой системе.

Существует большое количество определений юридического термина. Мы считаем, что наиболее точно его суть раскрыл А. С. Пиголкин. Он утверждает, что «юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [Язык закона 1990: 65].

В этом определении самом по себе уже прослеживается особенность романо-германской правовой системы, действующей в России. В данной системе закон – это основной источник права. Юридическая терминология в России закреплена и дефинируется в законодательстве. В англоязычных же странах функционирует система общего права, в которой, согласно Р. Давиду, «норма общего права менее абстрактна, чем норма права романо-германской правовой семьи, и направлена на то, чтобы разрешить конкретную проблему, а не сформулировать общее правило поведения на будущее» [цит. по Балашова, Лазовская 2022: 36]. Тем не менее, не стоит преуменьшать и роль законодательства в современном британском и американском обществе, оно тоже служит источником правовых норм, и в нем тоже содержатся термины и их дефиниции.

Перевод законодательных текстов выполняется в особой коммуникативной ситуации. Если текст оригинала имеет своей целью регулирование отношений в конкретном обществе, то текст перевода призван просто информировать целевую аудиторию о правовом регулировании тех или иных отношений в другой стране. Это обуславливает принятие переводчиком определенных решений и расстановку акцентов в отношении разных элементов законодательного текста: смысловых составляющих, структурных единиц, терминов, языковых и стилистических особенностей, формы текста.

По мнению Т. Е. Краутман, «эквивалентность терминологии при переводе законодательных текстов должна обеспечиваться при соблюдении следующих факторов:

1. социально-культурные и исторические особенности развития страны;
2. специфика законодательной системы;
3. стилистические характеристики;
4. точность и однозначность употребляемых терминов, их апробированность;
5. согласованность терминов с общим контекстом, их принадлежность к определенному виду, которые являются необходимым условием для достижения ясности содержания и практической функциональности» [Краутман 2019: 271].

Общепотребительные термины

В данном исследовании объектом выступают юридические термины, связанные с судом присяжных, закрепленные в Федеральном законе от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и в части 5 главы 121 раздела 28 Кодекса США (28 U.S. Code Chapter 121 Part V – Juries; Trial by Jury). Кроме того, материалом исследования послужил перевод российского закона на английский язык, размещенный на сайте Верховного Суда РФ.

Сопоставительный анализ терминов этой группы в аспекте перевода представляет несомненный исследовательский интерес, поскольку российский и американский законы имеют общий предмет регулирования – суд присяжных заседателей. На первый взгляд, эти законы должны содержать термины, выражающие понятия, общие для обеих стран, так как институт суда присяжных в целом является важным элементом гражданского общества и правового государства. В таком случае может быть выделен ряд терминов, имеющих устоявшиеся переводные

эквиваленты. С другой стороны, суд присяжных не может не иметь в каждой стране своей специфики, а значит, и в российском, и в американском законе должны быть термины, которые можно отнести к числу реалий. Существует постулат, согласно которому при переводе невозможно заменить реалии одной страны реалиями другой, что еще больше усложняет задачу переводчиков в попытке сохранить юридическую эквивалентность и точность оригинала [Клюшина, Здор 2016].

Анализ материала исследования позволяет выделить лишь два термина, которые имеют устоявшиеся переводные эквиваленты: *присяжный заседатель* – *juror*, *коллегия присяжных* – *jury panel*. В английском и русском языках они относятся к числу общеупотребительных юридических терминов, имеют одно значение, причем совпадающее для двух языков, стилистически нейтральны, культурно не маркированы.

Приведем примеры контекстов:

- Статья 12. Гарантии независимости и неприкосновенности *присяжного заседателя* – Article 12. Guarantees of Independence and Immunity of a *Juror*;
- Кандидаты в присяжные заседатели, вызванные в суд, но не отобранные в состав *коллегии присяжных заседателей*... – Potential jurors summoned to the court but not selected to the *jury panel*...

Аналогично, при переводе положений американского закона для терминов *juror* и *jury panel* использовались бы эквиваленты *присяжный* и *коллегия присяжных* соответственно:

A *juror* shall be paid an attendance fee of \$50 per day for actual attendance at the place of trial or hearing.

§ 1866 - Selection and summoning of *jury panels*.

Специфика терминов суд присяжных и trial jury

Отдельно следует рассмотреть термины *суд присяжных* и *trial jury*, которые также можно рассматривать как переводные эквиваленты друг друга. Однако термин в русском языке все-таки имеет определенные особенности. Так, Н. А. Дудко указывает, что изначально в советском законодательстве был закреплен термин «суд присяжных». Затем, уже в российском законодательстве, произошли изменения, после того как Конституция РФ закрепила термин «суд с участием присяжных заседателей». «Используемые в действующем законодательстве словосочетания с учетом их уголовно-процессуального содержания можно объединить в два основных варианта: 1) производство в суде с участием присяжных заседателей; 2) производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» [Дудко 2022: 27]. В связи с этим возникает вопрос о том, воспринимаются ли эти термины законодательством как равнозначные или же в каждый из них вкладывается разное уголовно-процессуальное значение. Автор приходит к выводу, что термин «суд присяжных» относится к числу общеупотребительных, а термин «суд с участием присяжных заседателей» – к числу специальных юридических терминов, однако семантически их «можно применять как равнозначные с учетом контекста рассматриваемого вопроса» [Дудко 2022: 30].

Если спроецировать данные рассуждения на перевод, то можно сказать, что переводные эквиваленты этих двух терминов должны совпадать, поскольку значение терминов одинаково. Такая картина наблюдается в словаре МультиТран, где лексические единицы *суд присяжных* и *суд с участием присяжных заседателей* предлагается переводить как *jury trial*, *trial by jury*, *court of jury* или просто *jury*. С другой стороны, при необходимости сохранить форму русскоязычного специального термина используется прием калькирования. Современный русско-английский юридический словарь Борисенко и Саенко фиксирует эквивалент *jury trial* для *суд присяжных* и *with the participation of jurors* для *с участием присяжных заседателей* [Борисенко, Саенко 2006: 454, 366].

В Федеральном законе «О присяжных заседателях...» используется не столько непосредственно термин *суд с участием присяжных заседателей*, сколько выражение «рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей», переводным эквивалентом которого в рамках всего текста выступает калька «consideration of criminal cases with participation of jurors», например:

Граждане призываются к исполнению в суде обязанностей присяжных заседателей... один раз в год на десять рабочих дней, а если *рассмотрение уголовного дела*, начатое с участием *присяжных заседателей*, не окончилось к моменту истечения указанного срока, – на все время рассмотрения этого дела. – Citizens are called upon to perform the duties of jurors in court... once per year for ten working days, and if the *consideration of a criminal case* commenced with *participation of jurors* does not end by expiration of that period – for the whole duration of consideration of the case.

Таким образом, в общем и целом, можно сказать, что термины *суд присяжных* / *суд с участием присяжных заседателей* и *jury trial* / *trial by jury* можно рассматривать как устоявшиеся переводные эквиваленты друг друга, но если в силу коммуникативной ситуации перед переводчиком возникает задача сохранить форму исходного русскоязычного термина, закрепленного именно в законодательстве, то эквивалентом будет выступать калька *court with the participation of jurors*.

Аналоговые термины и формулировки

В отдельную группу можно выделить словосочетания с каким-либо термином, к которым в другом языке можно подобрать аналоги. Однако специфика заключается в том, что при переводе с русского языка на английский был выбран иной способ выражения смысла.

Приведем несколько примеров.

Время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия учитывается при исчислении всех видов трудового стажа. – *The time during which the juror performed duties of administration of justice* is included in calculation of all types of working experience.

В данном примере в переводе можно заметить калькирование синтаксической конструкции оригинала, но, безусловно, с соблюдением норм переводящего языка. Еще более очевидна калька русскоязычного синтаксиса в следующем контексте:

За время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия соответствующий суд выплачивает ему за счет средств федерального бюджета... – For the time spent in performance of duties in the administration of justice, the court pays the juror compensatory remuneration at the expense of the federal budget.

В американском законе для обозначения времени исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия используется более лаконичное словосочетание *a juror's term of service*:

Actual mileage in full at the prescribed rate is payable at the beginning and at the end of *a juror's term of service*.

Приведенные выше формулировки из российского закона можно было бы перевести на английский как *A juror's term of service is included in calculation of all types of working experience* и *The court pays the juror compensatory remuneration for the juror's term of service at the expense of the federal budget*. Это позволило бы не только облегчить синтаксис английского предложения, но и выразить мысль более естественным образом.

Следующий показательный пример – это перевод ч. 2 ст. 10:

Кандидаты в присяжные заседатели, вызванные в суд, но не отобранные в состав коллегии присяжных заседателей и не освобожденные от исполнения обязанностей кандидатов в присяжные заседатели по основаниям, предусмотренным статьями 3 и 7 настоящего Федерального закона, могут быть привлечены для участия в качестве присяжных заседателей в другом судебном заседании. – *Potential jurors summoned to the court but not selected to the jury panel and not relieved from the duties of potential jurors on the grounds stipulated in Articles 3 and 7 of this Federal Law may be drawn to participation as jurors in a different court session.*

В данном примере можно найти сразу несколько выражений, которым можно найти аналоги в американском законе.

Для перевода лексемы *кандидат в присяжные заседатели* использовано словосочетание *potential juror*. Однако то же понятие американцы выражают через *prospective juror*:

The plan for the District of Columbia may require the names of *prospective jurors* to be selected from the city directory rather than from voter lists.

Словосочетание *освободить от обязанностей кандидата в присяжные заседатели* в переводе имеет вид *relieve from the duties of potential jurors*, тогда как в американском законе для этих же целей используется выражение *excuse from jury service* и *exempt from jury service*: *Whenever a person is disqualified, excused, exempt, or excluded from jury service, the jury commission or clerk shall note... the specific reason therefor.*

Наконец, выражение *привлечь для участия в качестве присяжных заседателей* переведено как *be drawn to participation as jurors*. Однако в американском законе тот же смысл передает фраза *be summoned for jury service*:

Any person summoned for jury service who fails to appear as directed may be ordered by the district court to appear forthwith and show cause for failure to comply with the summons.

Таким образом, можно было бы предложить следующий перевод ч. 2 п. 10 Федерального закона:

Prospective jurors summoned to the court but not selected to the jury panel and not excused or exempted from jury service on the grounds stipulated in Articles 3 and 7 of this Federal Law may be summoned for jury service in a different court session.

Статья 3 называется «Требования, предъявляемые к присяжным заседателям». В переводе этому названию соответствует *Requirements to Jurors*. Статья аналогичного содержания в американском законе называется *Qualifications for jury service*.

Словосочетание *участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей* передано как *participate in the administration of justice as jurors*:

Граждане Российской Федерации (далее – граждане) имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей... – *Citizens of the Russian Federation (hereinafter – citizens) have the right to participate in the administration of justice as jurors...*

Аналогом может выступать фраза *serve as jurors*:

all citizens... shall have an obligation to serve as jurors when summoned for that purpose.

Таким образом, анализ материала позволяет сделать вывод, что при переводе нормативных положений законодательного текста с русского языка на английский нередко калькируется как структура оригинального предложения, так и словосочетания с юридическим термином. Для перевода словосочетания обычно используются эквиваленты, непосредственно закрепленные в словаре, допустим, Мультитране. При таком подходе, безусловно, сохраняется смысл исходного высказывания, но под вопросом оказывается естественность языка перевода. Для обеспечения последней в ситуации перевода на неродной язык переводчик может воспользоваться формулировками, которые используются в англоязычном законодательном тексте для изложения схожих правовых норм.

Термины-реалии

а) термины *grand jury* и *petit jury*

Наконец, отдельно стоит рассмотреть юридические термины-реалии, выступающие номинациями понятий, специфичных для той или иной правовой системы. В этом отношении наиболее иллюстративным является американский закон, в котором встречаются такие непонятные для носителя русского языка юридические термины-реалии, как *grand jury*, *petit jury*, *jury commission* и *jury wheel*. Они являются основополагающими для понимания

механизма функционирования суда присяжных в правовой системе США.

Термины *grand jury* и *petit jury* используются буквально в первой статье Кодекса США, касающейся суда присяжных:

It is the policy of the United States that all litigants in Federal courts entitled to trial by jury shall have the right to *grand and petit juries* selected at random from a fair cross section of the community in the district or division wherein the court convenes.

Black's Law Dictionary содержит следующую дефиницию термина *grand jury*: «a body of (usually 16 to 23) people who are chosen to sit permanently for at least a month – and sometimes a year – and who, in ex parte proceedings, decide whether to issue indictments» [Black's 2009: 767].

Как пишет В. Н. Руденко, «большое жюри (*grand jury*) – коллегия присяжных заседателей, рассматривающая вопрос обоснованности обвинения в совершении уголовного преступления, выдвинутого государственным обвинителем и решающая вопрос о необходимости предания обвиняемого суду» [Руденко 2011а: 467]. Данный суд присяжных не выносит решений о виновности или невиновности подозреваемого. Группа присяжных большого жюри предварительно рассматривает дело, то есть организуется, чтобы определить, хватает ли доказательств и оснований для возбуждения уголовного дела. Обычно в состав большого жюри входит от 16 до 23 человек.

Можно увидеть, что автор оперирует термином *большое жюри*. Этот термин уже закрепился в профессиональной юридической литературе и включен, к примеру, в Большой юридический словарь со следующей дефиницией: «в праве США коллегия присяжных, созываемая с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предать обвиняемого суду, где его дело будет рассматриваться с участием "малого жюри" присяжных» [Большой юридический словарь URL]. Он же приводится в качестве переводного эквивалента в словаре Мультитран.

По нашему мнению, данный вариант перевода является наиболее точным. Он позволяет отразить организационные и функциональные различия в работе большого и малого жюри (термин уже используется в дефиниции, о нем речь пойдет ниже). В праве Российской Федерации отсутствует практика разделения суда присяжных на два типа. Именно поэтому, отражая разницу между двумя видами жюри присяжных в правовой системе США, делая акцент на количественном преимуществе присяжных заседателей большого жюри, данный перевод помогает избежать путаницы и неточности и облегчает понимание правовых реалий США носителю русского языка.

«Petit jury – a jury (usually consisting of 6 to 12 persons) summoned and empaneled in the trial of a specific case» [Black's 2009: 934]. Как указывает В. Н. Руденко, «малые жюри в странах общего права – коллегии присяжных заседателей, участвующие в рассмотрении в суде дела по существу» [Руденко 2011а: 468]. В отличие от большого жюри, малое жюри не ведет предварительное рассмотрение дела, а участвует в слушании и выносит решение о виновности или невиновности подсудимого. Обычно данное жюри состоит из 6-12 присяжных.

Как видим, общепринятым вариантом перевода термина *petit jury* является термин *малое жюри*. Это переводческое решение помогает разграничить две формы суда присяжных США: большое и малое жюри. Ведь, как упоминалось выше, в состав малого жюри входит меньшее количество членов заседания, чем в большое жюри. Можно сказать, что данный перевод говорит сам за себя, помогая избежать путаницы, проводит черту между двумя категориями суда присяжных.

Если попытаться соотнести термины *grand jury* и *petit jury* с термином *суд присяжных*, который встречается как переводной эквивалент обоих английских лексических единиц, то можно сделать следующие выводы.

Применительно к *grand jury* такое переводческое решение представляется в корне неверным. Во-первых, как упоминалось ранее, суд присяжных США делится на две категории: *grand jury* и *petit jury*. Каждый из этих органов судопроизводства участвует в разных судебных процессах, выполняет разные функции, имеет отличающиеся друг от друга организационные правила. В отличие от *petit jury*, *grand jury* не имеет права выносить вердикт о виновности или невиновности подсудимого. Данный орган решает вопрос о наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. Поэтому, называя *grand jury* по-русски обобщенно *суд присяжных*, мы не просто стираем разграничения между двумя формами суда присяжных в США, но главным образом допускаем фактическое искажение, так как *grand jury* в США не занимается тем, что входит в России в полномочия суда присяжных.

Однако в случае с термином *petit jury* эквивалент *суд присяжных* может быть адекватным переводом. В правовой системе Российской Федерации суд присяжных выполняет те же функции, что и *petit jury* в США. Эти органы отвечают за рассмотрение фактов дела и вынесение вердикта о виновности или невиновности подсудимого. Именно поэтому такой вариант перевода не введет читателя в заблуждение и не исказит смысл. Эта мысль подтверждается и контекстами из корпусного словаря Reverso. В ситуациях, когда нет необходимости противопоставлять *grand jury* и *petit jury*, достаточно использовать слово *присяжные*:

The *petit jury* found the defendant guilty after a lengthy trial. – После длительного судебного процесса *присяжные* признали обвиняемого виновным.

A quick decision by the *petit jury* surprised many in the courtroom. – Быстрое решение *присяжных* удивило многих в зале суда.

б) термин *jury commission*

Другим юридическим термином-реалией в американском законе является *jury commission*, который встречается, к примеру, в таком контексте: «Among other things, such plan shall either establish a jury commission, or authorize the clerk of the court, to manage the jury selection process».

Согласно дефиниции в юридическом словаре Justia, под *jury commission* понимается «a group of designated government officers responsible for creating a list of potential jurors, typically done randomly through a method such as a jury wheel» [Justia URL]. То есть *jury commission* – это юридический орган в судопроизводстве США, который занимается составлением списков кандидатов в присяжные заседатели с соблюдением всех требований, предписанных законом.

В словаре Мультитран переводной эквивалент этого термина не зафиксирован, корпусный Reverso предлагает решение *комиссия по присяжным*:

When the court orders a grand or petit jury to be drawn, the clerk or *jury commission* or their duly designated deputies shall issue summonses for the required number of jurors. – Если суд издает приказ сформировать большое или малое жюри, секретарь суда или *комиссия по присяжным* либо надлежащим образом назначенные их заместители должны направить вызовы требуемому числу присяжных.

На русском языке существует крайне мало научных публикаций, в которых бы упоминалась такая комиссия США, чтобы можно было говорить об однозначности переводческого решения. Так, среди авторов стоит отметить уже цитировавшегося ранее В. Н. Руденко, который в одной из работ пишет следующее: «Этот план должен предусматривать создание комиссии, ведающей формированием состава присяжных (Jury Commission), либо назначение клерка суда, ответственного за формирование состава жюри» [Руденко 2011б: 388]. По сути, это формулировка приведенного выше нормативного положения из американского закона. Как видим, В. Н. Руденко использует описательный перевод, раскрывающий суть англоязычного термина: *комиссия, ведающая формированием состава присяжных*.

Представляется, что альтернативой может служить *комиссия по отбору присяжных заседателей*. Перевод в данном случае также описательный, но он раскрывает получателю функции данного органа. В правовой системе РФ отсутствует данное понятие, так как здесь отбором присяжных занимается секретарь судебного заседания или помощник судьи. Стоит, однако, сказать, что в США есть лицо, обозначаемое термином *jury commissioner*, под которым понимается «an officer responsible for drawing and summoning the panels of potential jurors in a given county» [Black's 2009: 307]. В глоссарии к монографии В. Н. Руденко называет это лицо *уполномоченный, ведающий формированием состава присяжных* и поясняет: «в США – лицо, назначаемое судом для подготовки списков присяжных, проверки кандидатов на соответствие требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям, отбора присяжных в состав большого и малого жюри» [Руденко 2011б: 568]. В Мультитране зафиксированы схожие решения, в которых также используется описательный перевод: *чиновник, ведающий формированием состава присяжных; должностное лицо, которое подает в суд списки возможных членов жюри*.

Надо сказать, что в федеральном законе США термин используется с уточняющим компонентом citizen: «...the plan for the District of Columbia may establish a jury commission consisting of three citizens. The *citizen jury commissioner* shall not belong to the same political party as the clerk serving with him». Иными словами, подчеркивается, что имеется в виду член комиссии по отбору присяжных, который относится к числу гражданских лиц, рядовых граждан, тогда как clerk of the court – секретарь суда.

в) термин *jury wheel*

Наконец, в федеральном законе США стоит обратить внимание на термин *jury wheel*, который встречается в следующем контексте: «They [these procedures] shall ensure that names of persons residing in each of the counties, parishes, or similar political subdivisions within the judicial district or division are placed in a master *jury wheel*...»

Дефиниция *jury wheel* дается в этом же законе в соответствующей статье: «“jury wheel” shall include any device or system similar in purpose or function, such as a properly programmed electronic data processing system or device».

Мы видим, что этим термином обозначается специальный, похожий на барабан, контейнер, в который опускаются имена кандидатов в присяжные заседатели. Назначенное лицо вращает данный контейнер, затем достает имена будущих присяжных заседателей. Кроме того, это может быть и электронная система отбора имен.

В двуязычных словарях лексическая единица *jury wheel* не зафиксирована. Возможное решение можно найти в работе В. Н. Руденко: «Периодически, в соответствии с планом, клерк или судья районного суда вытягивают наугад из *барабана*, содержащего бюллетени с фамилиями и именами потенциальных кандидатов в присяжные заседатели (master jury wheel), определенное количество бюллетеней...» [Руденко 2011б: 389] (курсив наш). Также автор использует слово *устройство*: «Должно быть также предусмотрено наполнение *устройства*, не реже одного раза в четыре года, новыми фамилиями и именами и др.» [Руденко 2011б: 389] (курсив наш).

Таким образом, в данном случае при переводе культурно маркированного термина *jury wheel* с большей долей вероятности логично прибегнуть к генерализации, а если нужно сохранить образность оригинала, то можно воспользоваться словом «барабан».

Выводы

Юридический перевод является сложным процессом, требующим крайней внимательности и точности. Юридический текст всегда насыщен специальной терминологией, служащей выражением юридических понятий, которые несут на себе отпечаток действующей в стране правовой системы.

В свете наличия в России и США законов, имеющих один и тот же предмет регулирования, интерес представляет проведение параллелей по части исследуемой терминологии. Такие законодательные тексты могут использоваться переводчиком как источник решений.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, во-первых, устоявшиеся переводные эквиваленты имеют в двух языках термины, которые можно отнести к группе общеупотребительных, и их количество крайне мало. Во-вторых, перевод на неродной язык нередко содержит синтаксические кальки оригинала, избежать которых и сделать форму выражения более естественной для носителя языка перевода помогло бы использование аналоговых терминов и выражений из соответствующего закона на языке перевода. В-третьих, даже при схожем предмете регулирования законы России и США содержат термины, отражающие существенные различия в правовых системах России и США.

В США есть специфические юридические понятия, которые не имеют аналогов в правовой системе РФ. Это подчеркивает необходимость учета и тщательного изучения правовых различий стран при переводе.

Литература

- Балашова Е. Ю., Лазовская Н. В. Проблемы перевода юридической терминологии в аспекте международного правового дискурса / Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2022. – №1. – С. 34-42.
- Большой юридический словарь / Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/>
- Борисенко И. И., Саенко В. В. Современный русско-английский юридический словарь. Москва, 2006.
- Дудко Н. А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии / Юрислингвистика. – 2022. – № 26 – С. 26-32.
- Ключина А. М., Здор А. И. Проблемы и способы перевода английских терминов в текстах юридического дискурса / Поволжский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 55-58.
- Краутман Т. Е. Эквивалентность терминов при переводе текста закона с английского языка на русский / Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 4. – С. 269-271.
- Руденко В. Н. Большое жури как институт гражданского участия в отправлении правосудия / Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011а. – Вып. 11. – С. 467-488.
- Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург, 2011б.
- Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/
- Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. Москва, 1990.
- Black's Law Dictionary / ed. by Bryan Garner. Ninth edition. USA, 2009.
- Federal Law 20.08.2004 No. 113 On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation. URL: https://www.vsrfr.ru/en/judicial_system/law_jurors/
- Justia Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.justia.com/>
- Multitran. URL: <https://www.multitran.com/>
- Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/>
- U.S. Code. Title 28. Chapter 121 Part V – Juries; Trial by Jury. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-V/chapter-121/>

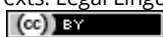
References

- Balashova, E. Yu., Lazovskaya, N. V. (2022). The problems of legal terminology translation in the aspect of international legal discourse. Language of science and professional communication, 1, 34-42 (in Russian).
- Black's Law Dictionary (2009). Ed. by Bryan Garner. Ninth edition. USA.
- Borisenko, I. I., Saenko, V. V. (2006). Contemporary Russian-English legal dictionary. Moscow (in Russian).
- Dudko, N. A. (2022). Jury trial or court with jury participation: terminology issues. Legal Linguistics, 26, 26-32 (in Russian).
- Federal Law 20.08.2004 No. 113 On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/ (in Russian).
- Federal Law 20.08.2004 No. 113 On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation. Available from: https://www.vsrfr.ru/en/judicial_system/law_jurors/
- Justia Legal Dictionary. Available from: <https://dictionary.justia.com/>
- Klyushina, A. M., Zdor, A. I. (2016). The problems and the ways of the translation of the English terms in the legal discourse texts. The Volga pedagogical bulletin, 3, 55-58 (in Russian).
- Krautman, T. E. (2019). Equivalence of terms in translation of law text from English to Russian. Baltic humanitarian journal, 4, 269-271 (in Russian).
- Language of a law. (1990). A. S. Pigolkin (Ed.). Moscow (in Russian).
- Multitran. Available from: <https://www.multitran.com/>
- Reverso Context. Available from: <https://context.reverso.net/>
- Rudenko, V. N. (2011a). The grand jury as the institute of citizen participation in judiciary. Yearbook of Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 11, 467-488 (in Russian).
- Rudenko, V. N. (2011b). Citizen participation in judiciary in contemporary world. Ekaterinburg (in Russian).
- U.S. Code. Title 28. Chapter 121 Part V – Juries; Trial by Jury. Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/part-V/chapter-121/>

Citation:

Борисова Л. А., Кардашова М. А. Терминология, связанная с судом присяжных, в российском и американском законодательном тексте в аспекте перевода // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 6-12.

Borisova L. A., Kardashova M. A. (2026) Translation Approach to Terminology Related to Trial by Jury in Russian and American Legislative Texts. Legal Linguistics, 39, 6-12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

От лексической неоднозначности к правовой неопределенности: дефиниционный статус лексемы «подготовка» в системе российского образования

Р. Е. Булат¹, Х. С. Байчорова²

¹Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Петербургское шоссе, 10, 196605, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: bulatrem@mail.ru

²Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии
А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации
наб. Макарова, 8, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: baj-hafizka@mail.ru

Статья посвящена анализу дефиниционного статуса лексемы «подготовка» в системе российского образования. Авторы исследуют проблему терминологической неоднозначности, возникающей из-за отсутствия четкого законодательного определения данного понятия в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Семантическая неустойчивость лексемы (процессуальное и результативное значение) переносится из профессионального дискурса в правовое поле, что приводит к системным логическим коллизиям внутри закона. На примере анализа ключевых статей демонстрируется, как непоследовательное использование понятий «подготовка обучающегося», «качество образования», «образовательная деятельность» и «качество подготовки» усложняет системное правовое регулирование. Исследование включает сравнительный анализ лексикографических источников, положений закона и теоретических работ. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления непротиворечивого определения лексемы «подготовка» для устранения правовой неопределенности и обеспечения корректного применения норм в подзаконных актах и локальных нормативных документах.

Ключевые слова: лексическая неоднозначность, правовая неопределенность, лексема «подготовка», терминологическая вариативность, профессиональный дискурс, правовые коллизии.

From Lexical Ambiguity to Legal Uncertainty: Lexical Unit "Training" in the Russian Education System

R. E. Bulat¹, Kh. S. Baychorova²

¹Leningrad State University named after A. S. Pushkin

10, Peterburgskoe Rd., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia. E-mail: bulatrem@mail.ru

²Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation

8, Makarova nab., St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: baj-hafizka@mail.ru

The article analyzes the definitional status of the lexical unit "training" within the Russian education system. The authors examine the problem of terminological ambiguity arising from the absence of a clear legislative definition for this concept in the Federal Law "On Education in the Russian Federation." The semantic instability of the lexical unit (denoting both the process and the result) is transferred from professional discourse into the legal domain thus causing systematic logical conflicts within the law. Through analysis of key articles the study demonstrates how the inconsistent use of the concepts "student training," "quality of education," "educational activities," and "quality of training" complicates systematic legal regulation. The research includes comparative analysis of lexicographic sources, legal provisions, and theoretical works. It concludes that there is a necessity for the legislative consolidation of a consistent definition of the lexical unit "training" in order to eliminate legal uncertainty and ensure the correct application of norms in by-laws and local regulatory documents.

Key words: lexical ambiguity, legal uncertainty, lexical unit "training", terminological variability, professional discourse, conflict of laws.

Уровень терминологической культуры является индикатором общей профессиональной культуры участников взаимоотношений в любой сфере профессиональной деятельности. Однако одной из основных проблем формирования такой культуры выступает неразрешенная в терминоведении дилемма о соотношении понятия (логической категории) и термина (языковой единицы, обозначающей понятие) [Лейчик 2007; Гринев-Гриневич, Сорокина, Молчанова 2022: 710–729], ведущая к терминологической вариативности и порождающая в профессиональных дискурсах избыточную синонимию, жаргонизацию и нарушение принципа однозначности [Ивин, Никифоров 1997] при дефинировании [Тюрнева, Щурик 2017: 115–125; Стожок 2011: 79–81]. Как отмечают А. Р. Карапетян и О. А. Журавлева, мнения исследователей в данном вопросе могут быть даже «диаметрально противоположными» [Карапетян, Журавлева 2016: 92–95].

В сфере образования проблема смешения уровней – языкового (термин) и логического (понятие) [Доладова 2016: 105–112] – и размытия границ между терминологической системой и понятийным аппаратом обнаруживаются в ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (далее – Закон) [273-ФЗ от 29.12.2012 URL]. Недифференцированное применение терминов и понятий в данной статье указывает на необходимость их теоретического и, возможно, структурно-правового разграничения (см. [ст. 4 5-ФЗ от 28.06.2004 URL; ст. 1 328-ФЗ от 01.10.2019 URL; ст. 4 59-ФЗ от 02.05.2006 URL]).

Вместе с тем в реалиях взаимодействия участников образовательных отношений проявляется недостаточная строгость применения даже того минимума, который закреплен как в ст. 2, так и в других статьях Закона. На наш взгляд, сложившаяся вольность в применении на практике терминов и понятий в устной и письменной коммуникации, в том числе профессиональной (научной и административной), именно в сфере образования является проблемой, подтверждающей потребность в дальнейших научных исследованиях [Булат, Байчорова 2023: 19–26].

Актуальность разработки научно-обоснованных рекомендаций в области применения терминов и понятий в сфере образования подчеркивается тем, что данная сфера по определению характеризуется познанием истин как основной целью деятельности [Булат, Байчорова 2023: 26–31; Булат, Давыдова 2024: 55–62]. В профессиональном дискурсе важным признаком участников является их профессиональная компетенция, которая *«лингвистически проявляется как профильные характеристики общения – глубокое знание предметной сферы деятельности и умение применять знания на практике»* [Бейлинсон 2009: 145–149; Бейлинсон 2016: 179–182]. Поэтому передача искаженных дефиниций, необоснованная синонимизация, употребление терминологических анахронизмов и другие негативные тенденции не могут не вызывать беспокойство [Ларионов, Новичков 2019: 89–103; Старостин 2019: 76–96; Булат, Байчорова 2023: 216–230].

Так, например, несмотря на внесение изменений в п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ "О государственном языке Российской Федерации" в части замены *«образовательные учреждения»* на *«образовательные организации»* [ст. 12 117-ФЗ от 30.04.2021 URL], в настоящее время в текстах официальных документов применяется не только словосочетание *«образовательные учреждения»*, но и терминологически устаревшее: *«учебные заведения»*. К другим примерам терминологической произвольности в методических документах различного уровня, а также в научных публикациях следует отнести следующие словосочетания, не соответствующие современной нормативной базе: *«преподавание учителями учебных дисциплин»*, *«руководство преподавателями выпускными квалификационными работами»*, *«ведомости текущей аттестации»*, *«допуск учащихся к сессии»*, *«курсы повышения квалификации»*, *«задачи образовательной и воспитательной деятельности»* и др.

Следует отметить, что допустимая вариативность профессионального (научно-педагогического) дискурса, не являющаяся нарушением, может создавать трудности при переходе в плоскость правового регулирования. Применение подобных словосочетаний в локальных нормативных актах организаций, осуществляющих образовательную деятельность, способно обусловить неполное или неточное исполнение управленческих замыслов и решений. В результате могут быть спровоцированы юридические разбирательства, касающиеся неправомерного привлечения к ответственности педагогических или иных работников таких организаций. Так, например, фраза в организационно-распорядительном документе *«всем преподавателям до 1 сентября 2025 года пройти вакцинацию...»* может быть воспринята доцентами и профессорами как к ним не относящаяся на основании узкой трактовки термина «преподаватель» в отдельных профессиональных контекстах, в отличие от расширительного толкования в кадровой практике. В частности, они могут апеллировать к положениям Постановления Правительства России [Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 N 225 URL] и, соответственно, указание не будет выполнено.

Наряду с имеющимися четкие определения общепринятыми терминами в сфере образования, в профессиональном дискурсе существуют и такие лексемы, которые, несмотря на повсеместное употребление, лишены строгого нормативного закрепления. К последним следует отнести, в частности, лексему *«подготовка»* [Павлова 2010: 307–312]. Она широко встречается в научных публикациях, нормативных правовых документах и методических рекомендациях, однако его смысловая неоднозначность в официальных документах может приводить к юридическим коллизиям, а в дальнейшем – использоваться в качестве аргумента в судебных спорах.

В связи с этим целью нашего исследования является проведение критического сравнительного анализа положений законодательных и нормативных правовых актов, результатов теоретических исследований ученых и лексикографических источников для последующего научного поиска наиболее непротиворечивого дефинирования лексемы «подготовка» в рамках отношений в сфере образования (ст. 1 Закона) и разработки предложений по ее применению.

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации фиксирует у слова «подготовка» два основных значения: процессуальное (действие по глаголу *подготовить/подготовиться*) и результативное («*Определенный запас каких-либо знаний, приобретенных в процессе обучения, занятий*») [Толковый словарь... Часть 2 (П-Я): 74 URL]. Показательно, что именно в первом значении в словаре приводится пример «*подготовка специалистов*», что косвенно указывает на преобладание процессуального значения в контексте профессионального образования. Данное предположение находит свое подтверждение в толковании слова «профподготовка» [Толковый словарь... Часть 2 (П-Я): 228 URL], которое связывает его с «*обучением профессиональным знаниям*», то есть с прохождением определенного периода, подготавливающего к профессиональной деятельности, а не с его результатом (итоговым приобретением).

Отмеченная особенность согласуется с результатами наших более ранних исследований, в которых аргументировалось разграничение дефиниций «*подготовка*» и «*готовность*» именно как «*процесс*» и «*результат*» [Булат 2006]. Данные исследования опирались на положения концепции динамической функциональной структуры личности К. К. Платонова [Платонов 1986], а также на понимание того, что готовность является результатом подготовки к профессиональной деятельности. Педагогический аспект этой точки зрения подтверждает определение, данное Н. В. Павловой: «*Подготовка представляет собой целостную интегративную, динамично развивающуюся, полифункциональную коммуникативную систему, объединяющую взаимосвязанные и взаимодействующие для достижения общей педагогической цели компоненты*» [Павлова 2010: 307–312].

Следует отметить, что анализ лексикографических трактовок слова «подготовка» в различных словарях позволил выявить и другую особенность. Она заключается в том, что лексема «подготовка» чаще употребляется в таких видах образования, как «профессиональное образование» и «профессиональное обучение» и реже – в общем образовании. Так, например, в толковом словаре под редакцией Д. В. Дмитриева вторым из шести значений слова «подготовка» указано: «*подготовкой называют профессиональное обучение чему-либо*» [Толковый словарь... 2003: 901]. Выявленная особенность нашла подтверждение в специализированном словаре профессионально-педагогических понятий, в котором словосочетания «*подготовка рабочих*» и «*обучение рабочих*» указаны как синонимичные, а лексема «подготовка» наиболее частотна в составе термина «*профессиональная подготовка*» [Профессионально-педагогические понятия 2005].

При этом лексема «подготовка», требующая для установления своего значения построения дефиниции, не имеет однозначного и четкого определения ни в ст. 2, ни в других статьях Закона. Однако понятие «*практическая подготовка*» [273-ФЗ от 29.12.2012 URL], которое логично может рассматриваться как разновидность «подготовки», в Законе имеет четкое определение. В правовом контексте «подготовка» (особенно в связке «профессиональная подготовка») является не обиходным словосочетанием, а видом образовательной деятельности с конкретными юридическими последствиями. Более того, требования ч. 24 ст. 92 Закона к государственной аккредитации предусматривают оценку именно практической подготовки обучающихся, а не подготовки обучающихся в целом.

Данная терминологическая неопределенность обуславливает предпосылки для разделения понятия «подготовка обучающихся» на практическую и теоретическую, однако понятие «*теоретическая подготовка*» в Законе не раскрыто. В связи с этим исследовательский интерес вызвал факт обратной доли внимания Толкового словаря государственного языка Российской Федерации к данным словосочетаниям. Так, при определении слова «*теоретический*» приводится пример словосочетания «*теоретическая подготовка*» [Толковый словарь... Часть 2 (П-Я): 546 URL], тогда как для слова «*практический*» подобный пример со словом «подготовка» [Толковый словарь... Часть 2 (П-Я): 148 URL] отсутствует.

Важным является и то, что значимость лексемы «подготовка» в сфере образования подчеркивается ее устойчивой связью с понятием «*качество*» во многих положениях Закона. Так, согласно ч. 29 ст. 2 Закона, «*качество образования*» как «*комплексная характеристика*» включает в себя как «*образовательную деятельность*», так и «*подготовку обучающегося*» [273-ФЗ от 29.12.2012 URL]. Наличие в указанной «*комплексной характеристике*» качества образования двух равноценных составляющих обуславливает следующие суждения:

понятия «*качество образования*» и «*качество подготовки*», а следовательно понятия «*качество профессионального образования*» и «*качество профессиональной подготовки*», не являются тождественными и не могут употребляться как синонимы;

поскольку «*образовательная деятельность*» как «*деятельность по реализации образовательных программ*» (п. 17 ст. 2 Закона) [273-ФЗ от 29.12.2012 URL] по своей сути является процессом, то сопоставляемая с ней «подготовка обучающегося» в рамках данной дефиниции должна пониматься как «*результат*».

Вместе с тем необходимо отметить, что заключительная часть анализируемой сложной синтаксической конструкции, подчеркивающей по смыслу значимость «*результата*», не в полной мере может быть соотнесена только с «*подготовкой обучающегося*». Дело в том, что в ней уточняется «*степень достижения планируемых результатов образовательной программы*». Однако отсутствие местоимения «их» не позволяет определить, относится ли это к обеим составляющим «*комплексной характеристики*» или только к «*подготовке обучающегося*».

Разграничение понятий «*образовательная деятельность*» и «*подготовка обучающегося*» в некоторой степени представлено в ст. 95 и 95.1 Закона [273-ФЗ от 29.12.2012 URL]. Так, независимая оценка «*качества образования*» «*направлена на получение сведений об образовательной деятельности, установление качества подготовки обучающихся и реализации образовательных программ*». Поэтому в данном контексте качество образования включает в себя два компонента: «*качество подготовки обучающихся*» и «*качество реализации образовательных программ*». При этом «*образовательная деятельность*», о которой должны быть лишь «*получены сведения*», как уже отмечалось, эквивалентна «*деятельности по реализации образовательных программ*». Следовательно, установление «*качества*

реализации образовательных программ» подразумевает оценку качества «деятельности по реализации образовательных программ», то есть оценку качества «образовательной деятельности» [273-ФЗ от 29.12.2012 URL].

При этом независимая оценка качества образования включает:

независимую оценку качества подготовки обучающихся;

независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность (ч. 2 ст. 95 Закона) [273-ФЗ от 29.12.2012 URL].

В этой связи следует отметить, что понятия «**качество условий** осуществления образовательной деятельности» и «**качество образовательной деятельности**» не тождественны: второе является более широким и включает, помимо «условий», иные элементы. Примерами таких элементов «**качества образовательной деятельности**» могут являться аккредитационные показатели, установленные Приказом о проведении аккредитационного мониторинга [Приказ Рособнадзора N 660, Минпросвещения России N 306, Минобрнауки России N 448 от 24.04.2023 URL], который также регламентирует оценку качества образования (ч. 3 ст. 97 Закона) [273-ФЗ от 29.12.2012 URL].

Однако терминологическая непоследовательность обнаруживается и в нормах Закона. Так, наряду с включением «подготовки обучающегося» в состав понятия «качество образования» как одного из двух элементов его «комплексной характеристики» ч. 29 ст. 2 Закона, в п. 7 ч. 24 ст. 92 Закона понятия «качество образования» и «качество подготовки обучающихся» применены как равнозначные. Об этом свидетельствует разделение их сочинительным союзом «и» во фразе о порядке учета сведений о результатах «...независимой оценки качества образования и качества подготовки обучающихся...» [273-ФЗ от 29.12.2012 URL]. Данное обстоятельство расходится с ранее выявленным соподчинением понятия «подготовка обучающегося» понятию «качество образования», что препятствует построению непротиворечивой терминологической системы и, как следствие, корректному применению этих понятий в локальных нормативных актах.

Кроме того, в п. 1 ч. 6 ст. 28 Закона при перечислении через запятую представлены уже не «качество образования» и «качество подготовки обучающихся», а «реализация в полном объеме образовательных программ» и «соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям». Поэтому необходимо подчеркнуть, что в соответствии с требованиями этого же Закона «реализация в полном объеме образовательных программ» является условием, предопределяющим «соответствие качества подготовки обучающихся установленным требованиям», поскольку именно в самих образовательных программах сформулированы требования к планируемым результатам их освоения. Следовательно, невыполнение этих требований будет означать реализацию образовательных программ в неполном объеме.

Последующий сравнительно-сопоставительный анализ положений Закона подтвердил необходимость дальнейшего уточнения соотношения понятий «качество образования» и «качество подготовки обучающихся». Так, в ч. 1 ст. 72 Закона «повышение качества подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования» и в ч. 2 ст. 59 Закона «Итоговая аттестация проводится на основе принципов объективности и независимости оценки качества подготовки обучающихся» акцент сделан на «качество подготовки обучающихся». Однако в ч. 7 ст. 28 Закона указано, что образовательная организация несет ответственность не за «качество подготовки обучающихся», а «за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, качество образования своих выпускников» [273-ФЗ от 29.12.2012 URL].

Следует отметить, что выявленные терминологические неточности являются частью более широкой системной проблемы. За рамками данного анализа остается важный, на наш взгляд, вопрос правоприменения. Так, согласно пп. 18 и 19 ст. 2 Закона «организации, осуществляющие обучение» имеют иной правовой статус, нежели «образовательные организации». При этом они также наделяются правом на образовательную деятельность, то есть на деятельность по реализации образовательных программ. Почему в Законе отсутствуют положения об их ответственности «за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, качество образования своих выпускников», а также за недостатки в «качестве подготовки обучающихся»? Актуальность данной коллизии, на наш взгляд, возросла после предоставления аналогичного права научным организациям (по образовательным программам высшего образования (кроме бакалавриата)) [Постановление Правительства РФ от 19.05.2023 N 785 URL]. Правовой статус научных организаций, в отличие от образовательных, изначально не регулируется в полной мере Федеральным законом «О некоммерческих организациях» [7-ФЗ от 12.01.1996]. Соответственно, нормативные пробелы в регулировании могут быть не только следствием юридических казусов, но и следствием терминологической нечеткости.

Вместе с тем подобные наблюдаемые пробелы вызывают вопрос о том, является ли отсутствие в сфере образования четкого терминологического разграничения между основными понятиями инструментом правового регулирования, создающим преднамеренную гибкость нормы, или оно свидетельствует о законодательном пробеле. Следует подчеркнуть и то, что в обиходной речи или иных профессиональных дискурсах, безусловно, возможно широкое или даже синонимичное употребление лексем «качество образования», «образовательная деятельность» и «подготовка обучающихся». Однако в строгом нормативном правовом тексте, где каждое понятие занимает строго отведенную функциональную позицию (в частности «процесса» или «результата»), подобное смешение значений приводит к нарушению системности правового регулирования и, как следствие, к сложностям в применении норм.

Таким образом, проведенный комплексный анализ употребления лексемы «подготовка» в профессиональном дискурсе и тексте Закона не только подтверждает тезис о необходимости разграничения, но и раскрывает лингвистический механизм возникновения правовых коллизий. В частности, в профессиональном дискурсе эта лексема употребляется в процессуальном значении (как синоним «обучения» или «освоения программы»).

В правовом же контексте ее применение демонстрирует непоследовательность и терминологическую нестабильность: «подготовка» функционирует как строгий термин в составе правовых понятий («*практическая подготовка*» (п. 24 ст. 2, ч. 6 ст. 13)) и как контекстуально обусловленное понятие, значение которого варьируется от «процесса» (например, «*организация практической подготовки*» (ч. 5 ст. 82); «*подготовка научных и научно-педагогических кадров*» (ч. 8.1 ст. 11)) до «результата» (например, «*качества подготовки обучающихся*» (п. 1 ч. 6 ст. 28)) в зависимости от системных связей.

Соответственно, терминологическая непоследовательность применения лексемы «подготовка», коренящаяся в отсутствии ее непротиворечивой дефиниции в ст. 2 Закона, усугубляет внутренние логические коллизии правового текста (например, ч. 2 ст. 92 и п. 29 ст. 2). Более того, указанная семантическая неустойчивость не только предопределяет сложности в применении и восприятии самой лексемы, но и ведет к противоречивой трактовке непосредственно связанных с ней правовых категорий, что является признаком нарушения системности правового регулирования. В этой связи устранение терминологической неоднозначности путем закрепления корректного определения представляется, по нашему мнению, необходимым условием для последующей системной конкретизации иных норм образовательного права.

Важным аргументом в пользу необходимости такого разграничения служит проведенный логико-синтаксический анализ формулировок самого Закона. В частности, согласно п. 29 ст. 2 Закона «*качество образования*» включает два равноправных элемента: «образовательную деятельность» и «подготовку обучающегося». Данная конструкция предполагает логическое допущение о дихотомии «процесс – результат»: если первый элемент обозначает процесс, то второй, находясь с ним в сочинительной связи, должен интерпретироваться как результат. Следовательно, отождествление данных понятий в рамках Закона вступает в противоречие с базовым лингвистическим принципом, согласно которому семантически противопоставленные элементы сочинительного ряда не могут обозначать тождественные сущности.

Таким образом, исследование дефиниционного статуса лексемы «подготовка» в системе российского образования позволило выявить следующие:

лексема «подготовка» обладает семантической неустойчивостью (процесс/результат), что переносится в профессиональный дискурс сферы образования, где она тяготеет к процессуальному значению;

в тексте Закона данная лексема не получила четкой дефиниции, функционируя то как компонент строго определенного термина («*практическая подготовка*»), то как свободное слово с контекстуально меняющейся семантикой;

вследствие семантической неустойчивости ключевого элемента возникают системные логические коллизии внутри Закона. Наиболее яркий пример – различная интерпретация соотношения понятий «качество образования» и «качество подготовки обучающихся»: в дефиниции (ч. 29 ст. 2) они представлены как элементы сочинительного ряда (что предполагает дихотомию процесс-результат), а в операционных нормах (например, п. 7 ч. 24 ст. 92) они используются как потенциально синонимичные или смежные понятия в одном ряду;

отсутствие в сфере образования базового определения порождает производные неясности, такие как невозможность определения «теоретической подготовки» при наличии дефиниции «*практической подготовки*», а также ведет к непоследовательному применению связанных понятий («качество образовательной деятельности», «качество реализации программ»);

семантическая и логическая непоследовательность создает предпосылки для разночтений при реализации норм Закона, разработке подзаконных актов и локальных нормативных документов;

неопределенность обуславливает риски правовых споров, где каждая из сторон может апеллировать к разным смысловым граням слова «подготовка» (процессуальной или результативной) для обоснования своей позиции, например, при оценке выполнения образовательных стандартов или при привлечении к ответственности;

устранение выявленной терминологической неоднозначности является необходимым условием для обеспечения системности и непротиворечивости законодательства в рамках отношений в сфере образования.

Литература

- Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 1(9). – С. 145–149.
- Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: профильные признаки / Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 6. – С. 179–182.
- Булат Р. Е. Управление персоналом в строительстве: формирование готовности работников строительных организаций к профессиональной деятельности. СПб., 2006.
- Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Воспитательный потенциал терминоведения / Art Logos. – 2023. – № 4(25). – С. 216–230. – DOI 10.35231/25419803_2023_4_216.
- Булат Р. Е., Байчорова Х. С. К вопросу применения терминов в системе образования / Развитие современного образования в контексте педагогической компетенциологии: материалы III Всероссийской НПК. – Чебоксары, 2023. – С. 19–26. – DOI 10.31483/r-105571.
- Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Правовые особенности терминов в образовании / Юрист ВУЗа. – 2023. – № 11. – С. 26–31.

- Булат Р. Е., Давыдова С. А. К вопросу уточнения терминов и понятий в образовательной практике / Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 55–62. – DOI 10.5281/zenodo.14197607.
- Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 710–729. – DOI 10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729.
- Доладова О. В. Проблема уровней языковой иерархии / Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 4. – С. 105–112.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1997.
- Караетян А. Р., Журавлева О. А. К вопросу о соотношении понятия и термина / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5-3 (59). – С. 92–95.
- Ларионов А. Э., Новичков А. В. Понятия-симулякры в современном российском образовании / Социально-гуманитарные технологии. – 2019. – № 4(12). – С. 89–103.
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2012.
- Павлова Н. В. Понятие подготовки как педагогической категории в рамках понятийно-терминологического аппарата, применяемого в системе высших учебных заведений / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 8. – С. 307–312.
- Платонов К. К. Структура и развитие личности / отв. ред. А. Д. Глотовкин. М., 1986.
- Постановление Правительства РФ от 19.05.2023 N 785 "Об утверждении Правил формирования перечня научных организаций, которые вправе осуществлять образовательную деятельность по программам специалитета". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447574/
- Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 N 225 (ред. от 11.07.2024) "Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410073/
- Приказ Рособрнадзора N 660, Минпросвещения России N 306, Минобрнауки России N 448 от 24.04.2023 "Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448483/
- Профессионально-педагогические понятия: Слов. / Под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург, 2005.
- Старостин С. А. О подмене понятий в государственном управлении / Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 76–96. – DOI 10.17223/22253513/32/7.
- Стожок Е. В. Термин, понятие и значение / Омский научный вестник. Филологические науки. – № 1 (95). – 2011. – С. 79–81
- Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский государственный университет"). Часть 2 (О-Я). URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast2_O-Ja.pdf
- Толковый словарь русского языка: Ок. 700 слов. ст.: Свыше 6000 значений / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.
- Тюрнева Т. В., Шурик Н. В. Понятие vs термин: лингвосемиотический аспект / Современные исследования социальных проблем. 2017, Том 9, № 1. – С. 115–125. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-115-125.
- Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 30.04.2021 N 117-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383356/
- Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
- Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 02.05.2006 N 59-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/
- Федеральный закон "О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 01.10.2019 N 328-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/
- Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
- Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) "О референдуме Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/.

References

- Balashov, S. M. (2009). Professional discourse as a subject of linguistic study. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 1(9), 145–149 (in Russian).
- Beylinson, L. S. (2016). Professional discourse: profile features. Humanities and Social Sciences, 6, 179–182 (in Russian).

- Bulat, R. E. (2006). Personnel management in construction: formation of readiness of employees of construction organizations for professional activity. St. Petersburg (in Russian).
- Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023). Educational potential of terminology studies. *Art Logos*, 4(25), 216–230, DOI 10.35231/25419803_2023_4_216 (in Russian).
- Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023). On the issue of using terms in the education system. Development of modern education in the context of pedagogical competencies: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. *Cheboksary*, 19–26. DOI 10.31483/r-105571 (in Russian).
- Bulat, R. E., Baychorova, Kh. S. (2023). Legal features of terms in education. *University Lawyer*, 11, 26–31 (in Russian).
- Bulat, R. E., Davydova, S. A. (2024). On the issue of clarifying terms and concepts in educational practice. *Bulletin of the Donetsk National University. Series B: Humanities*, 1, 55–62, DOI 10.5281/zenodo.14197607 (in Russian).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Molchanova, M. A. (2022). Once again on the definition of the term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(3), 710–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729> (in Russian).
- Doladova, O. V. (2016). The problem of language hierarchy levels. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 4, 105–112 (in Russian).
- Ivin, A. A., Nikiforov, A. L. (1997). *Dictionary of logic*. Moscow (in Russian).
- Karapetyan, A. R., Zhuravleva, O. A. (2016). On the issue of the relationship between concept and term. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 5-3 (59), 92–95 (in Russian).
- Larionov, A. E., Novichkov, A. V. (2019). Concept-simulacra in modern Russian education. *Social and Humanitarian Technologies*, 4(12), 89–103 (in Russian).
- Leychik, V. M. (2012). *Terminology studies: subject, methods, structure*. Moscow (in Russian).
- Pavlova, N. V. (2010). The concept of training as a pedagogical category within the conceptual and terminological apparatus used in the system of higher educational institutions. *Current Issues of Humanities and Natural Sciences*, 8, 307–312 (in Russian).
- Platonov, K. K. (1986). *Structure and development of personality*. (A. D. Glotchkina, Ed.). Moscow (in Russian).
- Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.05.2023 No. 785 "On approval of the Rules for the formation of the list of scientific organizations entitled to carry out educational activities in specialist's degree programs". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447574/ (in Russian).
- Decree of the Government of the Russian Federation dated 21.02.2022 No. 225 (as amended on 11.07.2024) "On approval of the nomenclature of positions of teaching staff of organizations engaged in educational activities, positions of heads of educational organizations". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410073/ (in Russian).
- Order of Rosobrnadzor No. 660, Ministry of Education of Russia No. 306, Ministry of Science and Higher Education of Russia No. 448 dated 24.04.2023 "On the implementation of accreditation monitoring of the education system by the Federal Service for Supervision in Education and Science, the Ministry of Education of the Russian Federation and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448483/ (in Russian).
- Professional and pedagogical concepts: Dictionary*. (G. M. Romantsev, Ed.). (2005). Yekaterinburg (in Russian).
- Starostin, S. A. (2019). On the substitution of concepts in public administration. *Tomsk State University Journal of Law*, 32, 76–96, DOI 10.17223/22253513/32/7 (in Russian).
- Stozhok, E. V. (2011). Term, concept and meaning. *Omsk Scientific Bulletin. Philological Sciences*, 1(95), 79–81 (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation (developer – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint Petersburg State University")*. Part 2 (O–Ya). Available from: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast2_O-Ja.pdf (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 700 word articles: Over 6000 meanings*. (D. V. Dmitriev, Ed.). (2003). Moscow (in Russian).
- TYurneva, T. V., Shchurik, N. V. (2017). Concept vs. term: linguo-semiotic aspect. *Modern Research of Social Problems*, 9(1), 115–125, DOI 10.12731/2077-1770-2017-1-115-125 (in Russian).
- Federal Law "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 30.04.2021 No. 117-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383356/ (in Russian).
- Federal Law "On Non-Profit Organizations" dated 12.01.1996 No. 7-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (in Russian).
- Federal Law "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" dated 02.05.2006 No. 59-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (in Russian).
- Federal Law "On Service in the Bodies of Forcible Execution of the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 01.10.2019 No. 328-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/ (in Russian).
- Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (in Russian).
- Federal Constitutional Law dated 28.06.2004 No. 5-FKZ (as amended on 30.12.2021) "On the Referendum of the Russian Federation". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ (in Russian).

Citation:

Булат Р. Е., Байчорова Х. С. От лексической неоднозначности к правовой неопределённости: дефиниционный статус лексемы «подготовка» в системе российского образования // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 13-20.

Bulat R. E., Baychorova Kh. S. (2026) From Lexical Ambiguity to Legal Uncertainty: Lexical Unit "Training" in the Russian Education System. Legal Linguistics, 39, 13-20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Роль модальности в обеспечении точности и интерпретируемости военных юридических текстов

Н. В. Малкова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1, 123001, Москва, Россия. E-mail: malkova_n_v@mail.ru

В статье исследуется влияние модальности на точность и интерпретируемость военных юридических текстов. Целью исследования является анализ языковых средств выражения объективной и субъективной модальности и определение их роли в понимании и интерпретации юридических норм. Методология исследования включает приемы семантических полей, риторического и нарратологического анализа, а также количественный анализ для выяснения соотношения средств субъективной и объективной модальностей в различных типах текстов. Материалом исследования являются нормативно-правовые акты в сфере обороны. Результаты исследования показали, что унификация модальных средств может повысить точность и однозначность юридических текстов. В статье также даны рекомендации по унификации модальных средств в нормативно-правовых актах в сфере обороны.

Ключевые слова: объективная модальность, субъективная модальность, военные юридические тексты, нормативно-правовые акты, юридическая коммуникация.

The Influence of Modality on the Accuracy and Interpretability of Military Legal Texts

N. V. Malkova

*Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Defense Ministry of the Russian Federation
14/1 Bol'shaya Sadovaya Str., 123001, Moscow, Russia. E-mail: malkova_n_v@mail.ru*

The article examines the influence of modality on the accuracy and interpretability of military legal texts. The author analyzes the linguistic means of expressing objective and subjective modality, and also determines how they can influence the understanding and interpretation of legal norms. The article provides recommendations on the unification of modal means in regulatory legal acts in the field of defense, which can increase their accuracy and unambiguity.

Key words: objective modality, subjective modality, military legal texts, normative legal acts, legal communication.

Юридические тексты, в том числе военные, часто характеризуются терминологической неоднозначностью и нечеткостью формулировок. Это может привести к множеству интерпретаций правовых норм, что, в свою очередь, создает риски для правоприменительной практики. Суды могут по-разному истолковывать одни и те же положения, что может привести к несправедливым решениям.

Модальность – это способ выражения в языке уверенности, возможности, необходимости или желания. В военных юридических текстах модальность используется для передачи разных значений:

- обязательность (must, shall, have to и пр.),
- разрешение (may, can, be allowed to и пр.),
- неопределенность (might, probably, possibly и пр.),
- категоричность (definitely, necessarily, surely и пр.).

Объективная модальность выражается через формулировки, указывающие на необходимость выполнения определенных действий или соблюдения правил.

Субъективная модальность выражается через формулировки, указывающие на личное отношение автора к определенному вопросу.

Некорректное использование модальных средств может исказить смысл правовых норм и сделать их интерпретацию более сложной. Это может привести к:

- нарушению прав и свобод военнослужащих,
- несправедливым судебным решениям,
- неправильной квалификации деяний,
- неэффективному правоприменению.

Существует явная необходимость изучить влияние модальности на точность и интерпретируемость документов военного права. Такое исследование позволит:

- определить особенности функционирования модальности в военных юридических текстах,
- определить, как модальность влияет на точность и интерпретируемость нормативных правовых актов (НПА)

в сфере обороны,

- разработать рекомендации по унификации модальных средств в них.

Результаты исследования будут иметь как научную, так и практическую значимость.

Научная значимость:

- вклад в теорию языка и лингвистику текста,
- разработка теории модальности в документах военного права.

Практическая значимость:

- совершенствование законодательства о военной деятельности,
- повышение точности и интерпретируемости военных юридических текстов,
- повышение эффективности правоприменения.

Цель исследования: изучить влияние модальности на точность и интерпретируемость НПА в сфере обороны.

Задачи:

- проанализировать особенности использования объективной и субъективной модальности в НПА в сфере обороны,
- исследовать влияние модальности на точность и интерпретируемость военных юридических текстов,
- выявить примеры использования модальных средств в военных юридических текстах и их связь с дискурсивной стратегией,
- разработать рекомендации по использованию модальных конструкций в военных юридических текстах с учетом контекста, целей и аудитории текста.

Методы исследования:

- анализ научной литературы,
- анализ языковых средств,
- сравнительно-сопоставительный анализ.

Исследования, проведенные российскими и зарубежными учеными, показывают, что модальные глаголы играют важную роль в документах военного права и влияют на их толкование.

В статье А. В. Петровой «Модальные глаголы в военных юридических текстах» [Петрова 2019] исследуется, как модальные глаголы определяют точность и понимание военных директив. Статья О. В. Сидоровой «Функции модальности в текстах военных приказов» [Сидорова 2020] рассматривает функции модальности в текстах военных приказов, в которых каждый глагол описывает необходимые действия и имеет определенный уровень вероятности выполнения. М. Н. Кузнецова в своей статье «Проблемы интерпретации военных юридических текстов» [Кузнецова 2021] обсуждает методы работы с сомнительными терминами и предложениями в документах военного права, чтобы добиться точности в интерпретации.

В свою очередь, международная научная литература, представленная, к примеру, статьями А. М. Боландер «Модальность в юридических текстах» [Bolander 2017] и Д. М. Крецмер «Роль модальности в правовой интерпретации» [Kretzmer 2002], показывает важность модальности не только в военных, но и в правовых текстах в целом. В статье Дж. М. Себениус «Проблемы составления текста простым языком в военном праве» [Sebenius 2019] рассматриваются проблемы использования простого языка в сфере военной юстиции и методы определения правильной интерпретации этих текстов.

Российские и международные исследования подчеркивают значимость модальных глаголов и их влияние на точность и интерпретацию военных юридических текстов. Следовательно, при работе с такими текстами следует принимать во внимание модальность и применять соответствующие подходы для обеспечения правильной интерпретации.

НПА в сфере обороны представляют собой особый класс документов, в которых модальные глаголы играют важную роль в выражении объективной и субъективной модальности. Объективная модальность связана с фактическими обстоятельствами и обозначает вероятность, необходимость или возможность выполнения действий, в то время как субъективная модальность связана с намерениями и желаниями высказывающегося лица.

На уровне языка военные юридические тексты насыщены разнообразными языковыми средствами, позволяющими выражать как объективную, так и субъективную модальность. К ним относятся:

- модальные глаголы (can, must, shall, may и др.),
- специальные термины и фразы (необходимо, должен, предлагаемый, подлежащий исполнению и т.д.),
- лексические и грамматические конструкции (пассивный залог, условные предложения и др.).

Для примера рассмотрим официальные сайты Министерства обороны США, Юридической службы ВМС США и

Военно-воздушных сил США. На этих ресурсах можно найти военные директивы, приказы, стандарты и другие документы, содержащие модальные глаголы и фразы, выражающие объективную и субъективную модальность, например:

"*This standard is mandatory (Этот стандарт обязателен для соблюдения)*" (объективная модальность, обязательность).

"*This is a recommended practice (Это рекомендуемая практика)*" (субъективная модальность, рекомендуемость).

"*It is necessary to ensure the safety of the personnel (Необходимо обеспечить безопасность персонала)*" (объективная модальность, необходимость).

"*We must take all measures to achieve our goals (Мы должны принять все меры для достижения целей)*" (субъективная модальность, обязательность).

"*This document cannot be disclosed (Этот документ не может быть разглашен)*" (объективная модальность, невозможность).

Кроме того, научные статьи в справочно-правовых системах, таких как Уэстлоу и Лексиснексис, а также в электронных библиотеках, к которым относятся ХайнОнлайн и Библиотека Конгресса, содержат множество примеров использования модальных глаголов и фраз для выражения объективной и субъективной модальности в военных юридических текстах.

О б ъ е к т и в н а я м о д а л ь н о с т ь

Объективная модальность выражает обязательство, необходимость или вероятность. Например, глагол "shall" используется для выражения обязательства: "*The Conventions shall apply to all cases of declared war or of any other armed conflict which may arise between two or more High Contracting (Конвенции применяются ко всем случаям объявленной войны или любого другого вооруженного конфликта, которые могут возникнуть между двумя или более договаривающимися сторонами на высшем уровне)*" (Лексиснексис). Глагол "must" также выражает обязательство или необходимость: "*Military lawyers must be able to provide legal advice to commanders and other military personnel (Военные юристы должны быть в состоянии предоставлять юридические консультации командирам и другим военнослужащим)*" (ХайнОнлайн). Фраза "may not" указывает на запрет или необходимость избежать определенного действия: "*The President may not deploy armed forces into hostilities without Congressional authorization (Президент не может задействовать вооруженные силы в боевых действиях без разрешения Конгресса)*" (ХайнОнлайн). Слово "necessary" подчеркивает необходимость: "*It is necessary to ensure the safety of the personnel (Это необходимо для обеспечения безопасности личного состава)*" (Министерство обороны США).

С у б ъ е к т и в н а я м о д а л ь н о с т ь

Субъективная модальность выражает желание, возможность или рекомендацию. Например, глагол "may" используется для выражения возможности: "*The use of force may be justified in self-defense or in the defense of others (Применение силы может быть оправдано в целях самообороны или защиты других лиц)*" (Лексиснексис). Слово "likely" указывает на вероятность: "*The military justice system is likely to face increasing challenges in the future (В будущем система военной юстиции, вероятно, столкнется с растущими трудностями)*" (ХайнОнлайн). Фраза "would like to" выражает желание: "*I would like to see the accused acquitted (Я бы хотел, чтобы обвиняемый был оправдан)*" (Библиотека Конгресса)". Слово "recommended" подчеркивает рекомендацию: "*This is a recommended practice (Это рекомендуемая практика)*" (Юридическая служба ВМС США).

В л и я н и е м о д а л ь н о с т и н а т о ч н о с т ь и и н т е р п р е т и р у е м о с т ь

Модальные глаголы и конструкции играют важную роль в выражении различных модальностей в военных юридических текстах. Категоричные модальные глаголы и конструкции, такие как "shall", "must" и "required", обеспечивают высокую точность и однозначность текстов. Например, "*All military personnel shall comply with uniform regulations (Все военные должны соблюдать единые правила)*" и "*This order must be obeyed (Этот приказ должен быть выполнен)*" являются однозначными и точными. В то же время модальные глаголы и конструкции, такие как "may", "possible" и "presumably", могут снижать точность и вносить элемент неоднозначности в тексты. Например, "*Military personnel may request leave (Военные могут запросить отпуск)*" и "*The situation may change (Ситуация может измениться)*" могут быть интерпретированы различными способами. Модальные глаголы и конструкции, такие как "could", "might" и "should", также могут быть использованы для выражения различных модальностей, но они могут вносить элемент неопределенности в тексты. Поэтому при создании военных юридических текстов необходимо тщательно выбирать модальные глаголы и конструкции, чтобы обеспечить точность и интерпретируемость текстов и избежать неоднозначности и неопределенности в выражении юридических норм. Авторы НПА в сфере обороны должны осознанно использовать модальные средства, учитывая их влияние на восприятие текста, чтобы обеспечить ясность и однозначность в юридических документах.

Сравним влияние модальных средств на точность и интерпретируемость в военно-юридических документах на английском (примеры приводятся из документов, взятых на сайте Библиотеки Конгресса) и русском языках [Приказы Министров обороны РФ и Республики Беларусь № 300 и № 250].

В л и я н и е н а т о ч н о с т ь

Английский язык

Категоричные модальные средства ("shall", "must", "required"): обеспечивают высокую точность и уменьшают риск неправильных интерпретаций, например, "*All military personnel shall comply with uniform regulations (Весь военный персонал должен соблюдать единые правила)*".

Вероятностные модальные средства ("likely", "possible", "presumably"): демонстрируют среднюю точность и могут требовать дополнительного контекста, например, *"Military personnel may request leave (Военнослужащие могут запросить отпуск)"*.

Модальные глаголы/частицы ("would", "might", "should"): снижают точность и вносят элемент субъективности, например, *"Soldiers should always be ready for battle (Солдаты всегда должны быть готовы к бою)"*.

Русский язык

Категоричные модальные средства ("должен", "обязан", "требуется"): обеспечивают высокую точность, например, *"Все военнослужащие должны соблюдать правила ношения военной формы"*.

Вероятностные модальные слова ("вероятно", "возможно", "предположительно"): демонстрируют среднюю точность, например, *"Враг вероятно атакует с севера"*.

Модальные глаголы/частицы ("мог бы", "мог", "должен бы"): снижают точность и вносят субъективность, например, *"Солдаты всегда должны быть готовы к бою"*.

В л и я н и е н а и н т е р п р е т и р у е м о с т ь

Английский язык

Категоричные модальные средства: способствуют ясности и однозначности, например, *"This order is required to be obeyed (Этот приказ должен быть выполнен)"*.

Вероятностные модальные средства: могут вносить неоднозначность, например, *"This instruction recommends using this form to submit an application (Данная инструкция рекомендует использовать эту форму для подачи заявления)"*.

Модальные глаголы/частицы: делают текст более субъективным, например, *"The court is authorized to impose sanctions (Суд уполномочен налагать санкции)"*.

Русский язык

Категоричные модальные средства: способствуют ясности и однозначности, например, *"Этот приказ обязателен к исполнению"*.

Вероятностные модальные слова: могут вносить неоднозначность, например, *"Данная инструкция рекомендует использовать эту форму"*.

Модальные глаголы/частицы: делают текст более субъективным, например, *"Командиры могут рассмотреть альтернативные меры"*.

С р а в н и т е л ь н ы й а н а л и з

Точность: в обоих языках категоричные модальные средства обеспечивают высокую точность, а вероятностные и модальные глаголы/частицы снижают ее.

Интерпретируемость: категоричные модальные средства способствуют однозначной интерпретации, а вероятностные и модальные глаголы/частицы вносят элемент неоднозначности.

В а ж н ы е н ю а н с ы

Лексические особенности: специфические модальные слова и выражения могут иметь микроскопические отличия в значении и влиянии.

Контекст: влияние модальных средств сильно зависит от контекста.

Культурные особенности: юридические традиции и культурные нормы могут влиять на интерпретацию модальных средств, особенно в англо-американской и российской правовых системах.

Разработка унифицированных стандартов использования модальных средств в военных юридических текстах может стать ключом к более глубокому пониманию и однозначной интерпретации военно-юридических норм.

Р е к о м е н д а ц и и

1. Разработка унифицированных стандартов:

- создание унифицированных стандартов использования модальных средств в военных юридических текстах,
- обеспечение более точного и однозначного понимания военно-юридических норм.

2. Внимательный выбор и использование модальных средств:

- внимательный выбор модальных средств в каждом конкретном случае в рамках НПА в области военного права,
- определение роли и использования модальных средств для обеспечения точности и однозначности интерпретации правовых норм.

3. Международное сотрудничество:

- создание международных консорциумов для разработки унифицированных стандартов использования модальных средств,
- обмен опытом и передовыми практиками в области использования модальности в военных юридических текстах.

4. Привлечение специалистов в области военного права:

- привлечение специалистов в области военного права для проектирования и редактирования НПА в сфере обороны,
- обеспечение соответствия языка и стиля военных юридических документов требованиям точности, ясности и однозначности.

5. Перевод военных юридических документов:

- учет влияния модальности на точность и интерпретируемость военных юридических документов в процессе их перевода на другие языки,
- обеспечение соответствующей квалификации переводчиков в области военного права.

Целесообразно также рассмотреть влияние модальности на структуру, стиль и убедительность текста. Модальность

играет значительную роль в формировании этих аспектов военных юридических текстов, определяя способ формулирования правил, установления тона и стиля, а также влияя на убедительность сообщения (примеры взяты из вышеупомянутых источников).

Структура текста

Категоричные модальные глаголы/конструкции ("shall", "must", "required") используются для формулирования основных положений, правил и обязанностей, например, *"All military personnel are required to comply with the regulations on the wearing of military uniforms (Все военнослужащие обязаны соблюдать правила ношения военной формы)"*.

Вероятностные модальные слова ("likely", "possible", "presumably") описывают возможные сценарии, например, *"Violation of the rules for wearing military uniforms may lead to disciplinary action (Нарушение правил ношения военной формы может привести к дисциплинарному взысканию)"*.

Модальные глаголы/частицы ("would", "might", "should") формулируют рекомендации, например, *"Military personnel are recommended to always carry their identity cards with them (Военнослужащим рекомендуется всегда иметь при себе удостоверение личности)"*.

Стиль текста

Категоричные модальные глаголы/конструкции создают официальный, категоричный и императивный стиль, например, *"Military personnel must not use profanity (Военнослужащие не должны использовать ненормативную лексику)"*.

Вероятностные модальные слова делают стиль более гибким и недогматичным, например, *"Commanders may consider applying disciplinary action (Командиры могут рассмотреть возможность применения дисциплинарного взыскания)"*.

Модальные глаголы/частицы делают текст более неформальным и рекомендательным, например, *"Soldiers should be polite to civilians (Солдатам следует быть вежливыми с гражданскими лицами)"*.

Убедительность текста

Категоричные модальные глаголы/конструкции усиливают убедительность, например, *"Failure to comply with the military uniform regulations is a disciplinary offense (Несоблюдение правил ношения военной формы является дисциплинарным проступком)"*.

Вероятностные модальные слова ослабляют убедительность, но делают текст более гибким, например, *"Violating the military uniform regulations may lead to negative consequences (Нарушение правил ношения военной формы может привести к негативным последствиям)"*.

Модальные глаголы/частицы смягчают убедительность, делая текст более непринужденным, например, *"Military personnel are advised to always follow the military uniform regulations (Военнослужащим рекомендуется всегда соблюдать правила ношения военной формы)"*.

Дискурсивные стратегии и модальность – это два важных инструмента, которые авторы военных юридических текстов могут использовать для достижения своих целей. Из статьи на сайте Министерства обороны США "The Use of Force in Support of National Security: A Legal Analysis (Использование умеренной силы при обеспечении национальной безопасности: юридический анализ)" можно выделить использование дискурсивной стратегии определения термина «умеренная сила», которая непосредственно связана с модальностью и точностью в военных юридических текстах: *"As a legal and practical matter, the President may order UMS [Use of Military Force] only when necessary to protect the national security against an imminent threat of a grave nature, and when the use of force is necessary and proportional to that threat and when the U.S. has no other means to accomplish its goal. But even if force is required, the scope of the force should be calibrated to achieve the precise objective (С юридической и практической точек зрения президент может отдать приказ о применении военной силы только тогда, когда это необходимо для защиты национальной безопасности от неминуемой угрозы серьезного характера, и когда применение силы необходимо и пропорционально этой угрозе, и когда у США нет других средств для достижения своей цели. Но даже если потребуется применение силы, ее масштаб должен быть точно рассчитан для достижения поставленной цели)"*. В данном примере модальный глагол "may" использован для обозначения объективной модальности – допустимости задействования вооруженных сил в определенных условиях, охарактеризованных как «необходимые для защиты национальной безопасности».

Статья на сайте Юридической службы ВМС США "Conducting Search and Seizure Actions (При выполнении судебнопроцессуальных действий)" также использовала дискурсивную стратегию определения терминов, которая в данном случае непосредственно связана с точностью и интерпретируемостью военно-юридических текстов: *"A search warrant is not required for any offense committed aboard a naval vessel, including an offense committed by a civilian, under rules and regulations issued by the Secretary of the Navy (Не требуется ордер на обыск при совершении на борту военного судна какого-либо преступления, включая преступления, совершенные гражданскими, в соответствии с правилами и предписаниями, изданными министром ВМС)"*. Здесь использование дискурсивной стратегии помогает определить, в каких случаях не требуется выполнять обыск, что гарантирует точность и однозначность в переводе и интерпретации военно-юридических текстов.

Из статьи на сайте Военно-воздушных сил США "Military and National Standards for Photography and Video Recording (Военные и национальные стандарты для фотографий и видеозаписей)" можно выделить использование дискурсивной стратегии перечисления для определения критериев, которые должны учитываться при фотографировании и записи видео: *"The objects (то что фотографируют или записывают на видео) should: a) be easy to identify in the photograph; b) stand out from surrounding backgrounds or immediately adjacent objects; c) be clearly recognizable by their shape or patterns; d) provide sharpness, contrast, and a range of shades; e) accurately record size and distance... (Объекты должны: а) быть легко идентифицируемыми на фотографии; б) выделяться на фоне окружающих объектов или смежных"*

объектов; в) четко узнаваться по форме или узорам; г) обеспечивать четкость, контрастность и диапазон оттенков; д) точно отображать размеры и расстояние...)". В данном случае использование дискурсивной стратегии помогает определить критерии, которые необходимо учитывать при фотографировании и записи видео военной техники и других объектов, что гарантирует точность и однозначность в переводе и интерпретации военно-юридических текстов.

Примеры дискурсивных стратегий в военных юридических текстах с сайтов Министерства обороны США, Юридической службы ВМС США и Военно-воздушных сил США подтверждают, что использование дискурсивных стратегий напрямую связано с модальностью и влияет на точность и интерпретируемость военно-юридических текстов. В реальных текстах могут использоваться различные дискурсивные стратегии в комплексе. Выбор и использование дискурсивных стратегий должны быть обусловлены целями и функциями текста, а также его аудиторией.

Методика анализа модальных средств военных юридических текстов должна включать следующие этапы.

1. Определение целей и функций текста:

- определить тип текста (закон, устав, инструкция, приказ и т. д.),
- определить цели текста (информирование, предписание, регулирование поведения и т. д.),
- определить аудиторию текста (военнослужащие, юристы, широкая публика и т. д.).

2. Выявление модальных средств:

- определить модальные глаголы (must, shall, will, may, might, could, should),
- определить модальные наречия (probably, possibly, likely, unlikely),
- определить оценочную лексику (слова, выражающие одобрение/неодобрение).

3. Анализ влияния модальных средств:

- оценить влияние модальных средств на точность и однозначность текста,
- определить, соответствуют ли модальные средства целям и функциям текста,
- определить, насколько модальные средства понятны аудитории текста.

4. Рекомендации по унификации и повышению точности и однозначности:

- использовать модальные средства осознанно,
- учитывать тип текста, цели и аудиторию,
- стремиться к точности и интерпретируемости текста,
- использовать различные модальные средства в комплексе.

5. Инструменты:

- списки модальных глаголов и наречий,
- словари оценочной лексики,
- тезаурусы,
- программы для анализа текста.

6. Ожидаемые результаты:

- повышение точности и однозначности военных юридических текстов,
- снижение риска неправильных интерпретаций,
- улучшение коммуникации между военными юристами и другими лицами.

7. Перспективы:

- разработка типологии модальных средств,
- создание рекомендаций по использованию модальных средств в различных типах военных юридических текстов,
- изучение влияния модальных средств на восприятие текста.

Предлагаемая методика является универсальной и может быть применена к любым типам военных юридических текстов, адаптирована к конкретным потребностям.

На данный момент еще не существует готовых специализированных компьютерных моделей, созданных для автоматической оценки влияния модальности на точность и интерпретируемость НПА в оборонной сфере. Однако есть несколько подходов и методологий, которые можно адаптировать и применить для разработки таких моделей.

1. Модели машинного обучения.

Модели классификации: модели могут быть обучены на наборах данных военных юридических текстов, чтобы различать тексты с высокой и низкой точностью и интерпретируемостью.

Модели регрессии: модели могут быть обучены для оценки влияния различных модальных средств на точность и интерпретируемость документов военного права.

2. Модели на основе правил.

Экспертные системы: модели могут быть созданы на основе знаний экспертов в области права и лингвистики для оценки влияния модальности на точность и интерпретируемость НПА в сфере обороны.

3. Лингвистические модели.

Модели анализа текста: модели могут быть использованы для анализа грамматических, семантических и прагматических функций модальных средств в военных юридических текстах.

Модели дискурсивного анализа: модели могут быть использованы для изучения влияния модальности на контекст и интерпретацию документов военного права.

Создание компьютерных моделей для оценки влияния модальности на точность и интерпретируемость НПА в сфере обороны является сложной задачей, для решения которой необходимо:

- собрать большой набор данных военных юридических текстов,
- разработать методы для аннотации текстов с точки зрения точности и интерпретируемости,
- разработать алгоритмы машинного обучения или экспертные системы для оценки влияния модальности на точность и интерпретируемость документов военного права.

Использование компьютерных моделей может помочь:

- повысить точность и интерпретируемость военных юридических текстов,
- снизить риски, связанные с неверной интерпретацией правовых норм,
- повысить эффективность правоприменения.

Важно отметить, что компьютерные модели не могут заменить экспертную оценку юристов, а могут быть использованы как инструмент для юристов в процессе интерпретации НПА в сфере обороны.

З а к л ю ч е н и е

В статье было проанализировано влияние модальности на точность и интерпретируемость военных юридических текстов. Было установлено, что модальность играет важную роль в этих текстах, и что модальные средства могут влиять на их точность и интерпретируемость. Однако существуют проблемы, связанные с интерпретацией модальных средств в документах военного права, что требует унификации использования модальных средств в этой сфере. Основываясь на проведенном анализе, мы можем предложить следующие рекомендации для унификации модальных средств в военных юридических текстах:

- разработка унифицированных стандартов использования модальных средств для создания более точных и однозначных НПА в области военного права,
- использование категоричных модальных глаголов/конструкций (shall, must, required) для создания более точных и однозначных НПА,
- минимизация использования вероятностных модальных средств (likely, possible, presumably) и модальных глаголов/частиц (would, might, should) для избежания субъективизма в толковании НПА,
- проведение различных мероприятий для повышения квалификации переводчиков и специалистов в области военного права в области корректного использования модальных средств,
- совершенствование подходов к созданию военных юридических текстов с использованием модальных средств, которые учитывают не только точность и однозначность текстов, но и их убедительность,
- регулярная проверка и обновление унифицированных стандартов использования модальных средств в военных юридических текстах, чтобы они оставались актуальными и соответствовали новым вызовам и требованиям в области военного права.

Применение этих рекомендаций может помочь в создании более точных, однозначных и эффективных военных юридических текстов, которые станут более понятными и удобными для использования в различных сферах, связанных с безопасностью и обороной. Кроме того, в статье была предложена универсальная методика анализа модальных средств военных юридических текстов, которая включает определенные этапы и учитывает влияние модальности на различные аспекты текста, такие как структура, стиль и убедительность. Приведенные в статье примеры дискурсивных стратегий в военных юридических текстах подтверждают связь между модальностью, точностью и интерпретируемостью в них. Проведенный анализ может внести вклад в теорию языка и лингвистику текста, подчеркивая важность модальности, культурных и лингвистических факторов, лексических и контекстуальных особенностей, сравнительной лингвистики, теории текста и практических приложений. Он может быть полезен для разработки теорий модальности и ее влияния на точность в языке, а также для понимания языковых особенностей в различных языках.

Литература

Библиотека Конгресса. URL: <https://www.loc.gov/>

Военно-воздушные силы США. URL: <https://www.af.mil/>

Военно-воздушные силы США. Military and National Standards for Photography and Video Recording. URL: <https://www.af.mil/>

Юридическая служба ВМС США. URL: <https://www.jag.navy.mil/>

Юридическая служба ВМС США. Conducting Search and Seizure Actions. URL: <https://www.jag.navy.mil/>

Кузнецова М. Н. Проблемы интерпретации военных юридических текстов / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 10-2. – С. 124–128.

Лексиснексис. URL: <https://www.lexisnexis.com/>

Министерство обороны США. URL: <https://www.defense.gov/>

Министерство обороны США. The Use of Force in Support of National Security: A Legal Analysis. URL: <https://www.defense.gov/>

Петрова А. В. Модальные глаголы в военных юридических текстах / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 49. – С. 102–108.

- Приказ Министра обороны Республики Беларусь № 250 от 21.07.2014 г. «Об утверждении Правил ношения военной формы одежды и знаков различия военнослужащими Вооруженных Сил Республики Беларусь».
- Приказ Министра обороны Российской Федерации № 300 от 22.06.2020 г. «Об утверждении Правил ношения военной формы одежды, знаков различия, ведомственных знаков отличия и иных геральдических знаков военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов».
- Сидорова О. В. Функции модальности в текстах военных приказов / Юридическая наука и практика. – 2020. – № 4. – С. 48–52.
- Уэстлоу. URL: <https://www.westlaw.com/>
- ХайнОнлайн. URL: <https://heinonline.org/>
- Bolander A. M. *Modality in Legal Texts*. De Gruyter. Berlin, 2017.
- Kretzmer D. M. *The Role of Modality in Legal Interpretation*. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht, 2002.
- Sebenius J. M. *The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law / The International Journal of Legal Information*. – 2019. – № 47(2). – Pp.147–163.

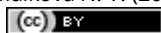
References

- Bolander, A. M. (2017). *Modality in Legal Texts*. De Gruyter. Berlin.
- HeinOnline. Available from: <https://heinonline.org/>
- Kretzmer, D. M. (2002). *The Role of Modality in Legal Interpretation*. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht.
- Kuznetsova, M. N. (2021). Problems of Interpretation of Military Legal Texts. *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 10(2), 124–128 (in Russian).
- LexisNexis. Available from: <https://www.lexisnexis.com/>
- Library of Congress. Available from: <https://www.loc.gov/>
- Navy Judge Advocate General's Corps. Conducting Search and Seizure Actions. Available from: <https://www.jag.navy.mil/>
- Navy Judge Advocate General's Corps. Available from: <https://www.jag.navy.mil/>
- Order of the Minister of Defense of the Republic of Belarus No. 250 of July 21, 2014. "On the Approval of the Rules for Wearing Military Uniform and Insignia by Military Personnel of the Armed Forces of the Republic of Belarus" (in Russian).
- Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 300 of June 22, 2020. "On the Approval of the Rules for Wearing Military Uniform, Insignia, Departmental Distinctions, and Other Heraldic Signs by Military Personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, Other Troops, Military Formations, and Bodies" (in Russian).
- Petrova, A. V. (2019). Modal Verbs in Military Legal Texts. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 49, 102–108 (in Russian).
- Sebenius, J. M. (2019). The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law. *The International Journal of Legal Information*, 47(2), 147–163.
- Sidorova, O. V. (2020). Functions of Modality in Texts of Military Orders. *Legal Science and Practice*, 4, 48–52 (in Russian).
- U.S. Air Force. Military and National Standards for Photography and Video Recording. Available from: <https://www.af.mil/>
- U.S. Air Force. Available from: <https://www.af.mil/>
- U.S. Department of Defense. The Use of Force in Support of National Security: A Legal Analysis. Available from: <https://www.defense.gov/>
- U.S. Department of Defense. Available from: <https://www.defense.gov/>
- Westlaw. Available from: <https://www.westlaw.com/>

Citation:

Малкова Н. В. Роль модальности в обеспечении точности и интерпретируемости военных юридических текстов // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 21-28.

Malkova N. V. (2026) The Influence of Modality on the Accuracy and Interpretability of Military Legal Texts. *Legal Linguistics*, 39, 21-28.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «федерализм» в политико-правовой доктрине поздних областников

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

В рамках предлагаемого исследования планируется реконструировать смысловое значение термина «федерализм» в юридико-политическом учении представителей позднего областничества Г. И. Жернавкова и В. П. Вологодского. К работе применяется оптика narrative history. Такой гносеологический подход способствует дешифровке и раскодированию смысловых значений терминологического аппарата в истории политических и правовых учений. Так как в настоящей статье мы планируем выявление дискурсивных стратегий и тактик презентаций понятийных основ юридико-политических доктрин, валидным считаем обращение к инструментарию герменевтики.

Акцентируется, что в начале XX века формируется позднее областничество, которое за годы своего существования со второй половины XIX века обогатилось новыми участниками – профессиональными юристами. Именно такие персоны выводили дискурс о федерализме в формат разработки моделей, форм и способов территориального устройства. Изменения затронули трактовку самого понятия, а также трансформировались подходы к концепту федеративной государственности.

Авторы приходят к выводу о том, что федерализм – базовый термин для политико-правовых воззрений Г. И. Жернавкова. Понятие федеративной государственности ученый связывал с союзно-альянсными отношениями, республиканским строем, автономией. Юрист-областник П. В. Вологодский разрабатывал преимущественно земский принцип, лежащий в основе понятий, характеризующих территориальную организацию власти.

Ключевые слова: областничество, правовая доктрина, история политических и правовых учений, федерализм, Г. И. Жернавков, В. П. Вологодский.

The Concept of "Federalism" in Political and Legal Doctrine of Late Regionalists

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya St., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The proposed study is aimed at reconstructing the semantic meaning of the term "federalism" in the legal and political teaching of representatives of the late regionalism G. I. Zhernavkov and V. P. Vologodsky.

Narrative history method is applied to the work. This epistemological approach helps to decipher and decode the semantic meanings of the terminological apparatus in the history of political and legal doctrines. Since in this article we plan to identify discursive strategies and tactics for presenting the conceptual foundations of legal and political doctrines, we consider it valid to use the tools of hermeneutics.

It is emphasized that at the beginning of the twentieth century, a late regional association was formed, which over the years of its existence since the second half of the 19th century was supplemented by new members – professional lawyers. It was them who brought the federalism discourse into the format of developing models, forms and methods of territorial organization. The changes affected the interpretation of the concept itself, as well as the approaches to the concept of federative system.

The authors conclude that federalism is the basic term for G. I. Zhernavkov's political and legal views. The scientist associated the concept of federative system with union and alliance relations, the republican system, and autonomy. Regional lawyer P. V. Vologodsky developed mainly the zemstvo principle which supports the concepts characteristic of the territorial organization of power.

Key words: regionalism, legal doctrine, history of political and legal doctrines, federalism, G. I. Zhernavkov, V. P. Vologodsky.

Тексты политико-правовых доктрин, являясь уникальным источником права, выступают особыми формами выражения юридических понятий и категорий. Смысловое содержание доктринальных учений позволяет с одной стороны судить о терминологии эпохи, а с другой – в герменевтической оптике разглядеть авторский взгляд на юридические дефиниции. Обусловленность юридико-политических взглядов историческим контекстом и политическим моментом выступают многозначительными факторами, оказывающими имманентное воздействие на умы юристов и общественных деятелей. Так, политико-правовая доктрина сибирских областников с момента своего генезиса до позднего периода существования прошла путь от умозрительных конструкций до конкретных юридических построений. Роль терминологии в этом процессе можно определить как индикатор меняющегося подхода в гносеологии юридической сферы. Таким понятием можно считать «федерализм». Этот термин и производные от него дефиниции «союз областей», «альянс территорий» использовали на раннем этапе идеологи областничества Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Особенность подхода классиков сибирского регионализма заключалась в том, что, не имея специального юридического образования, они только провозглашали федеративную модель устройства нашего Отечества как оптимальную систему. В начале XX века формируется позднее областничество, которое за годы своего существования со второй половины XIX века обогатилось новыми участниками – профессиональными юристами. Именно такие персоны выводили дискурс о федерализме в формат разработки моделей, форм и способов такого территориального устройства. Изменения затронули трактовку самого понятия, также трансформировались подходы к концепту федеративной государственности.

Среди таких деятелей можно назвать Григория Ивановича Жернавкова – выпускника юридического факультета Томского университета, адвоката, юрисконсульта и депутата. Этому деятелю принадлежит систематизированный законопроект о федерации и автономии.

Земские основоположения союзной государственности разрабатывал Петр Васильевич Вологодский – выпускник юридического факультета Харьковского университета, адвокат, сотрудник судебных учреждений, гласный Томской городской Думы, депутат Государственной Думы, активный член Временного правительства автономной Сибири в эпоху гражданской войны.

Справедливо будет также отметить Мстислава Петровича Головачева – выпускника юридического факультета Московского университета и впоследствии приват-доцента по направлению международного права Томского университета. Он не занимался специально федеративной теорией и практикой, но внес свой практический вклад в парламентаризм, который областники считали важным институтом, способствующим укреплению федеративных отношений.

Стоит отметить, что в современной научной литературе исследуются общие политико-правовые аспекты учения областников. Это, прежде всего, работы В. А. Должикова [Должиков 2025], М. В. Шиловского [Шиловский 2023], А. А. Васильева [Васильев 2025], А. В. Малинова [Malinov 2024], С. Я. Щебровой [Щеброва 2024], Н. В. Жиликовой [Жиликова 2022], В. А. Гордиенко [Гордиенко 2020], Т. Шишлак [Szyszlak 2023] и др. Специальных исследований, где рассматривались репрезентации понятия «федерализм» в работах поздних областников, на текущий момент не достаточно. Решению данной задачи как раз и будет посвящена наша работа.

Основу работы составляют письменные формы, в которых раскрываются особенности понимания и использования понятия «федерализм» и его производных. Это опубликованные материалы, статьи и публицистические произведения Г. И. Жернавкова и П. В. Вологодского, размещенные в региональной периодической печати в начале XX века. К данной источниковой базе применяется оптика narrative history. Такой гносеологический подход способствует дешифровке и раскодированию смысловых значений терминологического аппарата в истории политических и правовых учений. Так как в настоящей работе мы планируем выявление дискурсивных стратегий и тактик презентаций понятийных основ юридико-политических доктрин, валидным считаем обращение к инструментарию герменевтики.

Итак, в материалах первого толстого журнала Сибири – «Сибирские записки» – обнаруживается до сего момента не типичный формат отношения к теории федерализма в среде областников. Юрист из Новониколаевска (Новосибирска) публикует проект создания федерации. Более того, публикация имела структуру кодифицированного источника права. Автор подробно – от общих положений к частным – прописывал в статьях полномочия, права и компетенции органов власти. Любопытно, что в конце ученый применил прием комментариев, видимо, с целью разъяснить некоторые абстрактные и обтекаемые нормы и предписания, или, вероятно, чтобы вызвать будущую дискуссию и инициировать публичный интерес к проекту. Ученый в принципе не скрывал своих намерений. Так, Г. И. Жернавков писал: «Отдавая на суд общественный свою посильную работу, автор будет удовлетворен, если его Опыт Основных Положений Сибирской федерации, после всесторонней и пусть даже суровой критики, послужит лишь материалом и поводом для коллективного почина разработки окончательного проекта сибирской областной федерации» [Жернавков 1917: 146-147].

Можно быть уверенным в том, что этот ход имел целью провести своего рода публичные слушания проекта, обнаружить реакцию на него и использовать критику для чистки положений.

В предисловии к тексту проекта автор показал собственное отношение к федерализму. Оно было типичным для той эпохи. С первых строк обращает на себя внимание синонимичный ряд, используемый ученым для обозначения федеративного устройства. На страницах красноярского журнала он использует понятие «федеративная республика». Ход мысли областника понятен – республиканская форма правления сопутствует федерации. В самом начале текста проекта ученый пояснил: «Федерализм, федеративный республиканский строй жизни есть одно из решений задачи о социально-политическом общежитии народов. Федеративная республика и являет собою систему сложного равновесия между центральной властью и автономными властями отдельных областей, народностей, племен, штатов, общин» [Жерनावков 1917: 125].

Автор также писал об автономии и важности представительных органов для федераций. Он был сторонником учреждения целой сети региональных legislatures. Согласно его учению, областная политическая Дума как автономный законодательный орган Сибири не должна смешиваться с краевым земским органом подчиненного управления. Из такой конструкции следует, что поздний областник четко представляет процесс разграничения предметов ведения.

Семантически также можно говорить о том, что в такой картине мира федерация и земство – связанные понятия. Эта взаимообусловленность прослеживается в самом тексте проекта: «последним звеном земской идеи является областное сибирское земство орган подчиненного управления одному центру, тогда как пред федералистами стоит вопрос политический совершенно иного порядка – об автономной Сибирской федерации с федеральной системой органов законодательства, суда и управления, действующими на основах солидарного соподчинения и союзного соглашения» [Жерनावков 1917: 126]. Ученый пришел к мысли о том, что конструктивно Сибирская федерация должна выйти за пределы формата краевого земства и возглавляться Думой.

Основой федеративной государственности Г. И. Жерनावков считал союз. Именно поэтому понятие «федерализм» он связывал с союзными формами государственных образований. Вот что обнаруживаем в тексте проекта: «В Союзном государстве (федерация) члены союза не обладают каждый полнотой политической власти, не суверенны, а суверенна союзная власть, которой поэтому и присущи все свойства суверенитета, в том числе и право расширения своей власти в границах союзных договорно-правовых начал» [Жерनावков 1917: 126].

Нарратив о земских учреждениях Сибири как основы для федеративной государственности характерен для трудов П. В. Вологодского. На страницах двух номеров томской газеты «Сибирская жизнь» за 1916 год он критиковал слабость проектов земства в регионе. «В третьей Государственной Думе, – писал он, – признавали необходимость преобразования земского дела в Сибири и теперь правительство уже само озабочено выработкой земских учреждений в Сибири» [Вологодский 1916: 2]. Как следует из анализируемой статьи, этот представитель областничества был хорошо знаком с текстами проектов земства в Сибири. Общественный деятель выступал с их критикой, отмечал их пространность и обтекаемость, ратовал за конкретику в этом вопросе. Это не удивительно, Петр Васильевич имел богатый юридический опыт – от депутата Государственной Думы до члена временного правительства в Сибири и председателя совета министров.

Таким образом, герменевтический анализ и оптика narrative history позволяют нам прийти к выводам о том, что федерализм – базовый термин для политико-правовых воззрений Г. И. Жерनावкова. Понятие федеративной государственности ученый связывал с союзно-альянсными отношениями, республиканским строем, автономией. Особое внимание уделялось теме развитой сети краевых парламентов, которые должны существенно отличаться от институтов земского самоуправления. Юрист-областник П. В. Вологодский разрабатывал преимущественно земский принцип, лежащий в основе понятий, характеризующих территориальную организацию власти.

Литература

- Вологодский П. В. К вопросу о земстве в Сибири / Сибирская жизнь. – 1916. – 24 февраля. – С. 2.
- Гордиенко В. А., Жиликова Н. В. Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете "Сибирская жизнь", 1917 г. / Вопросы журналистики. – 2020. – № 8. – С. 101-116. – DOI 10.17223/26188422/8/7.
- Головинов А. В. Васильев А. А. Политико-правовой идеал сибирских областников второй половины XIX - начала XX в. в отечественной историографии: опыт периодизации и классификации / Былые годы. – 2025. – № 20(3). – С. 1380-1390. – DOI 10.13187/bg.2025.3.1380.
- Должиков В. А. М. А. Бакунин в контексте истории сибирского демократического регионализма (областничества) / Безвластие: реалья или утопия? Анархистские идеи переустройства общества : Коллективная монография. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 14-31.
- Жерनावков Г. И. Областная сибирская федерация (Опыт схематического построения Сибирской федерации) / Сибирские записки. – 1917. – № 4-5. – С. 146-147.
- Жиликова Н. В., Есипова В. А., Шевцов В. В. "Секретно. Конфиденциально": цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX - начало XX в.) : Монография. Томск, 2022.
- Шиловский М. В. П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Г. Н. Потанин: роль наставника в становлении ученого / Гуманитарные науки в Сибири. – 2023. – Т. 30, № 3. – С. 80-85. DOI 10.15372/HSS20230311.

- Щеброва С. Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина / Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2024. – Т. 69, № 1. – С. 75-88. DOI 10.21638/spbu02.2024.105.
- Szyszlak, T. Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej / Wschodnioznawstwo. – 2023. – Vol. 17. – P. 395-416. – DOI 10.4467/20827695wsc.23.023.18741.
- Malinov A. V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia / Sibirica. – 2024. – Vol. 23, No. 2. – P. 69-88. – DOI 10.3167/sib.2024.230203.

References

- Vologodsky, P. V. (1916). On the question of Zemstvo in Siberia. Siberian Life. February 24, p. 2 (in Russian).
- Gordienko, V. A., Zhilyakova, N. V. (2020). Journalism by A. V. Adrianov and G. N. Potanin in the newspaper Sibirskaya Zhizn, 1917. Questions of Journalism, 8, 101-116. DOI 10.17223/26188422/8/7 (in Russian).
- Golovinov, A. V. Vasiliev, A. A. (2025). The political and legal ideal of the Siberian oblasts of the second half of the 19th - early 20th centuries in Russian historiography: the experience of periodization and classification. Bygone years, 20(3), 1380-1390. DOI 10.13187/bg.2025.3.1380 (in Russian).
- Dolzhikov, V. A. (2025). M. A. Bakunin in the context of the history of Siberian democratic regionalism. Anarchy: reality or utopia? Anarchist ideas of social reconstruction : A collective monograph. St. Petersburg, 14-31 (in Russian).
- Zhernavkov, G. I. (1917). Regional Siberian Federation (Experience of schematic construction of the Siberian Federation). Siberian notes, 4-5, 146-147 (in Russian).
- Zhilyakova, N. V., Esipova, V. A., Shevtsov, V. V. (2022). "Secret. Confidential": the censorship history of journalism in Tomsk province (the second half of the 19th - early 20th centuries): Monograph. Tomsk (in Russian).
- Shilovsky, M. V. (2023). P. P. Semenov-Tyan-Shansky and G. N. Potanin: the role of a mentor in becoming a scientist. Humanities in Siberia, 30, 3, 80-85. DOI 10.15372/HSS20230311 (in Russian).
- Shchebrova, S. Ya. (2024). Regionalism in the fate of Grigory Gurkin. Bulletin of St. Petersburg University. History, 69, 1, 75-88. DOI 10.21638/spbu02.2024.105 (in Russian).
- Szyszlak, T. (2023). Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej. Wschodnioznawstwo, 17, 395-416. DOI 10.4467/20827695wsc.23.023.18741.
- Malinov, A. V. (2024). Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. Sibirica, 23, 2, 69-88. DOI 10.3167/sib.2024.230203.

Citation:

- Головинов А. В., Головинова Ю. В. Понятие «федерализм» в политико-правовой доктрине поздних областников // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 29-32.
- Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. (2026) The Concept of "Federalism" in Political and Legal Doctrine of Late Regionalists. Legal Linguistics, 39, 29-32.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «органических реформ» в политико-правовом наследии Ю. Ф. Самарина

Е. С. Беседина

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru*

Статья посвящена реконструкции центрального методологического понятия в политико-правовой доктрине Ю. Ф. Самарина – принципа «органических реформ». Анализируя философские основания этого принципа, автор раскрывает его связь со славянофильской идеей противопоставления «органического» и «механического» путей развития. Содержание понятие показано через критику Самариным бюрократического формализма, юридического позитивизма и механического заимствования иностранных институтов, а также через его позитивную программу, ярко выраженную в проектах поэтапной отмены крепостного права и введения института земства. В работе выявляется эвристический потенциал концепции, особенно актуальный в контексте поиска национальных моделей развития: ее акцент на этапности преобразований, творческом синтезе опыта, роли ответственного реформатора и приоритете внутреннего созревания институтов над их внешним навязыванием. В заключении обозначаются концептуальные уязвимости наследия Самарина, включая субъективность понятия «народной жизни» и риск консервации несправедливых отношений, однако подчеркивается, что его идеи остаются ценным призывом к осмысленным, последовательным и преемственным реформам, учитывающим специфику национального развития.

Ключевые слова: Юрий Самарин, «органические реформы», славянофильство, философия права, государственные преобразования.

The Concept of "Organic Reforms" in the Political and Legal Heritage of Yu. F. Samarin

E. S. Besedina

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru*

This article reconstructs the core methodological concept in Yuri Samarin's political and legal doctrine—the principle of "organic reforms." Analyzing the philosophical foundations of this principle, the author reveals its connection to the Slavophilic idea of contrasting "organic" and "mechanical" development paths. The concept is illustrated through Samarin's criticism of bureaucratic formalism, legal positivism, and the mechanistic borrowing of foreign institutions, as well as through his positive program, clearly expressed in his projects for the gradual abolition of serfdom and the introduction of the zemstvo institution. The paper reveals the heuristic potential of this concept, particularly relevant in the context of the search for national development models: its emphasis on the stage-by-stage nature of reforms, the creative synthesis of experience, the role of a responsible reformer, and the primacy of the innate development of institutions over their external enforcement. The conclusion identifies the conceptual vulnerabilities of Samarin's legacy, including the subjectivity of the concept of "folk life" and the risk of engraining unfair relations. However, it emphasizes that his ideas remain a valuable call for meaningful, consistent, and continuous reforms that build on the specifics of national development.

Key words: Yuri Samarin, organic reforms, Slavophilism, philosophy of law, state reforms.

Политико-правовое наследие Юрия Фёдоровича Самарина до сих пор остается на периферии научного интереса, однако в современном контексте поиска национальных моделей развития оно приобретает особую актуальность. Среди многообразия его идей особое место занимает принцип «органических реформ», который служил для мыслителя ключевым методологическим ориентиром в критике современности и проектирования будущего России. Данная статья ставит целью реконструкцию этого принципа как смыслового ядра его доктрины, раскрытие

его философских оснований, конкретно-исторического содержания и выявление сохраняющегося эвристического потенциала.

Принцип «органических реформ» у Ю. Ф. Самарина укоренен в фундаментальном для всего раннего славянофильства противопоставлении двух типов путей развития общества: «механического» и «органического» [Васильев 2010: 80]. Эта дихотомия, унаследованная от А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, получила у Самарина мощное практическое накопление и конкретность, выросшие из его многолетнего опыта государственной службы и реформаторской деятельности. Критика «механического» начала воплотилась у Самарина в последовательном отрицании западноевропейского юридического позитивизма и бюрократического формализма. Закон, оторванный от нравственного сознания и народного обычая, представлялся ему мертвой абстракцией, слепым орудием, которое «рубит немилостиво все, что попадает под его лезвие» [Самарин 2016: 9]. Бюрократия же виделась наглядным воплощением «тирании рассудка» — системы, где живая истина подменяется отчетностью, а служение общественному благу вырождается в самовоспроизводство аппарата. Эта критика получила продолжение в анализе конкретных современных ему проектов реформ. Так, оценивая «инвентарные правила», введенные сверху в западных губерниях, Ю. Ф. Самарин указывал, что это механическое решение: «контракт, составленный не сторонами, обязанными исполнять его, а тою властью, которая... ограничивается одним утверждением... Этому контракту не достает одного: добровольного согласия» [Самарин 2017: 105]. Такой подход, предупреждал он, порождает не правовой порядок, а «глухую, междуусобную войну» [Самарин 2016: 9], и требует постоянного полицейского вмешательства, то есть воспроизводит ту же бюрократическую систему.

В противовес этому Ю. Ф. Самарин выдвигал идеал государства и права как живого организма, естественно вырастающего из глубины «народной жизни». Под народной жизнью он понимал не политическую активность, а совокупность верований, обычаев, нравственных убеждений и хозяйственного уклада нации, скрепленного православной верой [Самарин 2016: 155]. Историческое развитие в таком случае — никак не цепь общественных договоров или насильственных переворотов, а процесс внутреннего, естественного роста, подобный развитию живого существа, ищущего свою органическую форму. Из этого убеждения вырастает его конкретная программа, резко противостоящая как охранительному застою, так и революционному или либерально-западническому проектированию.

Суть «органической реформы» по Самарину заключалась не в конструировании новых институтов по чужим лекалам, а в выявлении, поддержке и законодательном закреплении существующих в народной жизни здоровых, «живых» начал. Классическим примером для Самарина была крестьянская община, которую он стремился сохранить как основу поземельных отношений вопреки критикам, выступающим за ее устранение во имя абстрактных принципов частной собственности: «...задача правительства состоит не в том, чтобы навязать ему лучшее, а чтобы открыть ему широкий путь к лучшему и дать ему средства собственным трудом подвигаться вперед в меру его сил и потребностей» [Самарин 2017: 306].

Такой подход предполагает бескомпромиссное отрицание механического заимствования, но не заимствования как такового. Ю. Ф. Самарин, глубокий знаток европейской мысли и практики, отвергал не сам факт использования чужого опыта, а слепое некритичное копирование институтов, лишенных органической связи с национальной почвой. «Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого только потому, что оно чужое при недостатке своего, при внутренней пустоте, не поведет к расширению области знаний; этого никто и никогда не утверждал» [Самарин 2013: 208]. Показательно, что и сам Самарин в 1850-е годы активно изучал зарубежный аграрный опыт, а в конце своей жизни, в 1875 году, отправился в Берлин и Пруссию с практической целью — исследовать устройство местной системы самоуправления и налогообложения с целью адаптации [Макеева 2007: 133]. Вместо копирования он предлагал логику творческого синтеза и органического усвоения, которую пояснял метафорой химической реакции, позитивный результат которой возможен лишь при взаимодействии заимствованного элемента («реагента») с сильным и самобытным национальным началом (другим «реагентом»), способным его переработать [Самарин 2013: 208].

Однако Ю. Ф. Самарин предупреждает и о другой опасности — искусственном кабинетном «выдумывании» народности. Он видел в этом обратную, но столь же пагубную крайность. «Сесть за рабочий стол, чтобы выдумать, изобрести русское народное воззрение» [Самарин 2013: 207]. Это означало обречь себя на «бесплодную гонку за оригинальностью», где мысль порождает лишь пустые абстракции. Подлинная народность не могла быть изобретена, а познавалась и взращивалась — она была естественным выражением внутренней силы и цельности национального духа, а не продуктом интеллектуальных усилий по «отличию от других».

Логическим следствием установки на органичность был категорический отказ Ю. Ф. Самарина от любых форм «революционного» мышления в политике, то есть от попыток решить сложные, многовековые проблемы одним законодательным актом или радикальным социальным экспериментом. С наибольшей силой он выступал против проектов быстрой, тотальной ломки социальных устоев, будь то во имя конституции, социализма или иной отвлеченной доктрины. Он сравнивал таких реформаторов с «не по разуму усердным фельдшером» [Самарин 2013: 404], который учиняет опасный эксперимент над «душой» народа. Революция для него была насилем, неспособным породить ничего жизнеспособного, ибо «на развалинах ничего не создается, а все образуется из того, что есть. Любые попытки «перескочить» через естественные фазы он считал не только бесполезными, но и губительными, ведущими к социальной катастрофе. Так, например, анализируя неудачи первых попыток прусских крестьянских реформ, он видел корень ошибки именно в этом стремлении к скачку: «Цель понята была верно; но ошибка состояла в том, что правительство надеялось достигнуть ее одним смелым скачком... Верный народный инстинкт чуял эту

опасность и благоразумно отклонял от себя преждевременный дар» [Самарин 2017: 241].

Однако славянофил подчеркивал, что опасно и государственное промедление. Он предупреждал: государство должно давать легальный выход народным ожиданиям, пока оно не превратилось в разрушительное отчаяние. «Страшно теперь, когда он надеется; менее ли будет страшно, когда в нем заморят надежду и он отчаится» [Самарин 2017: 59].

Ю. Ф. Самарин настаивал на необходимости этапности в деле реформирования общества и государства. Он прямо писал об опасности стремления «решить судьбу учреждений» всего через несколько лет после их создания, подчеркивая, что новым институтам, таким, например, как земству, нужно дать время укорениться, «прижиться» в народной среде. «Не рано ли теперь ставить вопрос о том, быть им или не быть?» [Самарин 2013: 365] – этот риторический вопрос был ключевым для его методологии. Его собственные проекты, будь то податная реформа или земское устройство, всегда содержали переходные механизмы, рассчитанные на длительную адаптацию. Этот принцип плавной адаптации был для Самарина антитезой тому хаотичному и репрессивному законодательству, которое он наблюдал в 1840-е годы. Он с горечью констатировал, что правительство, издав либеральный указ о добровольных сделках (1842), сразу же выпустило циркуляр, сводивший его на нет, ужесточив уголовную власть помещиков (1845); а даровав крестьянам право выкупа (1847), вскоре его отменило. «Ряд недосказанных желаний и быстро прерванных попыток» [Самарин 2017: 88–96] — так характеризовал он эту политику, видя в ней квинтэссенцию безответственного «механического» подхода, который не опирается на внутреннюю логику развития, а лишь реагирует на сиюминутные страхи. Плавность преобразований была для него единственным способом избежать коренного разрыва между законом и жизнью. Реформа, по его мысли, должна не опережать сознание общества, а следовать за внутренним созреванием, лишь оформляя и направляя уже назревшие изменения. Примером воплощения этого методологического требования является его детальный план отмены крепостного права, который можно представить как трехступенчатую модель органического перехода.

1. Подготовительный этап, или, как сам Самарин именуется его, «удержание и диагностика» предполагает введение запретительных мер, останавливающие развитие «болезни» – дальнейшее усиление крепостного права (запреты перевода в дворовые, на барщину целыми селениями, дробление имений). Параллельно должно начаться всестороннее изучение вопроса, в том числе необходимо поощрять гласное обсуждение для созревания общественного сознания.

2. Этап добровольных сделок, то есть этап «выращивания» нового уклада. На этом этапе необходимо было создать правовые условия для заключения добровольных договоров между помещиками и крестьянскими общинами. Государство должно выступать как арбитр и гарант, но не как автор условий. Данный этап позволял свободным соглашением сторон выработать наиболее жизнеспособные и разнообразные формы новых отношений, учитывающих местную специфику.

3. Итоговый этап предполагает закрепление накопленного положительного опыта множества сделок в виде гибкой законодательной нормы для всех. Таким образом, будущий обязательный закон должен был стать не абстрактной конструкцией, а легализацией уже сложившейся практики.

Такой подход требовал от реформатора особых качеств, среди которых Ю. Ф. Самарин выделял личную нравственную ответственность за предлагаемые преобразования. Он считал, что создатель закона не может быть простым «исполнителем» воли сверху; он должен отвечать перед собственной совестью и перед народом за каждый аспект реформы, который проходил через его руки. «Дело только тогда идет хорошо, когда тот, кто к нему приставлен, по своей подготовке и по своим способностям стоит несколько выше своего признания» [Самарин 2016: 507]. Только при таком условии – когда личные качества реформатора существенно превосходят формальные требования его должности – его работа может возвыситься над механическим исполнением.

Особую роль в процессе проведения «органических реформ» Ю. Ф. Самарин выделяет науке и просвещению. Если «механический» подход видел в науке сборник универсальных формул для переустройства любого государства, то «органическая» наука должна стать средством глубокого, интуитивного проникновения в живую специфику своего народа. Речь шла о «сродстве и постижении» – способности мысли, «воспитанной в среде народности», ощутить и понять ее изнутри. Такой ученый превращался из внешнего наблюдателя в исследователя, способного уловить «едва проявленные проявления движения человеческой души» [Самарин 2013: 206]. Большое значение Самарин отдавал статистике, которую он оценивал не как сухие цифры, а как «инструмент социальной диагностики», призванный «определить качественное отношение невесомых сил... отличить в них, что существенно и что умирает» [Самарин 2013: 286]. Без такой «органической» науки, основанной на любви и понимании, законодатель работает вслепую, не имея ни живых материалов, ни положительных указаний от самой жизни.

Однако одного развития науки было недостаточно. Второй, не менее важной опорой органического развития Ю. Ф. Самарин считал просвещение, понимаемое как «свободное изнутри совершившееся развитие» личности [Самарин 2013: 220]. Здесь его критика была столь же беспощадной. Государственная система образования николаевской эпохи представляла законченным воплощением «механического» подхода, построенного на «казенной лжи» и тотальном лицемерии. В такой системе, с горечью констатировал он, «всякое слово учителя запечатлено лицемерием, и ни один ученик ему не верит». Результатом было не просвещение, а нравственное разложение, которое «портит народ», создавая поколение формалистов, лишенных внутреннего стержня и живой связи с традицией. Против этого Ю. Ф. Самарин выдвигал идеал воспитания, которое не «вбивало» бы в ученика чужие истины, а побуждало и культивировало в нем собственные духовные силы и сознательную укорененность в национальном бытии. Только такое просвещение могло подготовить не пассивного исполнителя бюрократических

предписаний, а ответственного гражданина и мыслящего реформатора, способного к подлинной органической работе на благо страны.

Таким образом, принцип «органических» реформ Ю. Ф. Самарина предлагает глубокую методологию преобразований, отвергающую как революционный радикализм, так и охранительный традиционализм. Ее суть – в отказе от навязывания обществу чужих схем и ставке на выявление, поддержку и законодательное оформление уже созревших «народных начал». Однако данная концепция содержит в себе и ряд концептуальных уязвимостей.

Так, идеал «народной жизни» крайне субъективен. В обществе, разделенном сословными, идеологическими и культурными барьерами, он рискует стать инструментом легализации несправедливых, но традиционных отношений. Проблема кроется и в том, что в условиях системного кризиса идея постепенного, естественного вызревания реформ может обернуться запоздалыми и неадекватными мерами, не отвечающими на вызовы времени, особенно остро это стоит в период активных общественных изменений, требующих от государства решительных мер. Отсюда же вытекает вопрос: всегда ли «народные начала» содержат в себе адекватные ответы на вызовы времени. Концепция Самарина предполагает, что ответы на внешние и внутренние угрозы уже содержатся в глубине традиции. Но что делать с новыми, беспрецедентными вызовами, требующими принципиально новых решений? Могут ли такие реформы быть «органическими»? Еще одна проблема этой концепции – характерное для всех славянофилов утопическое ожидание высоких нравственных качеств от отдельного человека, реформатора. В итоге наследие Ю. Ф. Самарина – это призыв к осмысленным, а не механическим переменам, последовательности и преемственности в реформировании общества.

Литература

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.

Макеева У. Л. Общественно-политическая деятельность Ю. Ф. Самарина: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1978.

Самарин Ю. Ф. Воспоминание о Дмитрие Петровиче Журавском. Письмо к редактору "Русской Беседы" / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе / Крестьянское дело. СПб., 2017.

Самарин Ю. Ф. О мерах для смягчения и облегчения крепостного состояния / Крестьянское дело. СПб., 2017.

Самарин Ю. Ф. О народном образовании / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Письма И. С. Аксакову 1851–1872 / Переписка. СПб., 2016.

Самарин Ю. Ф. Революционный консерватизм. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги "Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)" / Литература и история. СПб., 2013.

Самарин Ю. Ф. Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии / Крестьянское дело. СПб., 2017.

References

Makeeva, U. L. (2007). The socio-political activity of Yu. F. Samarin. PhD thesis. St. Petersburg (in Russian).

Nol'de, B. E. (1978). Yuri Samarin and his time. Paris (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Two words about nationality in science. Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). On public education. Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Revolutionary conservatism. A letter to R. Fadeev about his book "Russian society in the present and future (what should we be)". Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2013). Recollection of Dmitry Petrovich Zhuravsky. Letter to the editor of "Russkaya Beseda". Literature and history. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2016). Letters to I. S. Aksakov 1851–1872. Correspondence. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). On serfdom and the transition from it to civil freedom. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). On measures to mitigate and alleviate serfdom. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Samarin, Yu. F. (2017). The abolition of serfdom and the arrangement of relations between landowners and peasants in Prussia. The peasant issue. St. Petersburg (in Russian).

Vasil'ev, A. A. (2010). The state-legal ideal of the Slavophiles. Moscow (in Russian).

Citation:

Беседина Е. С. Понятие «органических реформ» в политико-правовом наследии Ю.Ф. Самарина // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 33-36.

Besedina E. S. (2026) The Concept of "Organic Reforms" in the Political and Legal Heritage of Yu.F. Samarin. Legal Linguistics, 39, 33-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Технико-юридические дефекты закрепления принципа уважения в российском праве

Д. А. Гогитидзе

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им.

В. М. Лебедева

пр. Ленина, 66, 344038, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: dawa.98@mail.ru

В условиях глубокой трансформации правовой системы Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема формального закрепления этических ценностей в качестве полноценных правовых принципов. Одной из таких ценностей выступает уважение – категория, традиционно воспринимаемая в философско-этической традиции как признание достоинства личности и ориентация на него в социальном взаимодействии. Целью настоящего исследования является выявление и анализ технико-юридических дефектов, препятствующих полноценному функционированию уважения как правового принципа в российской правовой системе, а также разработка рекомендаций по его качественному нормативному закреплению. В работе применяются методы сравнительно-правового анализа, доктринального интерпретационного анализа, системно-структурного подхода. Установлено, что в системе законодательства и судебной практике закрепление уважения носит фрагментарный, декларативный и несистемный характер, лишено юридически значимых последствий, а также единообразной терминологии и легального определения. Констатируется необходимость комплексного нормотворческого подхода, включающего внесение уважения в преамбулу Конституции РФ, формулирование единообразной нормы-принципа на конституционном уровне и разработку законодательной дефиниции с последующей интеграцией в отраслевое законодательство.

Ключевые слова: уважение, принцип права, норма-принцип, дефиниция, юридическая техника.

Technical and Legal Defects in Consolidation of the Principle of Respect in Russian Law

D. A. Gogitidze

Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

66 Lenin Ave., 344038, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: dawa.98@mail.ru

In the context of a profound transformation of the legal system of the Russian Federation, the problem of formally consolidating ethical values as full-fledged legal principles is becoming particularly relevant. One of these values is respect, a category traditionally perceived in the philosophical and ethical tradition as recognition of personal dignity and a guide for social interaction. The purpose of this study is to identify and analyze technical and legal defects that hinder the full functioning of respect as a legal principle in the Russian legal system, as well as to develop recommendations for its qualitative regulatory consolidation. The work uses methods of comparative legal analysis, doctrinal interpretative analysis, a system and structural approach. It has been established that both in legislation and judicial proceedings the consolidation of respect is fragmentary, declarative and unsystematic, devoid of legally significant consequences, as well as uniform terminology and legal definition. The need for a comprehensive rule-making approach is stated, which also implies including respect into the Preamble to the Constitution of the Russian Federation, development of a uniform normative principles at the constitutional level and devising a legislative definition with its subsequent integration into sector-specific legislation.

Key words: respect, principle of law, normative principle, definition, legal technique.

Введение

В условиях трансформации правовой системы Российской Федерации возрастает значение ценностно-нормативных ориентиров, способных обеспечить устойчивость правопорядка и гармонизацию общественных

отношений. Одной из таких ценностей, все более активно проникающей в нормативную ткань современного российского права, выступает уважение – как этическая категория и как правовой принцип.

В последние годы уважение упоминается в федеральных законах, концепциях законопроектов, решениях Конституционного Суда Российской Федерации и международных договорах, к которым присоединилась Россия. Однако юридическая техника закрепления уважения как принципа права до настоящего времени недостаточно исследована (на этот счет имеют место единичные публикации [Нестеров, Репьев 2025; Репьев, Репьева 2018]) и нормативно урегулирована.

Попробуем проанализировать особенности использования знаний технико-юридических правил, средств и приемов, позволяющих корректно закрепить уважение в качестве принципа российского права, включая его место в системе общеправовых и отраслевых принципов, особенности формулировки и юридические последствия такого закрепления.

Сказанное обусловлено тем, что современная правовая наука не пришла к единому пониманию исследуемого феномена в контексте общей архитектоники построения правовой системы и системы законодательства. Так, в философско-этической традиции уважение понимается как признание достоинства другого человека и ориентация на него в межличностных и социальных взаимодействиях. В правовом дискурсе уважение трансформируется в юридическую категорию, выражающую признание правового статуса субъекта, его прав, свобод, интересов и ценностей. Конституция Российской Федерации лишь косвенно, опосредованно указывает на уважение как императив правовой системы через признание человека высшей ценностью (ст. 2), охрану достоинства личности (ст. 21) и т. д. Безусловно, Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что уважение личности и ее достоинства лежит в основе демократического правового государства [см., например: Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2025 № 2564-О]. Тем не менее, констатируем ключевой момент – уважение как принцип права прямо в Конституции РФ не закреплено. Это создает проблему доктринально-нормативного статуса данной категории и вызывает дискуссию о необходимости и способах ее формального объективирования технико-юридическими средствами, способами и приемами.

Исходя из положений фундаментальных источников о нормотворчестве и построении законодательства, можно отметить, что принципы, как правило, закрепляются в:

1. Преамбулах нормативных правовых актов (особенно конституционного и законодательного уровня).
2. Специальных статьях, носящих характер норм-принципов.
3. Пояснительных записках к законопроектам.
4. Дефинитивных статьях (крайне редко – через легальные дефиниции).

Остановимся на каждом из приведенных аспектов подробнее.

Преамбула как структурный компонент нормативного правового акта и способ фиксации правового принципа уважения

Преамбулы нормативных правовых актов традиционно используются для обозначения ценностных, моральных и политических основ регулирования [Юридическая техника 2025: 138]. В теории юридической техники подчеркивается, что преамбулы могут и должны включать принципы регулируемой деятельности, в том числе основополагающие этические категории [Крупкин 2025; Мамедов 2011]. Ряд зарубежных авторов подчеркивают ключевое значение преамбул через их связь с религией, считая данный раздел нормативного правового акта «воплощением вероучения, подобного гражданской религии» [Levinson 2006: 13]. Важное значение преамбул с точки зрения отражения ключевых принципов конкретного вида правоотношений подчеркивает и Верховный Суд РФ [Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016)].

Профессор В. М. Баранов отмечает, что принципы могут и должны входить в преамбулу нормативного правового акта, поскольку именно там они формируют ценностно-нормативный контекст, в котором будут реализовываться конкретные правовые нормы [Юридическая техника 2025: 138]. Однако закрепление принципов в преамбуле не всегда влечет за собой прямые юридические последствия, поскольку преамбулы, как правило, не содержат управомочивающих, запрещающих, ограничивающих норм. Тем не менее, в судебной практике они все чаще используются для целевого (телеологического) толкования норм (Конституционный Суд РФ неоднократно ссылался на принципы равенства, справедливости, уважения, вытекающие из преамбулы основного закона страны).

Следует констатировать, что прямое закрепление уважения в преамбулах федеральных законов встречается крайне редко. В большинстве случаев идея уважения содержится в преамбулах отраслевых актов косвенно – через ссылки на «человеческое достоинство», «права и свободы», «гуманное отношение» и т. п. Например, в преамбуле Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» упоминается: «Признавая высокую ценность для каждого человека здоровья вообще и психического здоровья в особенности; <...> отмечая, что отсутствие должного законодательного регулирования психиатрической помощи может быть одной из причин использования ее в немедицинских целях, наносить ущерб здоровью, человеческому достоинству» [Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1], но не закрепляется уважение как принцип.

К сожалению, отсутствие прямого терминологического указания на принцип уважения не единственный технико-юридический недостаток его закрепления в преамбуле. К иным можно также отнести:

а) отсутствие единообразия в формулировках. В различных нормативных правовых актах используются такие формулировки, как «недопустимость вражды и пренебрежения» [Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1], «уважительное отношение» [Закон г. Москвы от 27.03.2002 № 17], «достижение большего единства во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием» [Европейская хартия местного самоуправления 1998] и пр.

Такая несогласованность нарушает принцип единообразия терминологии, закрепленный в современных требованиях к юридической технике [Власенко 2001: 42; Миронов 2010: 111];

б) преамбулы не содержат юридически обязывающих норм, а потому не обеспечивают прямого воздействия на правоприменение;

в) отсутствует системный подход: ни Конституция РФ, ни ключевые нормативные правовые акты федерального уровня не закрепляют уважение в преамбулах на уровне общеправового принципа.

Технико-юридическое закрепление уважения в нормах-принципах

Согласно доктринальным положениям, нормы-принципы – это разновидность правовой нормы, обладающая общерегулятивным, интерпретационным и оценочным характером [Власов 2010: 6]. Они не содержат конкретной гипотезы, диспозиции и санкции, но определяют ценностные ориентиры регулирования, служат основой для развития отраслевых институтов и толкования конкретных норм. Как полагаем, нормы-принципы (что исходит из самого словосочетания) должны быть ясными, стабильными и системно интегрированными, иначе их действие будет сводиться к «декларативной риторике».

Одним из классических примеров нормы-принципа, закрепляющего уважение (в одной из его проекций), является положение Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, где в качестве принципа деятельности нотариуса указано «уважение к человеку» [Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: ст. 14]. Семейный кодекс РФ в статье первой об основных началах семейного законодательства указывает, что оно «исходит из необходимости <...> построения семейных отношений на чувствах <...> уважения» [Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: ст. 1].

Другим примером нормы-принципа, закрепляющим уважение, является пункт 3 части 1 статьи 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах <...> воспитание взаимоуважения» [Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ]. Аналогичная по своей сути формулировка содержится в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (уважение к личности и достоинству получателя социальных услуг) [Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ].

Между тем, несмотря на формальное закрепление, такие нормы-принципы не отвечают требованиям юридической техники, предъявляемым к отправным, принципиальным положениям. В частности, к дефектам нормотворчества нами отнесено:

– отсутствие легальной дефиниции: в российском законодательстве отсутствует единое, точное определение принципа «уважение», равно как и определение его проекций (уважение достоинства личности, уважение закона и пр.), что не позволяет однозначно установить его признаки и границы. Вследствие этого нормы-принципы с лексемой «уважение» остаются оценочными, что снижает их регулятивную силу и допускает произвольное толкование;

– декларативность без юридических последствий: нормы-принципы, содержащие уважение, не сопровождаются механизмами реализации, не определяют обязанностей, ответственности или процедур защиты. Как справедливо отмечает Т. В. Кашанина, принцип без гарантийных мер защиты и обеспечения есть декларация [Кашанина 2011: 216];

– фрагментарность и отраслевая локализация: уважение не закреплено как общеправовой принцип на уровне Конституции РФ или федерального конституционного закона, что лишает его межотраслевого действия. Это нарушает требование системности, сформулированное в работах классиков юридической техники и авторов, исследующих системные основания российского права [Велиева, Пресняков 2024; Должиков 2025; Шмелева 2025];

– отсутствие связи с другими правовыми нормами: норма-принцип об уважении не соотносится с нормами об ответственности за оскорбление, унижение достоинства и т. п. [Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021)], что снижает ее охранительные и предупредительные функции.

Сказанное позволяет констатировать, что уважение в специальных статьях-принципах закреплено формально и не функционирует как полноценный правовой принцип из-за отсутствия технико-юридической проработки: дефиниции и формально закрепленных юридических последствий игнорирования.

Закрепление уважения в пояснительных записках к законопроектам

Пояснительная записка – это вспомогательный документ, сопровождающий законопроект и содержащий обоснование его необходимости, цели, задач, правового механизма и ожидаемых последствий [Воронцова 2025; Цоколова 2024]. Согласно общепринятой доктрине и практике законодательного процесса, пояснительная записка не обладает юридической силой и не входит в систему действующего права [Юрилическая техника 2025: 495-521].

Тем не менее, в пояснительных записках к законопроектам все чаще упоминается уважение как этическое и социальное обоснование предлагаемого регулирования. Например: в записке к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О Государственном флаге Российской Федерации”» содержится требование воспитания уважения [Проект Федерального конституционного закона № 1077678-8]. В пояснительной записке к проекту закона «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» упоминается необходимость «уважения к истории Отечества, любви к Родине» [Проект Федерального закона № 860765-8].

Между тем приходится констатировать отсутствие нормативной силы подобного рода указания на необходимость соблюдения уважения: любые ссылки на уважение в пояснительных записках не создают правовых обязательств и не могут быть использованы в правоприменении или толковании как основа для выводов и формирования правовых

позиций. Уважение в записках часто используется как риторический прием для придания законопроекту «этической легитимности», но без технико-юридического сопровождения в самом тексте закона.

Обращает на себя внимание отсутствие системной связи: поскольку уважение в пояснительных записках не транслируется в нормы закона, это приводит к расхождению между декларируемыми целями и реальным регулированием, что нарушает требование целостности законодательного акта.

Кроме того, иллюстрируемый подход демонстрирует нарушение принципа прозрачности. В частности, использование уважения только в пояснительной записке без закрепления в законе может вводить в заблуждение участников правоотношений, которые не могут установить, какие конкретные права или обязанности вытекают из «принципа уважения».

Следовательно, закрепление уважения в пояснительных записках не имеет юридического значения, а служит преимущественно декларацией политической воли. Такой подход, к сожалению, не соответствует требованиям юридической техники к качественному законодательству.

Законодательные дефиниции уважения

Законодательная дефиниция – это легальное определение юридического термина, предусмотренное нормативным актом и обязательное для применения [Власов 2010: 6; Руева 2025]. В современном российском праве не существует ни одной легальной дефиниции понятия «уважение». Это порождает серьезные проблемы:

- уважение остается оценочной категорией, допускающей множественное толкование;
- правоприменитель не имеет четких критериев для установления факта нарушения или соблюдения уважения;
- отсутствует юридическая определенность, что противоречит требованиям верховенства права.

Как отмечает М. В. Баранова, законодательные дефиниции должны быть точными, однозначными и исключать произвольное толкование [Юридическая техника 2025: 204]. В случае с уважением этим требованием законодатель явно пренебрегает.

Следовательно, технико-юридическое закрепление принципа уважения в российском законодательстве характеризуется отсутствием системности, четкости, операциональности и универсальности. Ни один из рассмотренных подходов юридической техники к формулированию правовых принципов не используется в полной мере и в согласованном порядке. Это приводит к тому, что уважение остается моральной максимой, а не действующим правовым принципом с юридическими последствиями.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, уважение как этико-правовая категория обладает всеми признаками, необходимыми для ее трансформации в самостоятельный общеправовой принцип. Философско-правовая традиция, начиная с И. Канта и заканчивая современными гуманистическими доктринами, демонстрирует, что уважение к личности, обществу, государству (через официальные символы и пр.), закону является неотъемлемым условием легитимности правопорядка. Однако отсутствие прямой формулировки принципа уважения создает концептуальный вакуум, который не позволяет полноценно использовать эту категорию как регулятивный, интерпретационный и оценочный критерий при толковании и применении норм. Это противоречит современным требованиям к системности, иерархичности и внутренней согласованности правовой системы.

Во-вторых, анализ технико-юридических способов закрепления принципа уважения позволил выявить системные недостатки, препятствующие его эффективной реализации. Преамбулы нормативных правовых актов, несмотря на их потенциал как носителей ценностно-нормативных основ, не содержат четких и единообразных формулировок уважения, что нарушает принцип единства терминологии и подрывает интерпретационную стабильность и прогнозируемость.

В-третьих, нормы-принципы, содержащие лексему «уважение», страдают от трех ключевых дефектов: отсутствия легальной дефиниции, декларативности без механизма обеспечения и фрагментарности. Без точного определения уважения как правовой категории невозможно установить признаки ее соблюдения или нарушения, что ведет к правовой неопределенности и произвольному толкованию. Отсутствие гарантий реализации (в том числе правовых обязанностей, процедур защиты или санкций за игнорирование) превращает нормы-принципы в «этические аппеляции», не обладающие регулятивной силой. Фрагментарность же, проявляющаяся в локализации уважения исключительно в отраслевом законодательстве (семейное, социальное, нотариальное и пр.), исключает его межотраслевой потенциал и нарушает требование системного подхода к правовому регулированию.

В-четвертых, использование уважения в пояснительных записках к законопроектам не имеет юридического значения. Такие записки, не обладая нормативной силой, не могут служить основанием для выводов о наличии правовых обязательств, связанных с уважением. Это создает дисбаланс между декларируемыми целями законодателя и реальным содержанием правового регулирования, что противоречит принципам прозрачности и предсказуемости законодательства, закрепленным в международных стандартах верховенства права.

В-пятых, отсутствие законодательной дефиниции уважения является наиболее острым технико-юридическим пробелом. Без легального определения невозможно ни правоприменителю, ни субъекту права точно ориентироваться в содержании принципа, что подрывает саму идею правовой определенности. В этой связи представляется необходимым разработать и закрепить на законодательном уровне легальную дефиницию уважения, включающую его субъектный, объектный и поведенческий компоненты, а также соотнесение с близкими категориями – достоинством, честью, свободой совести и др.

Таким образом, уважение в современном российском праве нуждается в технико-юридическом опосредовании

для функционирования в качестве полноценного правового принципа. На сегодняшний день его закрепление характеризуется отсутствием системности, юридической определенности и операциональности. Для преодоления указанных дефектов требуется комплексный подход, который позволит трансформировать уважение из моральной максимы в действующий, эффективный и защищенный гарантиями правовой принцип – тем самым укрепляя основы правового государства и повышая качество российского законодательства.

Литература

Levinson S. Our Undemocratic Constitution: Where the Constitution Goes Wrong (And How We the People Can Correct It). Oxford, 2006.

Анисифорова М. В., Цоколова О. И. Научная обоснованность нормотворческой инициативы федеральных органов исполнительной власти / Административное право и процесс. – 2024. – № 9.

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Система принципов конституционно-правового статуса человека и гражданина / Современное право. – 2024. – № 12.

Власенко Н. А. Законодательная технология. Теория. Опыт. Правила. Законодат. собр. Иркут. обл. Гос. ин-т регион. законодательства администрации Иркут. обл. Иркутск, 2001.

Власов И. С. Правовые акты: антикоррупционный анализ; отв. ред. В.Н. Найдено, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. М., 2010.

Воронцова Н. Л. Теория и право о качестве нормативных правовых актов / Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 10.

Должиков А. В. Система общих принципов административного права: отечественные традиции и сравнительные подходы / Административное право и процесс. – 2025. – № 8.

Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) / Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

Кашанина Т. В. Юрилическая техника: учебник. М., 2011.

Крупкин П. Р. Юрилическое значение преамбулы конституции: опыт США, Франции и России / Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 10.

Мамедов М. Н. Уважение гражданина и его прав в политико-правовых представлениях мыслителей античности / История государства и права. – 2011. – № 24.

Миронов А. Н. Юрилическая технология нормативных правовых актов: монография. М., 2010.

Нестеров Е. А., Рельев А. Г. Уважение как принцип и ценностный приоритет коммуникации в праве / Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1.

О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (в части установления нового дня воинской славы «9 августа - День окончания Ленинградской битвы (1944 год)»): проект Федерального закона № 860765-8 / Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/860765-8#bh_note (дата обращения: 19.12.2025).

О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации»: проект Федерального конституционного закона № 1077678-8 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.11.2025) / Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).

О Московской торгово-промышленной палате: закон г. Москвы от 27.03.2002 № 17 (в ред. от 08.05.2024) / Ведомости Московской городской Думы. – 2002. – № 5. – Ст. 80.

О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (в ред. от 22.07.2024) / Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913; – 2024. – № 31. – Ст. 4455.

О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (в ред. от 13.06.2023) / Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740; Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4442.

Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 15.10.2025) / Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; – 2025. – № 42. – Ст. 6086.

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025): федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (в ред. от 26.12.2024) / Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7007; – 2024. – № 1 (ч. 1). – Ст. 32.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2025 № 2564-О / СПС «Консультант Плюс».

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 6.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (в ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.11.2025) / Российская газета. – 1993. – 13 марта; Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 48. – Ст. 7214.

Рельев А. Г., Рельева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) / Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 3 (23).

Руева Е. О. Проблемы формулирования юридических дефиниций на примере антикоррупционного законодательства / Российский следователь. – 2025. – № 7.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) / Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; – 2024. – № 33 (ч. I). – Ст. 4956.

Шмелева Д. В. К вопросу о системе принципов конкурентного права России / Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2025. – № 2.

Юридическая техника. Juridical Techniques / под ред. В.М Баранова. 3-е издание, перераб. и доп. М., 2025.

References

- Anisiforova, M. V., Tsokolova, O. I. (2024). Scientific validity of the rule-making initiative of federal executive authorities. *Administrative Law and Process*, 9 (in Russian).
- Baranov, V. M. (2025). *Legal technology. Juridical Techniques*. 3rd edition, revised and additional. Moscow (in Russian).
- Veliyeva, D. S., Presnyakov, M. V. (2024). The system of principles of the constitutional and legal status of man and citizen. *Modern law*, 12 (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (2001). *Legislative technology. Theory. Experience. Rules. Legislator. the assembly. Irkut. region. State Institute of Technology region. legislation of the Irkutsk Region administration. Irkutsk* (in Russian).
- Vlasov, I. S. (2010). *Legal acts: an anti-corruption analysis*; edited by V.N. Naidenko, Yu.A. Tikhomirov, T.Ya. Khabrieva. Moscow (in Russian).
- Vorontsova, N. L. (2025). Theory and law on the quality of normative legal acts. *State power and local self-government*, 10 (in Russian).
- Dolzhikov, A. V. (2025). The system of general principles of administrative law: domestic traditions and comparative approaches. *Administrative law and Process*, 8 (in Russian).
- The European Charter of Local Self-Government (done in Strasbourg on 15.10.1985). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 36. Article 4466 (in Russian).
- Kashanina, T. V. (2011). *Legal technique: textbook*. Moscow (in Russian).
- Krupkin, P. R. (2025). The legal significance of the preamble to the Constitution: the experience of the USA, France and Russia. *State power and local self-government*, 10 (in Russian).
- Legal technique. (2025). In order V.M. Baranov. 3rd edition, Moscow (in Russian).
- Mamedov, M. N. (2011). Respect for the citizen and his rights in the political and legal conceptions of the thinkers of antiquity. *History of the State and law*, 24 (in Russian).
- Mironov, A. N. (2010). *Legal technology of normative legal acts: a monograph*. Moscow (in Russian).
- Nesterov, E. A., Repyev, A. G. (2025). Respect as a principle and value priority of communication in law. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (in Russian).
- On amendments to Article 1 of the Federal Law "On Days of Military Glory and Memorable Dates of Russia" (regarding the establishment of a new day of military glory "August 9 - the Day of the end of the Leningrad Battle (1944)": Draft Federal Law No. 860765-8. *Legislative support System*. Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/860765-8#bh_note (in Russian).
- On Amendments to Article 4 of the Federal Constitutional Law "On the State Flag of the Russian Federation": draft Federal Constitutional Law No. 1077678-8 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 11/24/2025). *Legislative Support System*. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/> (in Russian).
- On the Moscow Chamber of Commerce and Industry: Law of Moscow dated 27.03.2002 No. 17 (as amended dated 05/08/2024). *Bulletin of the Moscow City Duma*. 2002. No. 5. Article 80 (in Russian).
- On psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision: Law of the Russian Federation dated 07/02/1992 No. 3185-1 (as amended dated 07/22/2024). *Bulletin of the Council of People's Commissars and the Armed Forces of the Russian Federation*. 1992. № 33. Art. 1913; 2024. № 31. Art. 4455 (in Russian).
- On the Languages of the Peoples of the Russian Federation: the Law of the Russian Federation dated 10/25/1991 No. 1807-1 (as amended dated 06/13/2023). *Vedomosti SND and VS RSFSR*. 1991. № 50. Art. 1740; *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2023. № 25. Art. 4442 (in Russian).
- On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended dated 10/15/2025). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 53 (part 1). Article 7598; 2025. No. 42. Article 6086 (in Russian).
- On the basics of social services for citizens in the Russian Federation (with amendments and additions, intro. effective from 03/01/2025): Federal Law No. 442-FZ of 12/28/2013 (as amended dated December 26, 2024). *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 52 (part I). Article 7007; 2024. No. 1 (Part I). Article 32 (in Russian).
- On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Sergey Vyacheslavovich for violation of his constitutional rights by Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation and Federal Law No. 162-FZ of December 8,

-
- 2003 "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation": ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.09.2025 No. 2564-O. SPS Consultant Plus (in Russian).
- Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.06.2021). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 10 (in Russian).
- Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 19.10.2016). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 6 (in Russian).
- Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1) (as amended dated 07/31/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 11/24/2025). Rossiyskaya Gazeta. 1993. March 13; Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. No. 48. Art. 7214 (in Russian).
- Repyev, A. G., Repyeva, A. M. (2018). Moral and legal categories "respect" and "dignity" from the standpoint of a value approach (using the example of penal enforcement law). *Altaisky juridicheskiy vestnik*, 3 (23) (in Russian).
- Rueva, E. O. (2025). Problems of formulation of legal definitions on the example of anti-corruption legislation. *A Russian investigator*, 7 (in Russian).
- Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended dated 11/23/2024, as amended from 10/30/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 02/05/2025). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16; 2024. № 33 (part I). Art. 4956 (in Russian).
- Shmeleva, D. V. (2025). On the issue of the system of principles of Russian competition law. *Journal of Business and Corporate Law*, 2 (in Russian).
-

Citation:

Гогитидзе Д. А. Техничко-юридические дефекты закрепления принципа уважения в российском праве // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 37-43.

Gogitidze D. A. (2026) Technical and Legal Defects in Consolidation of the Principle of Respect in Russian Law. *Legal Linguistics*, 39, 37-43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Правовая природа замены наказания

П. А. Зелюка

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: pzeluka@gmail.com

Сложным вопросом теории уголовного права является определение правовой природы предписаний, регулирующих замену наказания более строгим или более мягким видом в процессе его исполнения. Основой для его решения следует признать конституционные параметры института замены наказания, указывающие на его гарантийные, обеспечительные функции и возможности. Акцент на обеспечительном характере института замены наказания позволяет выявить его отличительные особенности. Замена наказания осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора (чем отличается от изменения наказания в судах проверочных инстанций); осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения (чем отличается от изменения наказания при изменении уголовного закона); вызвана необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление (чем отличается от выбора наказания на этапе его назначения). Эти характеристики замены наказания обеспечивают, что права участников правоотношения – право государства на наказание и право лица, совершившего преступление, просить о смягчении наказания – не будут оставлены без внимания после вступления приговора в силу, но будут в полной мере реализованы на всем протяжении существования уголовно-правового отношения.

Ключевые слова: замена наказания, назначение наказания, индивидуализация наказания, изменение наказания, освобождение от наказания.

The Legal Nature of Commutation

P. A. Zelyuka

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: pzeluka@gmail.com

The theory of criminal law is challenged with defining the legal nature of regulations governing the substitution of a lesser or stiffer penalty for the one originally imposed by a court in the process of its execution. The constitutional parameters of the institute of commutation should be seen as the basis of such definition thus indicating its guarantee and security functions. The emphasis on the protective nature of the institution of commutation makes it possible to identify its distinctive features. The commutation is carried out at the stage of execution of a sentence that has entered into legal force (which differs from changing the punishment in the courts of controlling authorities); it is carried out within the normative parameters of the existing criminal law qualification (which differs from changing the punishment when the criminal law is amended); caused by the need to assess the post-criminal behavior of the person who committed the crime (which differs from the choice of punishment at the stage of infliction). These characteristics of the commutation ensure that the rights of the parties to the legal relation – the right of the State to punish and the right of the person who committed the crime to plead for mitigation of punishment – will not be ignored after the sentence enters into force, but will be fully implemented till the criminal law relationship is valid.

Key words: commutation, award of punishment, individualization of punishment, change of punishment, free from punishment.

Представленный в современной уголовно-правовой науке опыт определения правовой природы замены наказания посредством использования таких категорий, как «мера уголовно-правового характера», «индивидуализация наказания», «прогрессивная система исполнения наказания», не дает позитивного эффекта, его результаты отличаются внутренней несогласованностью и противоречивостью, плохо вписываются в общепринятые представления о механизме уголовно-правового регулирования, что позволяет считать вопрос определения правовой природы замены наказания открытым.

В его решении, как представляется, следует отталкиваться, прежде всего, от конституционных параметров института замены наказания, указывающих на его гарантийные, обеспечительные функции и возможности.

Такие попытки уже встречались в литературе, хотя они и не сложились в полноценное теоретическое обоснование замены наказания, поскольку были высказаны по большей части попутно, а не предметно. Так, например, В. М. Степашин указывает, что установленный в законе механизм определения последствий злостного уклонения от отбывания наказания обеспечивает исполнение (отбывание) назначенного судом законного и справедливого наказания [Степашин 2019: 156-158]. В. Д. Филимонов также обращал внимание на то, что целевая направленность уголовно-правовых норм о замене наказания более строгим видом состоит не в индивидуализации наказания, а в том, чтобы «обеспечить реализацию определенной судом меры государственного принуждения» [Филимонов 2004: 270-271].

Эти идеи были сформулированы и получили признание по большей части в науке уголовно-исполнительного права. Так, еще Ю. М. Ткачевский писал, что замена наказания более строгим видом в случае уклонения осужденного от отбывания (исполнения) назначенного судом наказания относится к прогрессивной системе исполнения наказания и является «уголовно-правовой мерой обеспечения исполнения наказания» [Ткачевский 2010: 91, 113, 118]. Современные авторы указывают, что нормы УК РФ, обладающие свойством воздействовать на отношения, складывающиеся в процессе исполнения и отбывания наказания, с целью реального осуществления последнего в необходимом, достаточном объеме, входят в механизм уголовно-правового обеспечения реализации назначенного наказания. Этот механизм включает в себя уголовно-правовые средства обеспечения реализации назначенного наказания, не влекущие уголовной ответственности, и уголовно-правовые средства обеспечения реализации назначенного наказания, влекущие уголовную ответственность [Гаманенко 2010].

Эти суждения следует дополнить и развить. Самое важное, следует расширить представления об обеспечительных возможностях замены наказания. Прежде всего, надо признать, что обеспечительные функции не ограничиваются только сферой, связанной с реагированием на уклонение от отбывания или исполнения наказания. Обеспечительные, гарантийные механизмы необходимы и для тех ситуаций, когда наказание реально, качественно и эффективно исполняется. А это значит, что созданный законодателем механизм замены наказания обеспечивает не просто возможность исполнения наказания или скорейшего исправления осужденного, не какие-то внешние по отношению к участникам уголовно-правового отношения цели. Он обеспечивает непосредственно сами права участников этого отношения. И хотя полной номенклатуры таких прав и обязанностей наука еще не создала, можно считать доказанным и подтвержденным на высоком конституционном уровне наличие права наказания у государства и права просить о смягчении наказания у осужденного.

Полноценной реализации этих взаимосвязанных прав субъектов уголовно-правового отношения посвящен, в принципе, весь уголовный закон, все его нормы и институты. Но нормы о замене наказания выполняют в этом массиве свою специфическую роль на вполне определенном участке развития уголовно-правового отношения. Уточнение этих места и роли позволяет не только понять природу рассматриваемых законоположений, но также их место в ряду иных нормативных предписаний и связи с ними.

1. Замена наказания обеспечивает права и обязанности участников уголовно-правового отношения только на том этапе его развития, когда наказание было назначено приговором суда. На этом основании замена принципиально отличается от выбора наказания.

Выбор наказания как элемент процесса его индивидуализации осуществляется в каждом конкретном случае в пределах тех видов и размеров наказания, которые были определены законодателем в санкции уголовно-правовой нормы. Об этом прямо гласит ч. 1 ст. 60 УК РФ: лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Однако в некоторых ситуациях справедливость и законность требуют от суда выхода за пределы санкции. Это происходит, во-первых, когда суд сочтет необходимым воспользоваться предписаниями ст. 64 УК РФ о назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено законом. В современной практике это происходит примерно в 5% случаев вынесения обвинительного приговора. Требования ст. 64 УК РФ предполагают учет особых, исключительных обстоятельств дела, связанных с характеристикой совершенного преступления, личностью виновного, мотивами и целями его поведения, действиями после совершения преступления и т. д. Статья при этом четко определяет, что выход за пределы санкции (как в части выбора вида наказания, так и в части изменения его размера) является исключительной прерогативой суда. Как указывал Конституционный Суд РФ, пределы наказания за конкретное преступление, безусловно, определяются законодателем. Но при назначении наказания законодательная оценка общественной опасности преступления, отраженная в санкции соответствующей нормы, должна быть сопоставлена с действительной степенью общественной опасности совершенного деяния, установленной судом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Установление для суда возможности выйти за пределы санкции конкретизирует в уголовном законе конституционные начала справедливости и гуманности и направлено на уменьшение уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания [определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 26-О].

Вместе с тем, наряду с описанными, имеют место ситуации вынужденного выхода за пределы санкции, когда ни один из предусмотренных видов наказания не может быть назначен с учетом фактических обстоятельств конкретного дела. Пленум Верховного Суда РФ дважды обратил внимание на подобные ситуации и сформулировал правила их преодоления: «В том случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может

быть назначен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ видов наказаний (например, обязательные работы – в силу части 4 статьи 49 УК РФ, исправительные работы – в силу части 5 статьи 50 УК РФ, арест – в связи с его неприменением в настоящее время, лишение свободы – в силу части 1 статьи 56 УК РФ), ему следует назначить любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи. Ссылка на статью 64 УК РФ в таком случае не требуется» [постановление Пленума от 22.12.2015 г. № 58]; «Если несовершеннолетнему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а санкция статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой он осужден, не предусматривает иного вида наказания, подлежит назначению другой, более мягкий вид наказания с учетом положений статьи 88 УК РФ. В этом случае ссылки на статью 64 УК РФ не требуется» [постановление Пленума от 01.02.2011 № 1].

Такие ситуации выхода за пределы санкции предполагают не замену наказания как таковую, а выбор наказания, его назначение, индивидуализацию. Заменить, согласно общей логике, можно лишь то, что имеется в наличии. В данном же случае «наличного наказания» еще не имеется. По этой причине сложно согласиться с исследователями, которые полагают, что предметом замены может выступать как уже назначенный вид уголовного наказания, так и вид уголовного наказания, предусмотренный в санкции статьи Особенной части УК РФ, то есть еще не назначенный вид [Алиев 2011: 21]. Смысл и природа выбора и замены – принципиально различны.

2. Замену наказания как самостоятельный институт следует отличать от различных и не вполне совпадающих по своей природе случаев освобождения от наказания с назначением иных мер уголовно-правового характера. Закон предусматривает такую конструкцию в ст. 92 УК РФ, ст. 81 УК РФ, при этом применяться она может как в момент вынесения приговора, так и в процессе его исполнения. Суммарно число лиц, к которым применен соответствующий механизм, невелико. В масштабах страны число освобожденных от наказания по болезни не превышает ста человек (при этом существующие формы статистического наблюдения не позволяют установить, к скольким из них были применены принудительные меры медицинского характера), а число несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в порядке освобождения от уголовного наказания, не превышает 300 человек. Однако сам факт наличия соответствующей категории лиц не позволяет их игнорировать в теоретическом осмыслении проблем замены наказания.

Здесь принципиально важно отметить, что применение иных мер уголовно-правового характера происходит при освобождении от наказания, когда последнее либо вообще, либо на определенный момент времени не исполняется. В ситуации же замены наказания и заменяемая, и заменяющая меры – это всегда уголовное наказание. Не случайно специалисты акцентируют внимание на том, что понятие замены наказания в уголовном законе означает применение одного вида наказания вместо другого [Жуков 2002: 17; Тарханов 1982: 21].

3. Замена наказания обеспечивает взаимные права участников уголовно-правового отношения на этапе, когда они окончательно определены и конкретизированы в индивидуализированном порядке вступившим в законную силу приговором суда, иными словами – на этапе существования уголовно-исполнительных правоотношений.

Этот факт позволяет отличать замену наказания от его изменения в судах проверочных инстанций – апелляционной и кассационной.

Такое изменение является достаточно распространенным явлением. При том, что число лиц, в отношении которых изменяются или отменяются приговоры в апелляционном или кассационном порядке относительно общей массы ежегодно осуждаемых лиц относительно невелико (6–7%), процент измененных в проверочных инстанциях приговоров составляет в среднем около 60%, причем основная масса из них – приговоры, в которых осужденным снижается назначенное наказание, как правило, без изменения квалификации содеянного (82–85%).

Однако такое изменение наказания, выступая процессуальной гарантией права на наказание и его смягчение, дополняет институт замены наказания, но не формирует его. Изменение наказания в уголовно-процессуальном порядке является, по сути, средством исправления недостатков и ошибок правосудия, дополнительной гарантией права на справедливый суд. Как верно отмечают специалисты, «существенной отличительной особенностью изменения наказания в порядке уголовного судопроизводства является то, что оно решает задачи, качественно отличные от тех, которые стоят перед заменой наказания в уголовном праве. Основное отличие данных форм от замены наказания состоит в том, что уголовно-процессуальные способы изменения наказания связаны с внесением определенных уточнений в приговор вследствие незаконности или необоснованности последнего. Иными словами, под сомнение ставится сам приговор, его соответствие всем обстоятельствам совершенного преступления, исследованным в ходе судебного заседания доказательствам, другим требованиям уголовно-процессуального закона. При применении замены наказания приговор суда под сомнение не ставится» [Абдуллин 2008: 38].

4. Замена наказания происходит в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения. По этому признаку она существенным образом отличается от ситуаций корректировки назначенного судом наказания в стадии исполнения наказания, которая вызвана изменением параметров законодательной оценки общественной опасности совершенного преступления или законодательных правил назначения. Такое изменение наказания в связи с изменением уголовного закона происходит с учетом требований ст. 10 УК РФ. И хотя в данном случае также судом, также в процессе исполнения наказания одно наказание меняется на другое наказание, изменение выходит за пределы ранее установленных законом границ взаимных прав и обязательств этого лица и государства. Гарантийная, обеспечительная функция соблюдения прав участников правоотношения заключается в данном случае в применении необходимого уголовного закона, вне зависимости от того, каким является постпреступное поведение лица, совершившего преступление. Можно образно сказать, что такое изменение вызвано «постпреступным поведением» государства, изменившим правила уголовно-правовой оценки преступления.

Представленный обзор наглядно свидетельствует о том, что замена наказания качественно отличается от близких по содержанию ситуаций, связанных с корректировкой меры воздействия лицу, совершившему преступление. Ее отличительные особенности состоят в следующем: а) осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора; б) осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения; в) предполагает неизменность оценки совершенного преступления и неизменность оценки состоявшегося приговора; г) вызвана необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление.

Замена наказания обеспечивает, что возникшие в определенный момент права участников правоотношения – право государства на наказание и право лица, совершившего преступление, просить о смягчении наказания – не будут оставлены без внимания после вступления приговора в силу, но будут в полной мере реализованы на всем протяжении существования уголовно-правового отношения вплоть до момента погашения или снятия судимости.

Подводя итоги исследования вопроса о правовой природе замены наказания, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- отсутствие в современной науке устоявшихся или общепризнанных представлений о природе замены наказания обусловлено сохраняющейся нерешенностью и дискуссионностью вопроса о содержании уголовной ответственности, его соотношении с мерами уголовно-правового характера и правовым статусом лица, совершившего преступление;

- попытки признать замену наказания элементом прогрессивной системы исполнения наказания не выдерживают критики, поскольку приводят к уравниванию правовой природы принципиально различных инструментов замены правоограничений, составляющих сущность наказания и составляющих режим исполнения наказания;

- замена наказания осуществляется в стадии исполнения вступившего в законную силу приговора (чем отличается от изменения наказания в судах проверочных инстанций); осуществляется в пределах нормативных параметров существующего уголовно-правового отношения (чем отличается от изменения наказания при изменении уголовного закона); вызвана необходимостью оценки постпреступного поведения лица, совершившего преступление (чем отличается от выбора наказания на этапе его назначения);

- замена наказания предполагает неизменность оценки совершенного преступления и неизменность оценки состоявшегося приговора, тем самым она не вторгается в сферу уголовной ответственности, не корректирует ее объем, но составляет элемент корректировки уголовно-исполнительного статуса лица, совершившего преступление;

- такая корректировка правового статуса предопределена необходимостью обеспечения в процессе существования уголовно-правового отношения гарантий реализации двух взаимосвязанных прав участников уголовно-правового отношения: права государства на наказание и права лица, совершившего преступление, просить о смягчении наказания.

Литература

Абдуллин Э. М. Замена наказания в уголовном праве России (юридическая природа, виды, характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008.

Алиев А. В. Замена наказания в российском уголовном праве / Вестник Российской правовой академии. – 2018. – № 2. – С. 18–24.

Гаманенко Л. И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010.

Жуков А. В. Замена наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002.

О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мостового Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 26–О. Документ официально не опубликован. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision663511.pdf>

Степашин В. М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и мер уголовной ответственности: дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019.

Тарханов И. А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань, 1982.

Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ткачевский Ю.М. Избранные труды. СПб., 2010.

Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.

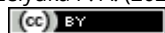
References

- Abdullin, E. M. (2008). Substitution of Punishment in Russian Criminal Law (Legal Nature, Types, Characteristics): Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ulyanovsk (in Russian).
- Aliyev, A. V. (2018). Substitution of Punishment in Russian Criminal Law. Bulletin of the Russian Law Academy, 2, 18–24 (in Russian).
- Gamanenko, L. I. (2010). Criminal-Legal Support for the Implementation of the Imposed Punishment: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ryazan (in Russian).
- Zhukov, A. V. (2002). Substitution of Punishment in Russian Criminal Law: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Samara (in Russian).
- On the practice of courts of the Russian Federation in assigning criminal penalties: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2016, 2 (in Russian).
- On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2011, 4 (in Russian).
- On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Andreevich Mostovoy regarding the violation of his constitutional rights under Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.01.2023 No. 26. This document has not been officially published. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision663511.pdf> (in Russian).
- Stepashin, V. M. (2019). Economy of Repression as a Principle of Criminal Law and Its Implementation in the Appointment of Punishment and Measures of Criminal Liability: Doctor of Law Dissertation. Omsk (in Russian).
- Tarkhanov, I. A. (1982). Substitution of Punishment under Soviet Criminal Law. Kazan (in Russian).
- Tkachevsky, Yu. M. (2010). Russian Progressive System of Execution of Criminal Punishments. Selected Works. St. Petersburg (in Russian).
- Filimonov, V. D. (2004). The Norm of Criminal Law. SPb (in Russian).

Citation:

Зелюка П. А. Правовая природа замены наказания // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 44-48.

Zelyuka P. A. (2026) The Legal Nature of Commutation. Legal Linguistics, 39, 44-48.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие культурных ценностей народов в законодательстве европейских стран

А. Ф. Манапова

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, Челябинск, Россия. E-mail: anna961512@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия «культурные ценности». Анализ, представленный в работе, охватывает правовые системы ведущих европейских стран, таких как Франция, Италия, Германия, Норвегия, Португалия, Беларусь, Украина, Азербайджан, Швейцария, Великобритания, Греция, Польша, Турция, Российская Федерация. Охрана культурных ценностей народов – это важная задача, требующая комплексных мер не только со стороны правоохранительных органов, но и в сфере законотворчества. Трактовка основных терминов приводит к разрозненности понимания и, как следствие, к ошибкам в квалификации объектов. Каждое государство формирует собственный перечень критериев для отнесения предмета к культурным ценностям, что создает правовые барьеры для международного сотрудничества в области их защиты. В статье проанализировано законодательство зарубежных стран в области охраны культурных ценностей народов. Выделены особенности трактовки термина «культурные ценности» в европейских странах. Автор предлагает использовать единый международный документ, а именно «Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» ЮНЕСКО 1970 года. Унификация законодательства вышеуказанных стран на основе ее принципов и дефиниций позволит привести национальные законы к единообразию. Сделаны основные выводы относительно важности внедрения единообразного понятия «культурные ценности» в зарубежное законодательств с целью единого понимания термина и отнесения того или иного объекта к категории «культурная ценность», что повысит эффективность борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей в мировом масштабе.

Ключевые слова: культурные ценности, страны Европы, охрана культурных ценностей, понятие культурных ценностей.

The Concept of Cultural Values of Peoples in the Legislation of European Countries

A. F. Manapova

Chelyabinsk State University

129 Brothers Kashirin St., 454001, Chelyabinsk, Russia. E-mail: anna961512@mail.ru

This article explores the concept of "cultural property." The analysis presented in the work covers the legal systems of leading European countries, such as France, Italy, Germany, Norway, Portugal, Belarus, Ukraine, Azerbaijan, Switzerland, the United Kingdom, Greece, Poland, Turkey, and the Russian Federation. Protecting the cultural property of peoples is an important task that requires comprehensive measures not only from law enforcement agencies but also from legislative bodies. The interpretation of key terms leads to inconsistent understanding and, consequently, to errors in the classification of objects. Each state develops its own list of criteria for classifying an object as cultural property, which creates legal barriers to international cooperation in the field of their protection. The article analyzes the legislation of foreign countries regarding the protection of the cultural property of peoples. The specific interpretations of the term "cultural property" in foreign European countries are highlighted. The author proposes using a single international document, namely the 1970 UNESCO Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. Unifying the legislation of the aforementioned countries based on its principles and definitions will help harmonize national laws. Key conclusions are drawn regarding the importance of introducing a uniform definition of "cultural property" into international legislation to ensure a unified understanding of the term and the classification of any given object as "cultural property," which will increase the effectiveness of the fight against the illicit trafficking of cultural property globally.

Key words: cultural values, European countries, protection of cultural values, the concept of cultural values.

Введение

Культурные ценности народов представляют собой совокупность традиций, обычаев, верований, искусств и других элементов, которые формируют уникальную идентичность каждой нации. В зарубежных странах это понятие имеет свои особенности и нюансы, которые зависят от исторического, социального и экономического контекста. Кроме того, трактовка термина «культурные ценности» в разных странах зависит от принадлежности той или иной страны к конкретной правовой семье. Особенности каждой правовой семьи заложили базис в понимании данного понятия, что впоследствии привело к формированию уникального уголовного законодательства в области охраны культурных ценностей народов.

Материалы и методы исследования

В ходе написания статьи задействован сравнительно-правовой метод, который позволяет соотнести институты и нормы различных правовых систем государств. В статье применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы охраны культурных ценностей народов в Российской Федерации и в зарубежных странах.

Описание исследования

В европейских странах культурные ценности часто связаны с историческим наследием, архитектурой и искусством. Культурные ценности можно определить как те аспекты культуры, которые считаются важными и значимыми для определенной страны и группы людей. Именно поэтому каждая страна по-своему дает определение понятия «культурные ценности», вкладывая в нее часть собственной культуры, нации, обычаев и многое другое.

Российская Федерация. Согласно Закону Российской Федерации от 15.04.1993 №4804 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» культурные ценности – это движимые предметы материального мира, независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [Закон Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» URL].

Франция. Исходя из законодательства Французской Республики культурными ценностями являются естественные и искусственные памятники. К искусственным относят сооружения, ансамбли, все варианты движимых объектов. К естественным относятся объекты флоры и фауны, ландшафты и водные объекты [Закон Франции «Об исторических памятниках» URL]. Культурное наследие Франции – это материальные и нематериальные объекты, представляющие историческую, художественную, архитектурную или символическую ценность страны и ее жителей. Анализируя французское законодательство можно сделать вывод, что деления на «движимые» и «недвижимые» культурные ценности в стране нет, при этом, в отличие от Российской Федерации, во Франции культурные ценности приравниваются к памятникам, что, по мнению автора, значительно сужает характеристику такого широкого понятия.

Италия. Италия является одной из наиболее богатых стран по количеству объектов культурного наследия мирового масштаба. Именно она стала страной, наиболее пострадавшей от незаконных действий в отношении памятников истории, культуры и культурных ценностей в XIX-XX веках. Законодательство Италии не содержит определения «памятник истории и культуры; объекты культурного наследия». Оно использует понятие «историческое достояние». В законодательстве Итальянской Республики такие ценности являются движимыми и недвижимыми предметами интереса для искусства, истории, археологии и этнографии. В статье 2 Декрета Президента Республики №805 от 03.12.1975 указано, что культурные памятники являются достоянием нации. Вся существующая деятельность с такого рода объектами осуществляется согласно программам, которые законодательно утверждены [Декрет президента республики URL]. Культурное наследие составляют недвижимые и движимые объекты, принадлежащие государству, регионам и другим территориальным образованиям, общественным объединениям и институтам, частным некоммерческим ассоциациям, в том числе церковным, представляющие художественный, исторический, археологический или этно-антропологический интерес. Сравнивая Российскую Федерацию и Италию, автор обращает внимание на упоминание в итальянском законодательстве принадлежности к праву собственности, перечисление конкретных возможных собственников культурных ценностей. В данном случае таким образом выделяется круг жертв, с точки зрения виктимологии, преступных посягательств.

Германия. В немецком законодательстве к памятникам относят не только недвижимое имущество, но и отдельное движимое. Основным признаком для объектов культурного наследия является историко-культурная ценность объекта (памятника) и особый статус. В стране разработан реестр памятников истории и культуры. Только предметы, включенные в этот реестр, являются объектом уголовно-правовой охраны. Данный перечень ведет Министерство внутренних дел Германии, он составляется на основе данных, получаемых из каждой земли Федеративной Республики. Таким образом, немецкое законодательство использует расширительное толкование, при этом, в отсутствие законодательно закрепленных критериев оценки, за исключением субъективного мнения относительно «старинности» и «ценности» объекта, создает реестр культурных ценностей.

Норвегия. В Законе «О планировании и строительстве» культурное наследие – это все следы деятельности человека в окружающей среде, в том числе места, связанные с историческими событиями, верованиями и традициями [Фирсова, Шестопалова 2022: 33]. Норвежское законодательство, в отличие от российского, заменяет понятие «культурные ценности» на понятие «культурное наследие», выделяя их тождественность. Кроме того, избегает оценочного понятия «ценность», прибегая к расширительному толкованию относительно «всех следов деятельности человека».

Португалия. В соответствии с положениями Закона от 08.09.2001 Португалии основными составляющими культурного наследия, на которые распространяется особый режим охраны, являются предметы и объекты,

свидетельствующие о развитии цивилизации и культуры. Это, в частности, археологические находки, документы, иные произведения, представляющие интерес также с точки зрения науки и техники. Особый режим охраны распространяется также на объекты, которые служат свидетельством национальной идентичности [Касаткина 2005: 105]. Таким образом, Португалия придерживается аналогичного подхода к тождественности понятий «культурные ценности» и «культурное наследие», как Норвегия. Исключительной особенностью подхода к определению культурных ценностей является особый режим охраны, который указывает на существование эффективных мер борьбы с преступностью в данной области.

Беларусь. Согласно Кодексу Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З культурная ценность – это созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления творчества человека, которые имеют историческое, художественное, научное или другое значение [Кодекс Республики Беларусь о культуре URL]. Таким образом, в зависимости от формы проявления законодательство Республики Беларусь разделяет культурные ценности на материальные и нематериальные, без указания на разделение ценностей на движимые и недвижимые. При этом ценности облагаются культурной значимостью и юридическим признанием, поскольку они закрепляются в охранном реестре – Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Украина. В Законе Украины «О культуре» используется термин «культурные блага», к которым можно отнести товары и услуги, которые являются удовлетворением многих культурных потребностей человека. К таким благам относятся: книги, произведения (музыкальные и аудиовизуальные), промыслы искусства, цирк и театр, культурно-массовые мероприятия и другое [Закон Украины «О культуре» URL]. Таким образом, это кардинально противоположный подход. Законодательство Украины относит к культурным благам «услуги», при этом не конкретизируя разновидности данных услуг. Кроме того, отсутствие четкого понятия порождает проблемы эффективности мер уголовно-правовой охраны культурных ценностей, основная проблема заключается в распределении функций исполнения соответствующего законодательства между различными органами власти по территориальному и ведомственному принципам, что приводит к дублированию отдельных полномочий и отсутствию единой системы контроля.

Азербайджан. В Конституции Азербайджанской Республики существуют государственные гарантии сохранения всего исторического и культурного наследия [Конституция Азербайджанской Республики URL]. Государство поддерживает структуры, которые занимаются изучением, созданием и популяризацией объектов, а также создает благоприятные условия для возвращения объектов на территорию страны, откуда заведомо были вывезены, и для рационального пользования ценностями. Такое законодательное закрепление нормы права является основополагающим для всего законодательства, связанного с культурными ценностями [Конституция Азербайджанской Республики URL]. Как и в Законе Украины «О культуре», в законодательстве Азербайджана выделяются культурные блага. Государство делит культурные ценности на материальные и нематериальные, движимые и недвижимые. При этом понятие «культурные ценности» в законодательстве характеризуется через перечисление видов культурных ценностей, что, по мнению автора, является неверным. В данном случае имеются нарушения с точки зрения логической структуры, поскольку классическое и правильное определение строится по принципу «род + видовое отличие»; перечисляя виды культурных ценностей, законодатель дает список, но не выделяет род и видовое отличие.

Швейцария. В Швейцарии Законом о международном обороте культурных ценностей 2003 г. [Нешатаева 2013: 15] фактически воспроизведено определение культурных ценностей, данное в ст. 1 Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. [Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности URL], согласно которой таким наследием считаются ценности религиозного или светского вида.

Великобритания. В Великобритании не существует единого кодифицированного нормативно-правового акта в области охраны и использования объектов культуры. В то же время существуют правила использования, реставрации, доступа к историческим объектам, которые регламентируются четырнадцатью нормативно-правовыми актами. Они явились базисом для создания постановлений правительств и ведомств, а также резолюций научно-консультационных ведомств. Особую роль играют общественные организации, которые активно принимают участие в этой сфере [Жуков 2017: 81]. Отсутствие в законодательстве четкого понятия «культурные ценности» – это не мелкий юридический пробел, а системная проблема, которая ведет к серьезным негативным последствиям для общества, государства, британской нации, а также для сохранения объектов для будущих поколений.

Греция. В Законе Греции «Сохранение древностей и культурного наследия в целом» №33028/2022 используются термины: объекты культуры, памятники, культурное наследие, движимые и недвижимые объекты (памятники), культурные ценности (в том числе нематериальные). В англоязычной версии употребляется словосочетание *intangible cultural assets* – культурная ценность как ценное имущество, ценный актив. Такая разрозненность понятий одного и того же явления, по мнению автора, приводит к неэффективности культурной, образовательной, законодательной политики, а также к невозможности избрать стратегически верные и эффективные меры уголовно-правовой политики в области борьбы с преступностью в сфере охраны культурных ценностей народов.

Польша. Культурные ценности приравниваются к объектам религиозного почитания. В Законе Польши «О сохранении и защите объектов наследия» от 02.07.2003 в статье 3 указано, что объект культурного наследия – недвижимый или движимый объект, его составная часть или комплекс элементов, являющиеся произведением человека или связанные с его деятельностью и представляющие свидетельство минувшего времени или события,

сохранение которых целесообразно в интересах общества с точки зрения исторической, художественной или научной ценности. В данном случае законодатель в своем определении охватил большую часть признаков понятия «культурные ценности», что свидетельствует об «облегчении» дальнейшей разработки мер противодействия преступлениям против культурных ценностей.

Турция. Одним из основных законов, регулирующих турецкое культурное наследие, является Закон о защите культурных и природных ценностей (Закон № 2863). Это всеобъемлющее законодательство определяет правовую основу для выявления, защиты, сохранения и восстановления культурных и природных ценностей Турции. Статья 3 Закона № 2863 определяет культурные ценности как движимое и недвижимое имущество, имеющее историческую, художественную, научную или культурную ценность [Фирсова, Шестопалова 2022: 33]. Данное определение понятия, по мнению автора, является несовершенным с точки зрения логики. В этом случае законодатель закрепил определение, данное через определяемое (культурные ценности – это имущество, имеющее культурную ценность), что приводит к логическому прямому кругу (тавтология), в определяющей части прямо используется определяемое слово. Таким образом, определение не дает понимания понятия «культурные ценности» и не создает опоры для понимания.

З а к л ю ч е н и е

Анализируя законодательство зарубежных стран в области охраны культурных ценностей народов следует отметить разрозненность определений понятия «культурные ценности». Европейские страны акцентируют внимание на особом статусе данных объектов, наличии художественного, исторического, антропологического и иного значения. Однако ни в одной стране Европы не разработано полное, всеобъемлющее определение понятия данного термина, что приводит к различиям в отнесении конкретного вида культурных ценностей к данной категории.

Вместе с тем, следует отметить, что большинство проанализированных стран (Беларусь, Греция, Италия, Польша, Португалия, Турция, Украина) ратифицировали конвенцию ЮНЕСКО «о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» 1970 г., в которой определено понятие «культурные ценности» как ценности религиозного или светского характера, которые каждое государство рассматривает как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки. Однако данное определение не было перенесено в национальные законодательства, что приводит к отсутствию однообразного понимания, что, в свою очередь, оказывает влияние на отнесение тех или иных культурных ценностей к объектам преступлений в области охраны культурных ценностей народов.

Анализ правовых и институциональных механизмов выявил значительные различия в подходах европейских государств к защите культурного достояния. Общей тенденцией остается стремление к балансу между сохранением аутентичности и адаптацией к вызовам глобализации и цифровизации.

Таким образом, при условии комплексного подхода, сочетающего традиционализм и новаторство, национальный суверенитет и международную солидарность, культурные ценности станут неотъемлемым элементом европейской идентичности.

Литература

Декрет президента республики № 805 от 3 декабря 1975 г. URL: <https://ria.ru/20081009/152848096.html>

Жуков Д. В. Право на доступ к культурным ценностям: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 4(65). – С. 81-86.

Закон Российской Федерации от 15.04.1993 №4804 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». URL: <https://base.garant.ru/10101361/>

Закон Украины «О культуре» от 14.12.2010 № 2778-VI URL: https://kodeksy.com.ua/ka/o_kulture.htm.

Закон Франции «Об исторических памятниках» от 31 декабря 1913 года URL: http://www.voopik.ru/doc/practice/international-law/01_france.pdf

Касаткина Н. М. Об охране памятников истории и культуры в Португалии / Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сборник научных трудов. М., 2005. С. 105-118.

Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-3 URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=35508167#pos=1008;23.

Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности // Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 года N8423-XI URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900836>

Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года URL: https://www.caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=93:constitution-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru

Нешатаева В. А. Культурные ценности. Цена и право. М., 2013.

Фирсова О. Л., Шестопалова Л. В. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения наследия. М., 2022.

References

Decree of the President of the Republic No. 805 of December 3, 1975. Available from: <https://ria.ru/20081009/152848096.html> (in Russian).

Zhukov, D. V. (2017). The right to access cultural values: a comparative legal analysis of foreign legislation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4(65), 81-86 (in Russian).

Law of the Russian Federation of April 15, 1993 No. 4804 "On the Export and Import of Cultural Property". Available from: <https://base.garant.ru/10101361> (in Russian).

Law of Ukraine "On Culture" of December 14, 2010 No. 2778-VI. Available from: https://kodeksy.com.ua/ka/o_kulture.htm (in Russian).

The French Law "On Historical Monuments" of December 31, 1913. Available from: http://www.voopik.ru/doc/practice/international-law/01_france.pdf (in Russian).

Kasatkina, N. M. (2005). On the Protection of Historical and Cultural Monuments in Portugal. *Legal Protection of Historical and Cultural Monuments in Foreign Countries: Collection of Scientific Papers*. Moscow, 105-118 (in Russian).

The Code of the Republic of Belarus on Culture of July 20, 2016, No. 413-Z. Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=35508167#pos=1008;23 (in Russian).

Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 2, 1988 N8423-XI. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1900836> (in Russian).

Constitution of the Republic of Azerbaijan of November 12, 1995. Available from: https://www.caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=93:constitution-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru (in Russian).

Neshataeva, V. A. (2013) *Cultural Values. Price and Law*. Moscow (in Russian).

Firsova, O. L., Shestopalova, L. V. (2022). *On the Term "Cultural Values" in Heritage Preservation*. Moscow (in Russian).

Citation:

Манапова А. Ф. Понятие культурных ценностей народов в законодательстве европейских стран // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 49-53.

Manapova A. F. (2026) The Concept of Cultural Values of Peoples in the Legislation of European Countries. *Legal Linguistics*, 39, 49-53.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Взаимодействие прокуратуры с независимыми экспертами по выявлению коррупциогенных факторов как условие совершенствования юридической техники нормативных правовых актов органов публичной власти

О. Л. Казанцева¹, Л. Л. Еремейкина²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹verwaltung@mail.ru,

²lada.rayskaya2107@mail.ru

В представленном исследовании авторы отмечают существенное значение превентивных антикоррупционных мер, закрепленных в отечественном законодательстве. Среди них особое внимание уделяется институту антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Выявление и устранение коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах органов публичной власти способствует совершенствованию их деятельности в сфере правотворчества. Среди уполномоченных субъектов, осуществляющих данный вид деятельности, особое место занимает прокуратура Российской Федерации, которая в соответствии с действующим законодательством проводит антикоррупционную экспертизу в отношении определенного перечня нормативных правовых актов, а также независимые антикоррупционные эксперты, представляющие гражданское общество, которые вправе осуществлять ее по собственной инициативе и за счет собственных средств. Авторы подчеркивают важность и эффективность взаимодействия органов прокуратуры и институтов гражданского общества в целях борьбы с коррупционными проявлениями в органах публичной власти. В условиях происходящих глобальных процессов, реформирования различных сфер общественной жизни и стремительных трансформаций, происходящих в правотворческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, представляется значимой консолидированная работа прокуратуры Российской Федерации и институтов гражданского общества по предупреждению коррупции. Отмечается важность практической реализации законодательно закрепленного принципа сотрудничества государственных органов и органов местного самоуправления с независимыми экспертами при организации антикоррупционной экспертизы, выявляются проблемы, возникающие при взаимодействии прокуратуры и независимых экспертов, в том числе обусловленные недостаточным правовым регулированием данной сферы, и предлагаются пути их решения. Выводы авторов представляют интерес для научного сообщества и практиков, способствуя дальнейшему исследованию данной проблематики и поиску оптимальных решений в области взаимодействия.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, нормативный правовой акт, независимый эксперт, прокуратура.

Interaction of the Prosecutor's Office with Independent Experts to Identify Corruption-Instigating Factors as a Pre-requisite for Improving Legal Technique of Regulatory Legal Acts of Public Authorities

O. L. Kazantseva¹, L. L. Eremeykina²

Altai State University

61 Lenina St. 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹verwaltung@mail.ru, ²lada.rayskaya2107@mail.ru

In the presented study the authors note the essential importance of preventive anti-corruption measures enshrined in domestic legislation. Among them special attention is paid to the institute of anti-corruption expertise of regulatory legal acts

and their projects. The identification and elimination of corruption-instigating factors in the regulatory legal acts of public authorities contributes to the improvement of their work in the field of law-making. Among the authorized entities engaged in this type of activity, a special place is occupied by the Prosecutor's Office of the Russian Federation, which, in accordance with current legislation, conducts anti-corruption expertise in relation to a certain list of regulatory legal acts, as well as independent anti-corruption experts representing civil society, who have the right to carry it out on their own initiative and at their own expense. The authors emphasize the importance and effectiveness of cooperation between the Prosecutor's office and civil society institutions in order to deter corruption in public authorities. In the context of the ongoing global processes, the reform of various spheres of public life and the rapid transformations taking place in the law-making activities of public authorities and local governments, the consolidated work of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and civil society institutions to prevent corruption seems significant. The importance of the practical implementation of the legislatively established principle of cooperation between state bodies and local governments with independent experts in performance of anti-corruption expertise is noted, problems arising from the interaction of the prosecutor's office and independent experts, including those caused by insufficient legal regulation of this area, are identified, and solutions are proposed. The authors' conclusions are of interest to the scientific community and practitioners, since it contributes to further research of this issue and the search for optimal solutions in the field of interaction.

Key words: anti-corruption expertise, corruption-instigating factors, regulatory legal act, independent expert, prosecutor's office.

Профилактика коррупционных правонарушений представляет собой одно из центральных направлений государственной политики Российской Федерации. Динамичное развитие законодательной базы в сфере противодействия коррупции, поиск и имплементация новых, более результативных антикоррупционных мер, а также их адаптация к современным социально-экономическим условиям позволяют эффективно сдерживать эскалацию коррупционных проявлений в государстве.

Исследовательский интерес к мерам и средствам, направленным на превенцию коррупции, сохраняет свою актуальность ввиду имманентного характера самой коррупции как явления, сопровождающего государство и общество на всех этапах их развития. Это диктует необходимость мониторинга и оценки эффективности существующих антикоррупционных механизмов, выявления пробелов и проблем в процессе их внедрения, а также своевременной их коррекции.

В Российской Федерации реализуется комплекс мер по борьбе с коррупцией, однако акцент целесообразно смещен в сторону профилактики, поскольку превентивные меры позволяют снизить вероятность возникновения негативных последствий от совершения противоправных деяний. Антикоррупционная экспертиза выступает в качестве действенной превентивной меры, относительно недавно интегрированной в законодательство Российской Федерации и направленной на исключение коррупционности нормативных правовых актов, а также на предотвращение коррупционных правонарушений со стороны органов публичной власти и их должностных лиц.

Целью антикоррупционной экспертизы является выявление в нормативных правовых актах и их проектах коррупционных факторов, перечень которых закреплен в Постановлении Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [Постановление Правительства Российской Федерации 2010]. Под коррупционными факторами понимаются «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – ФЗ № 172)) [Федеральный закон 2009].

На проведение антикоррупционной экспертизы уполномочены правотворческие органы, прокуратура, Министерство юстиции России, осуществляющие официальную экспертизу, а также независимые эксперты (физические и юридические лица), получившие аккредитацию в Минюсте РФ на проведение антикоррупционных экспертиз. Учитывая, что всех перечисленных субъектов антикоррупционной экспертизы объединяет общая цель – совершенствование правотворческой деятельности органов публичной власти и выявление коррупционных факторов в нормативных правовых актах и их проектах, они вправе взаимодействовать между собой, делиться опытом и знаниями, объединять свои усилия для достижения общей цели. В этой связи ст. 2 ФЗ № 172 предусматривает принцип сотрудничества государственных органов и органов местного самоуправления с независимыми экспертами при организации антикоррупционной экспертизы, который имеет большое практическое значение.

Как уже ранее отмечалось, в качестве одного из официальных субъектов данного вида экспертизы выступают органы прокуратуры. В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ № 2202-1) [Федеральный закон 1992], ФЗ № 172, а также Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» (далее – Приказ № 581) [Приказ Генерального прокурора Российской Федерации 2022] прокурор в рамках своих полномочий осуществляет антикоррупционную экспертизу. В случае выявления коррупционных факторов прокурор направляет в правотворческий орган требование об изменении разработанного или принятого нормативного правового акта и устранении его

коррупционности либо обращается в суд. Требование прокурора подлежит обязательному рассмотрению в течение 10 дней, по итогам которого органом дается ответ. Орган публичной власти вправе обжаловать требование прокурора в суде в случае несогласия с изложенной позицией прокурора, в этом случае уже суд разрешает ситуацию, давая ей правовую оценку.

Согласно ст. 9.1 ФЗ № 2202-1 прокурор «проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц». Ст. 3 ФЗ № 172 предусмотрела перечень вопросов, по которым принимаются нормативные акты, подлежащие антикоррупционной экспертизе прокурором. Они касаются прежде всего прав, свобод человека и гражданина, государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, социальных гарантий лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, а также государственным и муниципальным служащим.

Правовой основой для взаимодействия прокуратуры с независимыми экспертами наряду с федеральными законами служит Приказ № 583, согласно п. 2.23 которого органы прокуратуры должны наладить взаимодействие с субъектами антикоррупционной экспертизы, включая независимых экспертов. Исходя из анализа данной правовой нормы, инициатива при взаимодействии должна исходить от органов прокуратуры, что не исключает инициативности и самих экспертов.

По состоянию на 19 декабря 2025 г. Министерством юстиции РФ аккредитовано 3134 физических лица и 488 юридических лиц на проведение антикоррупционной экспертизы [Государственный реестр независимых экспертов URL]. Институт независимой антикоррупционной экспертизы представляет собой важный инструмент общественного контроля, направленный на обеспечение законности и минимизацию коррупции в органах власти, занимающихся нормотворчеством. Активные независимые эксперты по собственной инициативе и за свой счет проводят антикоррупционную экспертизу действующих и разрабатываемых нормативных правовых актов на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном). Они также могут привлекаться к этой работе органами Минюста РФ и прокуратурой. Введением данного института общественность привлекается к участию в правотворческой деятельности органов власти, что позволяет повысить качество принимаемых нормативных правовых актов.

Однако за последние годы отмечается явное снижение активности независимых экспертов, что обусловлено рядом объективных причин [Алешкова 2013; Долотов 2015; Казанцева 2015; Поросенков, Резников, Зюбанов, Тухватуллин 2022; Тонков, Туранин 2017]. Изначально государство, предоставив возможность инициативным гражданам, получившим такой статус, участвовать в профилактике коррупции и в правотворческой деятельности органов власти, не урегулировало правовой статус независимых экспертов (права, обязанности, гарантии, ответственность), порядок взаимоотношений между ними и иными субъектами антикоррупционной экспертизы, а также порядок разрешения разногласий по итогам рассмотрения антикоррупционного заключения независимого эксперта правотворческими органами, что порождало и до сих пор порождает проблемы в процессе деятельности независимых экспертов.

Требования к независимым экспертам со временем корректировались, и с 18 марта 2025 г. независимым экспертом может стать только гражданин РФ, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по специальности не менее 15 лет [Приказ Министерства юстиции Российской Федерации 2011 URL]. Ранее они были мягче, а именно предусматривалось наличие любого высшего образования и стажа работы по специальности не менее 5 лет. Ужесточение требований к экспертам связано с низким качеством проводимых антикоррупционных экспертиз и отсутствием результативности [Александрова, Пономарев 2021; Баранов, Лаврентьев, Трусков 2022]. Однако введение новых требований вряд ли повлияет на активность самих экспертов, поскольку изначально этот институт задумывался как вовлекающий более широкий круг граждан, имеющих специальные познания в разных сферах (не только в юриспруденции) и столкнувшихся с проявлениями коррупции в органах власти. Тем не менее с учетом наличия знаний юридической техники и компетенций в сфере правотворчества, большого опыта работы в сфере юриспруденции у новых обладателей статуса независимого эксперта эффективность таких антикоррупционных экспертиз должна повыситься.

Вместе с тем правовой статус независимых экспертов по-прежнему не урегулирован, что порождает проблемы их взаимодействия с органами прокуратуры. Существующее законодательство, как антикоррупционное, так и касающееся деятельности прокуратуры, не содержит положений, регламентирующих порядок взаимодействия прокуратуры с независимыми экспертами. Вопросы о формах такого взаимодействия, его инициаторах и прогнозируемых результатах остаются без правового регулирования. На наш взгляд, это является существенным недостатком, учитывая ведущую роль прокуратуры в системе субъектов, противодействующих коррупции, и потенциал инициативных независимых экспертов в усилении работы по выявлению коррупционных факторов.

Практика взаимодействия органов прокуратуры с независимыми экспертами в отсутствие правового регулирования в разных регионах складывается по-разному. В одних субъектах РФ взаимодействие осуществляется посредством заключения соглашений с независимыми экспертами (Республика Карелия), в других – посредством обращения в органы прокуратуры независимых экспертов либо же по инициативе прокурора о проведении совместной антикоррупционной экспертизы конкретного нормативного акта.

Так, в рамках взаимодействия с прокуратурой Алтайского края независимым экспертом, аккредитованным в Минюсте РФ на проведение антикоррупционных экспертиз, О. Л. Казанцевой была проведена антикоррупционная экспертиза приказа Министерства здравоохранения Алтайского края от 25.03.2020 № 67 «О комиссии Министерства здравоохранения Алтайского края по награждению», в Минздрав Алтайского края были направлены

антикоррупционные заключения от прокуратуры и независимого эксперта О. Л. Казанцевой с указанием выявленных в нем коррупционных факторов и предложением варианта правовых норм, их устраняющих. По результатам независимой антикоррупционной экспертизы были выявлены коррупционные факторы, выражающиеся в широте дискреционных полномочий, а именно в отсутствии нормы, регламентирующей основания, сроки и виды принятия решений при реализации полномочия комиссии по рассмотрению ходатайств о награждении государственными наградами и наградами иных органов, а также порядок принятия таких решений (каков результат рассмотрения и его юридические последствия). В Положении отсутствовали нормы, регламентирующие порядок приглашения и статус приглашенных при принятии решений комиссией, их роль в участии заседаний комиссии и сам порядок такого участия, что могло приводить к дискреции со стороны комиссии. Еще одним коррупционным фактором стало отсутствие или неполнота административных процедур, а именно не определялся состав и численность участников комиссии, не регламентировался порядок принятия решений по итогам рассмотрения документов о награждении.

По итогам рассмотрения антикоррупционных заключений Министерством здравоохранения Алтайского края приняты к сведению обоснованные выводы прокуратуры Алтайского края и независимого эксперта, разработан и принят новый приказ, нормы которого полностью соответствуют законодательству и не допускают усмотрения со стороны органа исполнительной власти.

На практике могут возникать ситуации, когда заключения прокурора и независимого эксперта по результатам выявления коррупционных факторов могут различаться. Например, выявляются разные коррупционные факторы в исследуемом нормативном акте, или же заключения содержат противоположные выводы. В этом случае правотворческий орган должен рассмотреть все полученные антикоррупционные заключения и дать на них ответ с изложением собственной позиции. Порядок согласования результатов проведенных антикоррупционных экспертиз законодательно не предусмотрен. Все субъекты самостоятельны при ее осуществлении и могут иметь разные мнения относительно наличия/отсутствия коррупционных факторов.

В качестве формы взаимодействия прокуратуры и независимых экспертов можно также рассматривать участие экспертов в совещаниях, межведомственных рабочих группах, семинарах, что позволяет им больше погружаться в сферу профилактики коррупции.

Прокуратурой Алтайского края систематически проводятся заседания региональной межведомственной рабочей группы по противодействию коррупции. На заседания приглашаются представители Управления Министерства юстиции РФ по Алтайскому краю, Управления Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю, Главного управления МВД России по Алтайскому краю, Правительства Алтайского края, Управления Федеральной антимонопольной службы по Алтайскому краю, Управления Федерального казначейства по Алтайскому краю, Счетной палаты Алтайского края и иных государственных органов. Обсуждаются результаты работы кадровых служб и подразделений, ответственных за профилактику коррупции, по выявлению личной заинтересованности государственных гражданских служащих и работников подведомственных учреждений федеральных органов государственной власти, органов государственной власти региона, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Целесообразно участие активных независимых экспертов в подобного рода мероприятиях в целях повышения инициативности и вовлеченности экспертов в антикоррупционную деятельность.

В целом, активного взаимодействия между органами прокуратуры и независимыми экспертизами не осуществляется, на сайтах информация о совместно проведенных мероприятиях или антикоррупционных экспертизах, как правило, отсутствует [Бородина 2021].

Совместное плодотворное сотрудничество прокуратуры и независимых экспертов позволяет всесторонне выявлять и ликвидировать коррупционные факторы в нормативных актах, что в свою очередь способствует повышению прозрачности и законности функционирования органов публичной власти. Независимые эксперты обогащают аналитическую работу прокуратуры и выступают в роли информаторов о принятых или разработанных нормативных правовых актах, потенциально содержащих коррупционные факторы.

Прокуратура, являясь надзорным органом за соблюдением законности, заинтересована в получении объективной оценки нормативных правовых актов перед их принятием, а независимые эксперты способны предложить рекомендации по улучшению их качества, исключению коррупционных факторов.

В целях повышения активности независимых экспертов и эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы требуется совершенствование антикоррупционного законодательства в части урегулирования правового статуса эксперта и порядка его взаимодействия с прокуратурой.

Необходимо использовать интеллектуальный потенциал независимых экспертов и приобщать их к участию в совместных мероприятиях, организуемых органами прокуратуры, межведомственных совещаниях, проведению совместных антикоррупционных экспертиз нормативных актов, поощрять их за активную общественную работу. Тем не менее без понятного и последовательного правового регулирования на федеральном уровне порядка взаимодействия прокуратуры и независимых экспертов достичь эффективного результата невозможно.

Проведенное исследование подтверждает значимость независимой антикоррупционной экспертизы как формы общественного контроля, дополняющей работу прокуратуры в выявлении коррупционных факторов в нормативных актах. Однако отсутствие законодательно закрепленных механизмов взаимодействия между прокуратурой и независимыми экспертами препятствует повышению ее эффективности. На данный момент формы взаимодействия зачастую определяются самими участниками и не имеют системного характера. Поскольку

прокуратура играет ключевую роль в координации профилактики коррупции, необходимо закрепить эти формы взаимодействия в нормативных правовых актах.

В этой связи предлагается законодательно определить статус независимых экспертов, установить четкие правила их взаимодействия с прокуратурой и предусмотреть механизм разрешения разногласий, возникающих при оценке нормативных актов на предмет коррупциогенности. Также важно активно информировать общественность о совместной работе прокуратуры и независимых экспертов в сфере профилактики коррупции с помощью СМИ, таким образом вовлекая в этот процесс гражданское общество.

Литература

Алексанова Ю. Д., Пономарев А. В. Проблемы независимой антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов в Российской Федерации / *Modern Science*. – 2021. – № 12-1. – С. 215–220.

Алешкова Н. П. Правотворческие органы и независимые эксперты как субъекты проведения независимой экспертизы / *Академический юридический журнал*. – 2013. – №4 (54). – С. 19–22.

Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент / *Государство и право*. – 2022. – № 1. – С. 110–119.

Бородина О. А. Перспективные направления деятельности органов прокуратуры в активизации института независимой антикоррупционной экспертизы / *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16. – №1. – С.136–146.

Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/>

Долотов Р. О. Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов / *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2015. – № 4. – С. 42–49.

Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.10.2022 года № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» / *Законность*. – 2022. – №11.

Приказ Минюста России от 29.03.2019 № 57 (ред. от 18.03.2025) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321980/2d4ff2bbee39530bb4da4f090df13b8bef1e3866/#dst100016

Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» / *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

Казанцева О. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза: оправдались ли ожидания? / *Евразийская адвокатура*. – 2015. – № 1(14). – С. 51–53.

Поросенков Г. А., Резников И. А., Зюбанов К. А., Тухватуллин Т. А. Проблемы института независимой антикоррупционной экспертизы и перспективы автоматизации / *Общественные науки и современность*. – 2022. – № 6. – С. 89–105.

Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Критерии для аккредитации лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: перспективы совершенствования / *Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право*. – 2017. – № 3 (30). – С. 82–91.

References

Aleksanova, Yu. D., Ponomarev, A. V. (2021). Problems of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts in the Russian Federation. *Modern Science*, 12-1, 215-220 (in Russian).

Aleshkova, N. P. (2013). Law-making bodies and independent experts as subjects of independent expertise. *Academic Law Journal*, 4 (54), 19-22 (in Russian).

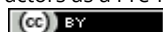
Baranov, V. M., Lavrentiev, A. R., Trusov, N. A. (2022). Independent anti-corruption expertise in Russia: unsuccessful experiment. *State and Law*, 1, 110-119 (in Russian).

- Borodina, O. A. (2021). Promising areas of activity of the prosecutor's office in activating the Institute of independent anti-corruption expertise. *Actual problems of Russian law*, 16, 1, 136-146 (in Russian).
- The State Register of independent experts accredited to conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts in cases stipulated by the legislation of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (in Russian).
- Dolotov, R. O. (2015). Effectiveness of the Institute of independent anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts. *Actual problems of Economics and Law*, 4, 42-49 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation dated 26.02.2010 No. 96 "On Anti-corruption expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. 10. Art. 1084 (in Russian).
- Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 10.10.2022 No. 581 "On the exercise of Prosecutorial Supervision and the exercise by Prosecutors of other powers in the field of combating corruption". *Legality*. 2022. 11 (in Russian).
- Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 29.03.2019 No. 57 (as amended on 18.03.2025) "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the accreditation of Legal Entities and Individuals who have expressed a desire to obtain Accreditation to conduct anti-corruption expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts as Independent Experts in Cases Provided for by the legislation of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321980/2d4ff2bbee39530bb4da4f090df13b8bef1e3866/#dst100016 (in Russian).
- Federal Law dated 17.07.2009 No. 172-FZ "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. 29. St. 3609 (in Russian).
- Federal Law dated 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" / Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. 8. Article 366 (in Russian).
- Kazantseva, O. L. (2015) Independent anti-corruption expertise: have expectations been fulfilled? *The Eurasian Legal Profession*, 1(14), 51-53 (in Russian).
- Porosenkov, G. A., Reznikov, I. A., Zyubanov, K. A., Tukhvatullin, T. A. (2022). Problems of the Institute of Independent anti-corruption expertise and prospects of automation. *Social Sciences and Modernity*, 6, 89-105 (in Russian).
- Tonkov, E. E., Turanin, V. Y. (2017). Criteria for the accreditation of persons as independent experts authorized to conduct anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects: prospects for improvement. *Bulletin of Voronezh State University. The Pravo series*, 3 (30), 82-91 (in Russian).

Citation:

Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л. Взаимодействие прокуратуры с независимыми экспертами по выявлению коррупциогенных факторов как условие совершенствования юридической техники нормативных правовых актов органов публичной власти // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 54-59.

Kazantseva O. L., Eremeykina L. L. (2026) Interaction of the Prosecutor's Office with Independent Experts to Identify Corruption-Instigating Factors as a Pre-requisite for Improving Legal Technique of Regulatory Legal Acts of Public Authorities. *Legal Linguistics*, 39, 54-59.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Концептуализация договорного дискурса в сфере оказания услуг

И. И. Ковалевская

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь. E-mail: vickostserg@mail.ru

Статья посвящена исследованию процесса концептуализации в современных русскоязычных публичных офертах и договорах возмездного оказания услуг. Рассмотрены в ходе изучения дефиниций понятия «услуга» в обиходной и правовой сферах его классификационные родо-видовые и дифференциальные признаки. На основе корпусного анализа договорной документации выделены наиболее частотные понятия, которые соответствуют значимым фреймовым структурам, определяющим концептуальное содержание договорного дискурса в сфере разных видов услуг – консультационных, информационных, аудиторских, бухгалтерских, риэлтерских, медицинских, ветеринарных, образовательных, туристических, коммунальных, услуг связи и иных.

Обосновано применение процедур селекции, классификации и оценки для исследования понятийного и ценностного аспектов содержания русскоязычного договорного дискурса. Описаны в ходе использования данных процедур в сочетании с дефинированием и корпусными методами анализа сущностные признаки концепта «услуга». Определены языковые выражения со значением действия, репрезентирующие данный концепт в договорном дискурсе в сфере указанных видов услуг; частотные лексемы, характеризующиеся наиболее широкими коллокационными возможностями; свободные и устойчивые выражения, включающие эти лексемы и раскрывающие взаимосвязь фреймовой структуры «услуги» с другими значимыми фреймами; а также средства вербализации ценностных концептов, относящихся к правовому, этическому и прагматическому типам. К основным видам данных средств отнесены непосредственные номинации ценностей в русскоязычной сервисной коммуникации; образованные на основе этих номинаций свободные и устойчивые словосочетания; и метафорические выражения, развивающие ассоциативные связи, необходимые для лучшего понимания и интерпретации договорного дискурса.

Ключевые слова: договорный дискурс, концепт, концептуализация, услуга, фрейм.

Conceptualization of Contract Discourse for Service Provision

I. I. Kovalevskaya

Belarus State University

4 Nezavisimosty Av., 220030, Minsk, Belarus. E-mail: vickostserg@mail.ru

The article considers the conceptualization process in the modern Russian public offers and contracts for the provision of services. The definitions of service in vernacular and legal communication have been discussed, as well as its generic and distinguishing features. Based on the corpus analysis of the contractual documents, the most frequent concepts have been identified. They correspond to the relevant frame structures that determine the conceptual content of the contract discourse for the provision of different kinds of services including counseling, information, audit, accounting, real estate, medical, veterinary, educational, tourist, utilities, communication and other services.

Such procedures as selection, classification and evaluation have been grounded for the analysis of the conceptual and value aspects of the Russian contract discourse content. While combining these procedures with the definition and corpus analysis, the essential features of the “service” concept have been described. The author singles out the phrases with the meaning of action that represent this concept in the contract discourse for the provision of the specified kinds of services; the most frequently used words that collocate with a wide range of others; the free phrases and set expressions that include these words and reveal the relationship between the “service” frame and other relevant frames; there have also been discussed value concepts pertaining to legal, ethical and pragmatic types. The main types of these means include direct nominations of the values in Russian service communication; free phrases and set expressions formed on the basis of these nominations; and metaphors evoking the necessary associations for better understanding and interpretation of the contract discourse.

Key words: contractual discourse, concept, conceptualization, service, frame.

Договорный дискурс (далее ДД), являющийся одним из самых распространенных в настоящее время видов правовой коммуникации, представляет исследовательский интерес ввиду вовлеченности в договорно-правовые отношения не только субъектов хозяйствования, но и обычных граждан. Цель данной статьи состоит в выявлении специфики концептуализации русскоязычных публичных оферт и договоров возмездного оказания услуг.

Концептуализация представляет собой один из важнейших процессов познавательной деятельности, заключающийся в структурировании знаний из минимальных концептуальных единиц. В их терминах описываются ментальные проекции мира, абстрактные ментальные образы его объектов [Carney 2023: 13]. Концепты образуют единую систему, отражающую окружающий мир в результате осмысления человеком собственного внутреннего мира. Его неотъемлемой частью признается система знаний, охватывающая «весь опыт взаимодействия человека с внешним миром, включая опыт многократного переосмысления полученных знаний, различные впечатления, переживания, оценки, образы, связанные с восприятием реальности и внутренних психических процессов» [Болдырев 2020: 7].

Опорным концептом ДД в правовом институте возмездного оказания услуг, предусмотренного в Гражданском кодексе Республики Беларусь с 1998 г., является концепт «услуга», который характеризуется особой семантикой, детерминированной множеством историко-культурных и социально-этических факторов. Актуальность исследования особенностей объективации концепта «услуга» на материале русскоязычной договорной документации обусловлена высокой степенью динамики модификации правовых отношений, сформировавшихся в различных сферах оказания услуг, и значимостью неофициального толкования этих отношений.

Концепты служат когнитивной основой понятий, которые существуют с концептами в постоянном взаимодействии, как формы знания и познания [Хижняк 2016: 15]. Понятие, описываемое как «семантический квант языка, относительно стабильный «сгусток» материи значимости», требует обращения «к ее зеркальному отражению в дискурсе – концепту», который трактуется как «кристаллизация понятийной значимости в речевой практике, своеобразное агрегатное состояние общей для всех проявлений языка семантики» [Баркович 2024: 8]. В этой связи для исследования концептосферы, которой ограничена терминология современных русскоязычных публичных оферт и договоров оказания услуг, кроме рассмотрения словарных дефиниций понятия *услуга*, составлен и использован корпус, включающий 100 текстов этих видов документов за 2000–2025 гг. и насчитывающий 212471 словоупотребление.

Концепт «услуга», функционирующий как в обиходном, так и институциональном дискурсе, обладает понятийными, образными и ценностными признаками, которые выявляются через анализ дефиниций в словарях.

Понятийная и ценностная составляющие концепта «услуга» в обиходном дискурсе обнаруживаются в словарных дефинициях С. И. Ожегова и Т. Ф. Ефремовой, описывающих услугу как: 1) *действие, приносящее пользу, помощь другому*; 2) *бытовые удобства, предоставляемые кому-н. Все виды бытовых услуг. Коммунальные услуги*; 3) *процесс действия*; 4) *результат такого действия; пользу или помощь кому-либо*.

Образными и ценностными признаками обладают идиоматичные выражения, приводимые в качестве примеров к словарным статьям и находящие применение в языке общего употребления (*дружеская услуга, медвежья услуга, бюро добрых услуг*).

В результате терминологизации слова *услуга* при переходе в юридический язык (далее ЮЯ) понятийные признаки исследуемого концепта уточняются в нормативных актах. Согласно предложенным в них дефинициям, *услуга* в обобщенном виде определяется как:

- 1) *деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности либо по ее завершении*;
- 2) *товар, производимый (реализуемый) в условиях естественных монополий*;
- 3) *деятельность по строительству объектов, результаты которой не приобретают овеществленную форму*;
- 4) *определенные действия или деятельность исполнителя, оказываемые по возмездному договору в интересах и по заказу потребителя*;
- 5) *итоги непосредственного взаимодействия поставщика и потребителя с целью удовлетворения потребностей потребителя в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*;
- 6) *передача, предоставление патентов, лицензий, торговых марок, авторских прав или иных прав*¹.

По итогам дефиниционного анализа понятия *услуга*, терминологизированного при переходе в ЮЯ, могут быть определены признаки концепта «услуга». Сохранение в ходе его переосмысления в правовой сфере таких понятийных признаков, как *деятельность* и *действия*, указывает на их родо-видовые отношения с понятием *услуга*, обозначающим разновидность деятельности или действия. В зависимости от сфер деятельности конкретизируются виды услуг: *строительство; охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности*. Услуги-действия, направленные на определенные объекты, выражаются с помощью словосочетаний, включающих наименования этих объектов: *передача / предоставление патентов, лицензий, торговых марок, авторских прав или иных прав*.

Выделение в ЮЯ специального родового понятийного признака *взаимодействие* позволяет рассматривать услугу в качестве одной из его форм. Ввиду требований четкости и ясности к языковому оформлению нормативных актов, регулирующих правовые отношения между *поставщиком* (или *исполнителем*) и *потребителем* (или *заказчиком*)

¹URL: <https://multilang.pravo.by/ru/term/index/3540?langname=ru&size=25&page=38&ch=%D1%83&type=3&etalon=0>

услуги, релевантными понятийными признаками, кроме *результатов деятельности*, являются *итоги взаимодействия* между его субъектами.

Определение услуги как *товара*, который нельзя заменить другим «в условиях естественных монополий», связано с ее рассмотрением в качестве одного из свойств, одной из сторон, составляющей характеристик не только субъектов (юридических и физических лиц), но и объектов (физических товаров), поскольку и те, и другие — «источники, носители услуги как пользы, выгоды, блага» [Прищепенко 2001].

В отличие от признаков, описывающих образную и ценностную составляющие концепта «услуга» в повседневном общении, выявленные в правовых дефинициях дифференциальные признаки определяют только понятийное содержание данного концепта, интегрирующее общее представление об услуге, ее ценность для потребителя и нормативное выражение.

Выделенные классификационные родо-видовые и дифференциальные признаки понятия *услуги*, составляющие часть репрезентируемого им содержания концепта, задают координаты для дальнейшего выявления его коммуникативно-релевантной части, которая вербализуется в ДД.

Полученные на основе корпусного анализа публичных оферт и договоров данные демонстрируют, что базовый слой концептуального содержания ДД в различных сферах оказания услуг образуют общие и наиболее устойчивые когнитивные признаки, выраженные лексемами с наиболее высокой частотностью: *услуга(и)*-4228, *заказчик*-3902/*клиент*-1054/*потребитель*-572, *исполнитель*-3986, *банк*-1416, *информация*-1125, *документ(ы)*-851, *действие*-771, *работа(ы)*-636, *данные*-587, *реклама*-476, *сайт*-419, *материал(ы)*-389, *интернет*-352, *оферта*-294, *операции*-279, *акцент*-217, *деятельность*-204, *мероприятия*-177 и другие.

С помощью ключевых понятий репрезентируется знание, структурированное во фреймы и отражающее «не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96]. Под фреймом понимается «структура данных» для отражения стандартной ситуации. Если верхние уровни фрейма остаются постоянными, то понятия и сведения, содержащиеся во множестве терминалов — «слотов», имеющих на нижних уровнях фрейма, изменяются и уточняются в зависимости от ситуации [Minsky 1974]. С опорой на фреймы, позволяющие получить представление о конкретной ситуации или реалиях действительности, возможно понимание субъектами ДД данной ситуации и их речевое взаимодействие. Фреймовая структуризация знания в ДД способствует отражению состава и отношений между ключевыми понятиями ДД и предопределяет его концептуальные доминанты.

По договору возмездного оказания услуг, согласно статье 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги»¹.

Наиболее частотные лексемы в ДД, в центре которого находится концепт «услуга», служат средствами вербализации фреймовых структур, которые актуализируются в исследуемом дискурсе и содержат знания, определяя и уточняя содержание опорного концепта. Эти знания представлены разными единицами, детализирующими слоты фреймовых структур, для каждого из которых может быть построен отдельный фрейм. В совокупности все фреймовые структуры дискурса образуют его «глобальный фрейм», понимаемый «не только функционально как последовательность процедур, но и конструктивно: как структурированные единицы знания, в которых выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Ширяева 2011: 32]. В связи с этим процесс концептуализации ДД в сфере оказания услуг осуществляется через извлечение информации из его фреймовых структур и заполнение слотов глобального фрейма. Возможность выполнения этих процедур допускается посредством селекции, классификации и оценки, рассматриваемых Н. Н. Болдыревым в качестве частных функций языковой интерпретации [Болдырев 2016: 13].

Селективная концептуализация *услуги* в ДД проявляется в ее трактовке как *деятельности, работы* или *действия, операции*.

Первое понятие, будучи родовым по отношению к понятию *услуга*, может выступать в ДД его синонимом: *деятельность коммунальной организации* (=коммунальные услуги); *деятельность в рамках оказываемых рекламных услуг* (=рекламные услуги); *деятельность по возмездному оказанию услуг* (=услуги); *аудиторская деятельность* (=аудиторские услуги). Услуга, представляющая собой деятельность, противопоставляется вещи именно тем, что «одновременно является и процессом, и продуктом труда» [Дроздова 2003: 40].

Услуги, «при которых результаты деятельности воплощаются в товарах (вещах)», трактуются как *работы*, и отличаются от «услуг второго рода, где результаты деятельности не существуют отдельно от исполнителей и не являются товарами» [Дроздова 2003: 40]. Если первые являются объектом договоров подряда, то другие – договоров возмездного оказания услуг. Согласно пункту 2 статьи 733 ГК, по договорам второго вида оказываются медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные, риэлтерские, туристические услуги, услуги связи, в сфере образования и иные. Исключения составляют услуги, оказываемые «по договорам перевозки, транспортной экспедиции, банковского вклада (депозита), банковского счета, хранения, поручения, комиссии» [Бодяк 2018: 72]. Несмотря на различие между *работами* и *услугами*, в исследуемом корпусе публичных оферт и договоров возмездного оказания услуг допускается использование обоих понятий как взаимозаменяемых или синонимичных: *акт выполненных работ (услуг); оказание услуг и/или выполнение работ; работы (услуги) по техническому обслуживанию* и т. д.

¹URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.

Существенным условием для заключения договора возмездного оказания услуг считается конкретный объем или четкий перечень действий [Бодяк 2018: 73]. Их комплекс иначе определяется как «операция», описывающая более высокий уровень поведения и ориентированная на решение определенной задачи [Дроздова 2003: 41].

Главным критерием для классификационной концептуализации услуг является сфера деятельности, предусматривающая оказание услуг определенных видов, с которыми соотносятся специфические наименования действий.

Анализ русскоязычных публичных оферт и договоров позволил выявить наиболее частотные языковые выражения следующих действий в различных сферах услуг: *размещение-209, передача-105, уведомление-112, согласование-97, консультации / консультирование / консультационная поддержка (помощь) / консультационно-визовое обеспечение (сопровождение, содействие) / консультационные услуги-56, оформление-46, тренинг-45, обработка-38, регистрация-38, информирование-21* (в сфере консультационных/консалтинговых и информационных услуг); *обслуживание-85, регистрация-84, аутентификация-63, (со)хранение-38, перевод (денежных средств)-33, выдача-24, подключение-32, авторизация-23, блокирование(ка)-20, пересылка-18, доставка-13* (в сфере курьерских услуг и услуг связи); *согласование-63, аудит / аудиторская деятельность-55, передача-42, оформление-39, подготовка-30, бухгалтерский (и налоговый) учет-28, консультации / консультирование / консультационное обеспечение / консультационные услуги-24, проверка-20, контроль-17, разъяснение-10* (в сфере аудиторских и риэлторских услуг); *лечение-306, обследование-54, манипуляции-37, диагностика-47, осмотр-38, профилактика-21, консультация(и)-16* (в сфере медицинских, санаторно-курортных, стоматологических, ортопедических и ветеринарных услуг); *обучение-78, проверка-30, контроль-20, консультации / консультирование-16, подготовка-14, аттестация-11, организация / организационное сопровождение-10* (в сфере образования); *предоставление-75, организация / проведение-42, по(пере)дача-35, бронирование-28, обслуживание-27, согласование-20, подготовка-18, перевозка-14, страховка(ание)-13, сопровождение-11, инструктаж-10* (в сфере туристической и экскурсионной деятельности); *поставка (газа)-52, газоснабжение-43, техническое обслуживание-24, (пере)подача (воды, газа, энергии)-23, ремонт-20, эксплуатация-19, водоснабжение-17, обезвреживание (отходов)-11* (в коммунальной сфере); *ремонт-44, оформление-25, уведомление-20, устранение (дефекта(ов) / недостатков / неисправностей)-18, предоставление (персонала)-18, обслуживание-16, замена-13, охрана-12, судейство-11, подключение-10* (в сфере оказания иных услуг).

Посредством выделенных языковых выражений объективируются «концепты человеческого действия», считающиеся «более элементарными когнитивными единицами», через которые определяются предметные концепты [Кошелев 2017: 298]. К примеру, концепт «услуга» актуализируется в сочетаниях имени с глаголом, причастием и отглагольным существительным: *услуги оказывают(ся), оказ(ыв)ать услугу(и), оказанн(ываем)ые услуги, оказание услуг(и)*. Способы интерпретации языкового выражения действий посредством глаголов и образованных от них других частей речи отличаются тем, что «их значение обычно профилирует взаимодействие между по меньшей мере двумя сущностями» [Скребцова 2018: 160].

В ДД разных сфер услуг к лексемам, характеризующимся наибольшими коллокационными возможностями, которые проявляются в лексической и синтаксической связанности с другими словами, могут быть отнесены наиболее частотные имена: *информация, документы, реклама, данные, сайт, материал, интернет* и прочие. Выраженные этими именами понятия находятся в определенных отношениях, суть которых раскрывается через словарные дефиниции, например *интернет* определяется как *всемирная информационная сеть*¹; *сайт* – *страница для предоставления своей информации в сети Интернет*².

Вербализаторами фреймовых структур в ДД служат свободные и устойчивые словосочетания, образованные на основе наиболее частотных лексем и характеризующиеся широкой вариативностью в сервисной коммуникации: *персональные данные-272, акт (приемки-сдачи / сдачи-приемки) оказанных услуг-105, рекламный(е) материал(ы)-95, информационный(е) ресурс(ы)-68, рекламные услуги-53, информационный(е) материал(ы)-48, учетный(е) документ(ы) / учетная документация-42, акт об оказании услуг-40, информационный(е) стенд(ы)-36, рекламное(ые) объявление(я)-29, электронные документы-23, рекламная информация-22, первичные документы-15, рекламный(е) аккаунт(ы)-13, медицинские документы-11* и другие.

В большинстве данных словосочетаний представлены сразу несколько фреймов. Примером могут служить наименования разных видов услуг: *рекламные / информационно-консультационные / информационные / информационно-телекоммуникационные услуги*.

Взаимосвязь фреймов «информация», «реклама», «документы» и иных с фреймовой структурой «услуги» опосредованно проявляется в ДД через выделенные выше действия, которые предусмотрены в ходе оказания услуг: *размещение информации (рекламы); предоставление документов; передача данных (почтовых отправлений)*.

При оценке концепта «услуги» в системе связей с другими предметными концептами ДД особую значимость имеет ценностный аспект, акцентируемый с точки зрения лингвокультурологии. Принимая во внимание взаимодополняющий потенциал лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к концептологическим исследованиям, разделяем мнение о том, что ценность является «центром концепта», служащего исследованию культуры, в основе которой лежит именно ценностный принцип [Карасик, Слышкин 2005: 13-14].

Выявленные в одной из предыдущих публикаций на материале русскоязычных договоров возмездного оказания услуг ценностные концепты отнесены к собственно правовому, этическому и прагматическому типам [Ковалевская

¹ URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/интернет

² URL: <https://gufo.me/search?term=сайт>

2025: 74]. Наглядными средствами вербализации ценностных концептов этих трех типов в соответствии с полученными в рамках настоящего исследования корпусными данными в ДД служат непосредственные номинации и образованные на их основе свободные и устойчивые словосочетания.

К непосредственным номинациям правовых ценностей в исследуемых договорах и офертах отнесены: *права*-1128, *ответственность*-713, *обязательства*-660 / *обязанности*-290, *закон*-26.

Наименования прагматических ценностей включают: *качество*-215, *своевременность*-186, *клиентоориентированность*-135, *информированность*-130, *безопасность*-120, *возмездность*-110 / *компенсация*-35, *конфиденциальность*-103, *достоверность*-83, *профессионализм*-34, *эффективность*-20.

Этические ценности находят редкое отражение в ДД и представлены с помощью следующих словарных единиц: *уважение*-18, *добровольность*-16, *охрана труда*-12, *добросовестность*-9, *охрана окружающей среды*-8, *охрана памятников истории и культуры*-6, *честь и достоинство*-5, *свобода*-4, *охрана жизни и здоровья*-3, *защита от насилия (оскорбления)*-1.

Образованные на основе непосредственных номинаций правовых ценностных концептов словосочетания характеризуются широким вариативным употреблением в ДД: *правовые акты, исключительные права, авторское(ие) право(а), гражданские права, гражданско-правовые (правовые) договоры, правовые вопросы, права и свободы, правовые меры/действия, гражданско-правовые сделки, правовые основания, правовые способы, правовые последствия, правовая форма; законный(е) представитель(и), законодательные акты, законные интересы; законные основания, законные правопреемники, законные средства, законные права; материальная / имущественная / персональная ответственность*.

Прагматические ценностные ориентации объективируются в ДД посредством следующих языковых выражений: *качество услуг / товаров / работы / знаний, качественная работа; своевременная оплата; возмездное оказание услуг, на возмездной основе, компенсация материального вреда / издержек / расходов / убытков / ущерба / штрафа, компенсация морального вреда / за моральный ущерб, денежная компенсация; с точки зрения ценности для клиента, по заявлению / инициативе клиента, с ведома клиента; конфиденциальная / достоверная информация; личная безопасность, техника безопасности, информационная / (противо)пожарная / сетевая безопасность, меры / требования / условия / защита / система / средства безопасности; профессиональное мнение / поведение, профессиональная деятельность / информация / компетентность / ответственность / этика, профессиональные навыки / услуги; лечебный / эстетический эффект*.

Вербализаторами этических концептов в ДД выступают: *уважительная(ые) причина(ы), добровольное согласие, свободный доступ, нравственные принципы, свободное (волевое) согласие, взаимно-вежливое общение, своей волей и в своих интересах, добровольное страхование, нравственные и этические нормы, свобода развития, в свободной форме, свободное обращение, свободное выражение взглядов*.

Особая роль в исследуемом ДД принадлежит метафорическим номинациям ценностей выделенных трех видов: *полная ответственность, защита прав, законным путем, договор гражданско-правового характера; добрая воля, свобода совести, свободный платеж, исчерпывающая/полная информация, надлежащее качество, качество жизни*. С помощью образных средств отражаются в памяти «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий», являющихся «релевантными признаками практического знания» [Карасик 2002: 107]. Несмотря на свою привычность и «стертость», каждое из этих выражений, будучи включенным в ДД, «оживает» и развивает в нем новые ассоциативные связи, выполняя метафорическую функцию, адекватная реализация которой «в языке права обеспечивается строгими контекстуальными условиями, определяющими восприятие и интерпретацию необходимого смысла» [Ярошук 2023: 729].

В качестве заключения подчеркнем значимость понятийного и ценностного аспектов концептуального содержания ДД в различных сферах оказания услуг. Изучение понятийного аспекта предусматривает применение процедур селекции и классификации посредством дефинирования опорного в ДД концепта «услуга», описания его признаков, рассмотрения сопоставительных характеристик его фреймовой структуры по отношению к ближайшим фреймам, выявления наиболее частотных средств их репрезентации в ДД, а также определения наименований действий, характерных для основных сфер оказания услуг и фиксирующих взаимосвязь «услуги» с другими значимыми фреймами в общем корпусе публичных оферт и договоров разных видов услуг.

Ценностный аспект ДД исследуется посредством оценки содержания концептов, отражающего значимые для русскоязычной сервисной коммуникации смыслы и ценностные доминанты, что способствует лучшему пониманию и более качественной интерпретации ДД в различных сферах оказания услуг, с одной стороны, и дает возможность увидеть перспективы дальнейшего сравнительного анализа ценностного содержания ДД на разных языках, с другой.

Литература

- Баркович А. А. Понятие и концепт: стереотипы рефлексии / Ученые записки Петрозаводского университета. - 2024. - Т. 12. - С. 7-14.
- Бодяк Н. Е. Договор возмездного оказания услуг: особенности заключения и исполнения / Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2018. - Т. 2 - № 2. - С. 71-76.
- Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2016. - № 4. - С. 10-20. URL: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-4-10-20>

- Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2020. - № 2. - С. 5-25. URL: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-5-25>.
- Дроздова А. В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав / Сибирский юридический вестник. - 2003. - № 1. - С. 39-44.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / Антология концептов. Волгоград. - 2005. - Т. 1. - С. 13-15.
- Ковалевская И. И. Ценности дискурса договорного права и их типология / Юрислингвистика. - 2025. - № 35. - С. 69-75. URL: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2025\)3511](https://doi.org/10.14258/leglin(2025)3511).
- Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2017.
- Прищепенко В. В. Семантика, дефиниции и соотношение понятий 'продукт', 'товар', 'услуга' / Маркетинг в России и за рубежом. - 2001. - № 2. URL: <https://www.cfin.ru/press/marketing/2001-2/09.shtml>.
- Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М., 2018.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М., 1996.
- Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина. Саратов, 2016.
- Ширяева Т. А. Фреймовая структура делового дискурса (на материале английского языка) / Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. - 2011. - №2. - С. 32-39.
- Ярошук И. А. Метафора в языке права: условия допустимости / НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. - 2023. - №48(4). - С. 726-734. URL: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734>.
- Carney T. R. Linguistics for Legal Interpretation. UJ Press, 2023. URL: <https://ujonlinepress.uj.ac.za/index.php/ujp/catalog/book/174>
- Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge. 1974. URL: https://sites.cc.gatech.edu/classes/AY2013/cs7601_spring/papers/Minsky+1974+Framework+for+knowledge.pdf

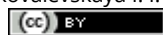
References

- Barkovich, A. A. (2024). Notion and Concept: Stereotypes of Reflection. Proceedings of Petrozavodsk State University, 12, 7-14 (in Russian).
- Badziak, N. E. (2018). Services Agreement: Conclusion and Execution. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences, 2 (2), 71-76 (in Russian).
- Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation. Issues of Cognitive Linguistics, 4, 10-12. Available from: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-4-10-20> (in Russian).
- Boldyrev, N. N. (2020). Cognitive Approach in Linguistics and Related Areas of Research. Issues of Cognitive Linguistics, 2, 5-25. Available from: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-5-25> (in Russian).
- Drozдова, A. V. (2003). Concept and Content of Service as an Object of Civil Rights. Siberian Law Herald, 1, 39-44 (in Russian).
- Karasik, V. I. (2002). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd (in Russian).
- Karasik, V. I., Sлышкин, G. G. (2005). The Basic Characteristics of Linguocultural Concepts. Anthology of Concepts, 1, 13-15 (in Russian).
- Kovalevskaya, I. I. (2025). Values of Contract Law Discourse and Their Types. Legal Linguistics, 35, 69-75. Available from: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2025\)3511](https://doi.org/10.14258/leglin(2025)3511) (in Russian).
- Koshelev, A. D. (2017). Essays on the Synthetic Theory of Language Evolution. Moscow (in Russian).
- Prishepenko, V. V. (2001). Semantics, Definitions and Relationship of Concepts 'Product', 'Goods', 'Service'. Marketing in Russia and Abroad, 2. Available from: <https://www.cfin.ru/press/marketing/2001-2/09.shtml> (in Russian).
- Skrebцова, T. G. (2018). Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches. Moscow (in Russian).
- Teliya, V. N. (1996). Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow (in Russian).
- Hizhnyak, S. P. (2016). Cognitive Issues in the General Theory of the Term. Saratov (in Russian).
- Carney, T. R. (2023). Linguistics for Legal Interpretation. Available from: <https://ujonlinepress.uj.ac.za/index.php/ujp/catalog/book/174>.
- Minsky, M. A. (1974). Framework for Representing Knowledge. Available from: https://sites.cc.gatech.edu/classes/AY2013/cs7601_spring/papers/Minsky+1974+Framework+for+knowledge.pdf.
- Shiryayeva, T. A. (2011). The Frame Structure of English Business Discourse. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2: 32-39 (in Russian).
- Yaroshuk, I. A. (2023). Метафора в языке права: условия допустимости. НОМОТНИКА: Philosophy. Sociology. Law, 48(4), 726-734. Available from: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734> (in Russian).

Citation:

Ковалевская И. И. Концептуализация договорного дискурса в сфере оказания услуг // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 60-65.

Kovalevskaya I. I. (2026) Conceptualization of Contract Discourse for Service Provision. Legal Linguistics, 39, 60-65.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семиотический код экстремистской организации «Арестантское уголовное единство»: диахронический аспект

М. А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
ул. Минина, 31-А, 603005, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

Статья посвящена исследованию эволюции функционирования экстремистской организации «АУЕ». В материалах подчеркивается, что данное объединение является продуктом деятельности воров в законе, имеющих цель объединить весь уголовный мир России. Поэтому проводится активная работа криминалитета по вовлечению в АУЕ всех правонарушителей, в том числе и низших каст осужденных в местах лишения свободы, и лиц, не занимающихся криминальной деятельностью, но подверженных влиянию воровской романтики. Особое внимание представители криминального мира обращают на молодежь. Вовлекая в свои ряды низшие касты осужденных и молодежь, профессиональные преступники усиливают свои позиции как в пенитенциарных учреждениях, так и на свободе. Увеличивая количество сторонников уголовного мира, воры в законе увеличивают приток денежных средств в свою криминальную казну («общественное»). Наши наблюдения противоречат заявлениям о том, что движение АУЕ резко пошло на убыль. Сторонники этой организации тщательно применяют меры конспирации. Поэтому для экспертов-лингвистов чрезвычайно важно знать формы проявления этой субкультуры, к которым в первую очередь относятся арго, татуировки, уголовные приветствия, выделение ключевых слов подчеркиванием в переписке, обозначение заглавными буквами важных для осужденных понятий. Знание средств общения представителей АУЕ поможет оперативным сотрудникам, дознавателям, следователям, работникам суда и прокуратуры, экспертам определить принадлежность к экстремистскому сообществу «Арестантское уголовное единство». Материалы статьи иллюстрируются многочисленными примерами из проведенных судебных экспертиз.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, организованная преступность, АУЕ, экстремизм.

The Semiotic Code of the Extremist Organization "Prisoners' Criminal Unity": A Diachronic Aspect

M. A. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
31a Minina St., 603005, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

The article discusses the evolution of the functioning of the extremist organization "AUE". The materials emphasize that this association is a product of the work of crime lords. The goal is to unite the entire criminal world of Russia into a single whole. Therefore, criminal elements are actively working to involve all offenders into the AUE, including the lower castes of inmates in penitentiary facilities and those prone to the romance of the life of thieves. The hierarchs of the criminal world pay special attention to young people. In fact, they copy one of the rules of the old ("Nepman") crime lords – to involve young people in criminal activities, to prepare a worthy replacement for offenders. By bringing lower castes of convicts and young people into their fold, professional criminals strengthen their positions both in penitentiary institutions and at large. By increasing the number of supporters of the criminal world, crime lords increase the flow of funds into their proceeds of crime ("bagman cash"). Our observations have disproved the statements about the decline of "AUE" movement. The movement supporters conceal their work. Therefore, expert linguists are to know the manifestations of this sub-culture including argot, tattoos, specific salutations, underlining and capitalizing important words in correspondence. The knowledge of "AUE" communication specificity can facilitate telling members of the extremist organization "Prisoners' Criminal Unity" to case officers, detectives, investigators, court officials and prosecutors.

Key words: forensic expertise, organized crime, AUE, extremism.

Противодействие организованной преступности является одной из серьезных угроз безопасности России. Эта угроза пока сохраняется, несмотря на то, что правоохранным органам России удалось пресечь деятельность целого ряда межрегиональных и международных преступных сообществ и их лидеров, которые осуждены на длительные сроки лишения свободы. Однако профессиональные преступники не только всячески приспосабливаются к изменениям в уголовном законодательстве, но и используют наступательную тактику. Это видно на примере функционирования экстремистской организации «АУЕ».

В части общества распространено заблуждение, что АУЕ («Арестантское уголовное единство», либо «Арестантский уклад един»; «Арестантско-уркаганское единство») является исключительно тюремной криминальной организацией, хотя само название данного сообщества символизирует его стремление к объединению всех правонарушителей и жизни по общим законам профессиональных преступников. Не случайно преступный «закон» требует от них вовлечения новых членов, поэтому они ведут постоянную активную работу среди молодежи [Грачев 2023: 66].

В идеологии организации АУЕ ясно прослеживается линия превосходства одной социальной группы над другой. В арго этой группы отчетливо прослеживается мизантропическая идеология: все, что делает профессиональный преступник, – это хорошо, а то, что делает законопослушный человек, – это плохо. Причем его можно обворовать, избить, ограбить, а в некоторых случаях даже убить. И все это будет нормой в рамках *воровского закона*, тогда как принципы профессиональных уголовников нарушать нельзя.

Участники движения насаждают идеи борьбы с правоохранными органами и властями всех уровней. При этом у членов АУЕ нет единого руководителя, но есть лидеры в конкретных населенных пунктах, в пенитенциарных учреждениях (*смотрящие, положенцы, стремящиеся (стремяги)* и, наконец, *воры в законе*).

Свод правил, благодаря которым преступный мир выстраивает иерархию, имеет рычаги воздействия и поддерживает определенный порядок в исправительном учреждении, называется *«арестантским укладом»*. Он обязателен для всех преступников: и для случайно попавших за решетку *мужиков*, и для тех, кто решил посвятить криминальной деятельности свою жизнь. Лишь те осужденные, которые сотрудничают с администрацией, живут не по законам *«арестантского уклада»*, и между ними и профессиональными преступниками идет непримиримая война.

В местах лишения свободы образуются небольшие элитарные группы, которые руководят арестантами: одни отвечают за связь с камерами и карцерами пенитенциарного учреждения, с *волей*, за получение запрещенных в исправительном учреждении вещей, в том числе и наркотиков, другие – за игру в запрещенные азартные игры, третьи – за поступление денег в воровскую кассу (*общак*). При этом все они призывают жить по принципам АУЕ и выполнять воровские законы.

В «кодексе» АУЕ можно найти много общего с правилами *воров в законе* конца XX в. Жить по *воровским понятиям* – это в первую очередь занимать соответствующее положение в криминальной иерархии. Одни участники организации играют роль рядовых арестантов, другие управляют ими, собирают деньги в общую воровскую кассу (*«общее»*, *«общак»*), третьи (*воры*) командуют теми и другими. По сути правила АУЕ есть не что иное, как модернизированные *законы воров*. Их цель – объединить всех арестантов, заставить жить по своим *понятиям* и пополнять общественную воровскую кассу. В то же время это и своеобразный ответ *воров в законе (законников)* на ужесточение средств государственной борьбы с лидерами организованных преступных групп.

По данным Генеральной Прокуратуры РФ, международное общественное движение АУЕ насчитывает 34 тыс. активных сторонников в 40 регионах страны. До 40% из числа активных приверженцев АУЕ – подростки в возрасте 13-17 лет (по данным 2019 г.). Молодежь используется для разных целей. Прежде всего *воры в законе* готовят себе «достойную смену правонарушителей» [Гуров 1990: 78]. Кроме того, молодые люди, состоящие в АУЕ, являются источниками пополнения воровской кассы (*общего, общака*). В прошлом данная практика встречалась во многих учебных заведениях, в которых в принудительном порядке собирали денежные средства в помощь осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Сейчас данная деятельность сошла на нет, в том числе благодаря активным профилактическим действиям правоохранителей. Но среди рядовых арестантов, впервые отбывающих наказание в исправительном учреждении, профессиональные уголовники активно насаждают свои порядки.

Незаконные группировки АУЕ, действовавшие ранее в главных городах Восточной Сибири (Чите, Хабаровске, Владивостоке), в настоящее время не проявляют заметной активности. Опрос современных студентов младших курсов вузов упомянутых городов показал, что представителей АУЕ в средних и тем более высших учебных заведениях не осталось. Однако в ряде городов России (например, в Кургане, Якутске), они продолжают свою противоправную деятельность. При этом сбор денег «в пользу арестантов» переместился в другие места, в частности, на рынок. Там время от времени можно встретить молчаливых молодых людей, ходящих по торговым рядам с протянутым головным убором. Продавцы кладут в него деньги как будто на добровольной основе. Но торговец, не положивший определенную сумму, наказывается, вплоть до лишения места на рынке или избияния.

Криминальные руководители АУЕ не только собирают деньги на *общак «для подогрева пацанов на зоне»*, но также требуют соблюдения *«воровского кодекса»* и всеми возможными способами вовлекают несовершеннолетних в незаконную криминальную деятельность. До сих пор в ряде школ и профессионально-технических училищ (в упомянутых выше городах Чите, Якутске, Хабаровске) учащихся заставляют платить налог за богатую, модную одежду и обувь. Психологическая обработка жертвы начинается с фразы: *«Поясни за шмот»*. Данная фраза заимствована из воровской речи: *шмот (шмотки)* – одежда, обувь. Употребление арготизмов несовершеннолетними правонарушителями может свидетельствовать об их контактах с взрослыми профессиональными уголовниками.

Организация АУЕ, несомненно, сформировалась в местах лишения свободы, основные правила функционирования данного объединения до сих пор соблюдаются и насаждаются именно там. Особенно к ним привержены воспитанники в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних. Главные правила поведения членов АУЕ определяются следующими формулировками: «*порядочный арестант*», «*жизнь ворами!*», «*разобраться по понятиям*». Предтечами молодежных преступных группировок АУЕ были еще казанские «*моталки*», петербургские «*нацики*» и «*скинхеды*», московские «*качки*» 80-х годов XX в. Они, объединяясь в соответствующие группы, совершали драки, занимались грабежами и поборами. Специфическая лексика, зафиксированная в словаре, отражает идеологию и преимущественный род занятий этих неформальных молодежных группировок (см. «Словарь молодежных сленгов» того времени М. А. Грачева и А. И. Гурова [Грачев, Гуров: 1990]). Именно эти объединения молодежи позднее стали использовать профессиональные преступники, в частности, *воры в законе*, в своих криминальных целях.

Пропаганда АУЕ наиболее активно воздействует на молодых людей из неблагополучных семей в возрасте от 13 до 17 лет [Абитов, Василенко, Козлов 2019: 9-14]. К сожалению, воспитательные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних, вопреки своим первоначальным целям, становятся школами для формирования профессиональных преступников. Известно, что осужденный, отбывающий наказание в местах лишения свободы больше пяти лет, в дальнейшем начинает придерживаться в жизни морали уголовной среды.

За многие годы существования криминальный мир выработал собственную семиотическую систему. Язык АУЕ включает специфическое арготу, татуировки, уголовные приветствия, подчеркивание определенными линиями важных слов в записках друг с другом (в *малявах*, *язушках*, *прогонах*), написание с заглавных букв понятий, значимых для осужденных. Знание условных обозначений АУЕ поможет оперативным сотрудникам, дознавателям, следователям, работникам суда и прокуратуры, экспертам определить принадлежность подозреваемого к членству в экстремистском сообществе «Арестантское уголовное единство» [Грачев 2022: 65].

Профессиональные уголовники активно стремятся распространять среди новичков-арестантов и маргинальной молодежи элементы своей субкультуры. По поводу функционирования символики организации АУЕ единого мнения нет. Однако если у молодого человека имеются криминальные татуировки, то можно предположить, что он контактирует с профессиональными уголовниками. Наиболее распространенными татуировками у молодых людей, являющихся членами организации АУЕ, являются восьмиконечные звезды на ключицах и коленях – знак неподчинения официальным властям, церковная символика, изображение на предплечье оскаленных хищных животных – *барса*, *тигра*, *волка* – символами отрицательного отношения к правоохранителям и арестантам, занимающим низкое криминальное положение.

Знаком принадлежности молодых людей к криминальному сообществу также является специфический сленг, в частности, ряд используемых коллокаций, например, приветствия «*Вечер в хату*», «*Да здравствует АУЕ!*» или с расшифровкой «*Да здравствует арестантско-уркаганское единство!*»; «*Арестантский уклад един*»; «*Жизнь ворами – смерть ментам*»; «*Слава ворами!*».

Приведем примеры использования семиотического кода АУЕ профессиональными преступниками. В их переписке с заглавной буквы пишутся наиболее важные названия реалий жизни профессиональных уголовников, в том числе *положенцев*, *стремящихся*, *смотрящих* и *воров в законе*. В переписке одной чертой подчеркиваются общие («*людские*») понятия для всех арестантов и начинающих уголовников среди молодежи, двумя чертами – воровское, тремя чертами – слова, связанные с понятиями веры в Бога, а волнистой линией – все то, что связано с правоохранительными органами. Примеры записей, приведенные ниже, содержат расшифровку необходимых понятий для осужденных-новичков (в скобках нами даны пояснения).

Текст «*прогона*» №1

«Приветствуем Всех порядочных Арестантов, Мужиков, Кто впервые в неволе! Всех, кто живёт Нашей Жизнью Воровской!

Всех, для Кого Воровские традиции Святы и Незабвенны. К Вам это обращение касаето Уклада Жизни Нашей в неволе.

≡ – Святое, ----- Людское, = Воровское, ~ - Мусорское

Х – Хата Воровская, Х – светлая хата (камера или барак в исправительном учреждении, где соблюдаются правила воров в законе – М. Г.)

Хооо – Котёл – Главная хата (камера, в которой отбывают наказание криминальные иерархи – М. Г.) на *продоле* (тюремный коридор – М. Г.)

– Карцер, Кича (карцер – М. Г.), С.Б.спец-БЛОК (карцер – М. Г.),

– камышовка мусорская (карцер или спецчасть в исправительном учреждении – М. Г.),

Б.С. – бывший сотрудник, # # - Мусора

Д.Н.О. - Дом Наш общий (исправительное учреждение – М. Г.)

Q – общий» (общий режим – М. Г.)»

Примечания автора. Все исправительные учреждения в России делятся на режимы: *общий* (арг. *общак*), *усиленный* (арг. *усилок*), *строгий* (арг. *строгач*, *особый* (арг. *особняк*). Полным синонимом к фразеологизму *вор в законе* является лексема *вор*. Именно так называют себя воры в законе в своих «*посланиях*» (арг. *прогонах*) к рядовым осужденным.

Заметим, что типологически лексика кодекса АУЕ повторяет слова и выражения *воров в законе* прошлого – 30-70 гг. XX в., см. *вор благородный*, *вор идейный*, *вор законный*, *вор порядочный* – это обозначения всех тех прошлых *воров в законе*, которые жили строго по правилам профессиональной преступности и не нарушали *воровские законы*. В то же время в записках («*прогонах*») современные профессиональные преступники обращаются ко всем арестантам,

согласным жить по *воровским законам*, в том числе и к рядовым осужденным (*мужикам*). Это делается с целью объединения всего уголовно-арестантского мира.

В кодексе АУЕ ключевыми словами являются: *честь, порядочность, достоинство* (М. Г.: подчеркнуто жирной линией). (В тексте сохранены орфографические и пунктуационные ошибки). «*Гады, суки, обиженные* (их бьют тапками, не называя *пидорами* (не является нецензурным, жаргонное выражение, образованное от устаревшего слова *педераст* – М. Г.), у них есть свой *смотрящий кур. Человечность, Порядочность, Люди, Человек, образ Жизни), Здоровые Арестанты, Воры, Воровской сказ (закон), здоровые арестанты, люди, Общее, Людское; Наша сила. Наша Людское, Общее Гадов* (арестантов, сотрудничающих с администрацией ИУ – М. Г.) бьют ногами, *сук* (предателей воров в законе – М. Г.) – палками. Поступок негодяйский (не соответствующий правилам воров в законе – М. Г.). URL: <https://tv2.today/istorii/Vorovskoj-progon-eto-bolse-poslanie-dla-sotrudnikov-fsin-cem-dla-zaklucennyh> (дата обращения: 18.12.2021).

Текст «прогона» №2 из материалов уголовного дела (2023 г.): «Для кого *Воровские Традиции святы; Общая масса; Арестантская масса.*

Спрашивают (наказывают по воровским законам – М. Г.) с *порядочных* (тех осужденных, которые живут по правилам *воров в законе* – М. Г.), а с *козлов* (осужденных, в открытую сотрудничающих с администрацией ИУ – М. Г.) *шерсти* (низших каст ИУ – М. Г.), *непути* (бестолковым осужденным, живущим не по правилам воров в законе – М. Г.) – вдалбливают. И чем больше процветают *Воровские идеи*, тем лучше положения. *Воровское* – это *чистая Истина*, исходящая из *Людского*. Неправильный *спрос* (наказание – М. Г.) – *беспредел* (грубое нарушение правил воров в законе – М. Г.).

Жизнь вора! Ходу, процветание воровскому АУЕ.

Шпана, бродяги, босяки стремяги – те, которые живут по *воровским законам*».

Текст «прогона» №3 из материалов уголовного дела (2023 г.):

«**Надо просто доводить им** (осужденным – М. Г.), *кто приезжает туда* (в места лишения свободы – М. Г.). *Это прежде всего наше упущение. Какой бы он не захал колхозник* (глупый человек, лицо не знающее тюремных законов – М. Г.), *если ему доведешь, у него будет правильное понимание этих вещей*», «**Но надо** прежде всего и нам стараться что бы **доводить, объяснять им**», «бумагу «курсовую» (объяснительную записку – М. Г.) запускайте по транзиту, ознакомляйте этих дебилов, чтоб они вникали, **как вообще нужно жить**. Как что, **вот эти установки, уклад, всё. Пускайте её, ознакомляйте по всем «людским» хатам**».

Вот пример так называемой записки *малявы* осужденного, не имеющего должного образования, что видно из его письма, но яркого приверженца и пропагандиста движения АУЕ (за что он был высоко оценен высшим криминалитетом (из уголовного дела 2022 г.):

«Жму 5 х *Смешной!* Братуха теперь пишу не мала важна знать Всем Порядочным Арестантам! Брат! Сейчас в России такое время то что идет

барьба за Идеологию Варавскую за одно в Тюрьмах по всей России праисходит пачти одно и то же, забирают Арестантов на вайну, смешивают друг с другом в х по т-т по э но во многих местах в этом идет припятствия так и должно быть в Тюрьмах много молодежи и у них другие взгляды а вить ани подымаюца со свободы а эта значит то что там по ту сторону забора происходит тоже самое что и тут! Братуха у нас 8 крытых каждый раз пытаюца что та там забрать последний раз была в Ульяновски и Владимири но Люди Не отдали нечего!!! Крытая эта наша Верхушка Дома О! Если там все хорошо то и по Управлением все будит налаживаца. По этому все Живет Воровским в Д.О. должин прежди всего доводить Арестантам и напаминать друг другу то что 1000 Людей Приняли насебя Страдания Ради Працветания Д.О и Всего Воровского!!! По этому Брат я и пишу и гаварю всё свайми именами и небуд менять Установленную речь Арестанского Уклада другми Слангами и апрелениями. Для полного понимания меня. Брат так напишу не с Добром а с Арестанским Уважением к Вам! Братва Д нашего О! Вован Смешной». (Криминальное прозвище изменено – М. Г.)

Данное «послание» нуждается в переводе, так как пишет человек малограмотный, текст содержит многочисленные орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки. Понимание текста затрудняет большое количество арготизмов и сокращенных слов.

К арготизмам относятся: *Брат, Братуха* – «этикетное обращение профессиональных преступников друг к другу», *Арестант, Порядочный Арестант* – «осужденный, соблюдающий правила *воров в законе*»; *подыматься* – быть осужденным в места лишения свободы», *крытая* – «исправительное учреждение (ИУ) тюремного типа для осужденных за тяжкие преступления и за систематические нарушения режима содержания в местах лишения свободы»; *Верхушка Дома О* (*верхушка дома общего* – М. Г.) – «исправительные учреждения, в которых отбывают наказание авторитетные преступники, в том числе и *воры в законе*»; *Установленная речь Арестанского Уклада* – «*арго; речь криминальных элементов*»; *по ту сторону забора* – «на свободе»; *Люди* – «воры в законе; профессиональные преступники, злостно нарушающие правила и законы в местах лишения свободы»; *Воровской* – «имеющий отношение к *ворам в законе*», *братва* собир.«группа осужденных или преступников на свободе».

Тюремные сокращения: *х* – хата (камера в ИУ); *т-т* – тюрьма, *э* – (этап) – группа осужденных, перемещаемая из одного ИУ в другое ИУ или из следственного изолятора (СИЗО) к основному месту отбывания наказания; *О* – общий; *Д.О.* (Дом Общий) – «исправительное учреждение».

Возможные непонятные для читателя фразы: «*по Управлением*» – это Управление федеральной службы исполнений наказания. Оно имеется в любом регионе России, где находятся ИУ (исправительные учреждения). УФСИН является

подконтрольным органом ФСИН (Федеральной службы исполнения наказания); «*други Слангами*» – другими сленгами.

Суть записки «пропагандиста» *Вована Смешного* заключается в том, что он призывает осужденных жить по принципам воровской идеологии, как живут и борются *воры в законе* и осужденные-рецидивисты в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание авторитетные профессиональные преступники. *Смешной* считает их борцами против произвола работников пенитенциарных учреждений и страдальцами за всех осужденных в России.

Несомненно, жизнь криминального мира страны 30-70-х годов XX в. прошла под знаком *воров в законе*, которые оказали сильное влияние и на субкультуру преступного мира, и на законопослушное общество (именно тогда активно распространялись среди населения арг, блатные песни, татуировки, тюремные истории и т. п.). Молодые представители АУЕ исповедуют воровскую мораль, живут по тюремным *понятиям* и активно контактируют с взрослыми уголовниками, порой идеализируя их и подражая им [Абитов, Василенко, Козлов 2019]. Первые упоминания об этом явлении относятся к 2011 году, однако в полную силу криминальная организация АУЕ заявила о себе в 2013 году, когда были спровоцированы массовые беспорядки в одном из читинских профессиональных училищ, а затем ее идеи и законы проникли даже в некоторые российские школы.

В настоящее время государство ведет активную борьбу против криминальных авторитетов. Статья 210.1 Уголовного кодекса РФ, направленная против лиц, занимающих высшее положение в иерархической криминальной среде, показывает, что ее содержание достаточно эффективно для наказания так называемых *воров в законе*. Ее применение привело к тому, что некоторые криминальные авторитеты начали публично отрекаться от звания "*вор в законе*" и сотрудничать с администрацией исправительных колоний, что ранее было недостижимо.

В последнее время в связи с активной позицией государства в отношении иерархов криминального мира и запрещенной экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» также наметилась тенденция к тщательной конспирации со стороны членов АУЕ и *воров в законе*. Как показывают оперативные данные, в пенитенциарных учреждениях почти не скандируют лозунги «Да здравствует АУЕ!», «Слава павшим вора!», «Смерть ментам – жизнь вора!» и проч., лидеры АУЕ стараются не позиционировать себя как сторонники данной организации. Хотя в «*прогонах*» до сих пор используют графическое конспиративное подчеркивание [Грачев 2023: 64-71].

Объединение АУЕ Верховным судом России 17 августа 2020 г. признано экстремистской организацией. Теперь любой гражданин, придерживающийся идеологии АУЕ, может быть приравнен к экстремистам и быть подвергнут уголовному наказанию по статье 282.2 Уголовного кодекса РФ. Участие в организации АУЕ является преступлением, ответственность за которое также предусмотрена частью 2 статьи 282 УК РФ. По данной статье предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 6 лет. Также запрещено изготовление и демонстрация символики АУЕ, за что наступает административная ответственность по статье 20.3 КоАП РФ («пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»).

Приравнивание АУЕ к экстремистской организации выбивает почву из-под ног профессиональных преступников, стремящихся сплотить правонарушителей при помощи этой уголовной структуры и тем самым укрепить свои позиции. Вместе с тем следует отметить не совсем прочную доказательную базу, устанавливающую принадлежность к *ворам в законе* на основании использования исключительно атрибутики АУЕ. Для этого предлагается более тщательное изучение субкультуры данных преступных организаций: криминальных правил жизни и поведения их членов, арг, татуировок, видов связи между членами их группировок, кличек, использования блатных песен и прочее. На основе их изучения необходимо выработать четкие рекомендации по данным проблемам.

Литература

Абитов И. Р., Василенко А. Г., Козлов А. Е. Методические рекомендации по профилактике вовлечения молодежи и несовершеннолетних в общественно опасную и экстремистскую деятельность: методические рекомендации. Новосибирск, 2019.

Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арг. М., 2003.

Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: Учебник. М., 2016.

Грачев М. А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму / Юрислингвистика. – 2021. – №21 (32). – С.26-30.

Грачев М. А. Условные обозначения в экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) / Научно-практическая конференция с международным участием «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов. Нижний Новгород, 2022. – С.65-70

Грачев М. А. Изменение законодательной основы противодействия государству и гражданского общества криминальной субкультуре / Юридическая техника. Ежегодник № 17 «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)». Нижний Новгород, 2023. – С. 64-70.

Грачев М. А, Гуров А. И. Словарь молодежных сленгов. Горький, 1991.

Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990.

References

- Abitov, I. R., Vasilenko, A. G., Kozlov, A. E. (2019). Methodological recommendations for the prevention of the involvement of youth and minors in socially dangerous and extremist activities: methodological recommendations. Novosibirsk (in Russian).
- Grachev, M. A. (2003). Dictionary of the millennial Russian argot. Moscow (in Russian).
- Grachev, M. A. (2016). Forensic linguistic examination: Textbook. Moscow (in Russian).
- Grachev, M. A. (2021). On the issue of constructing a methodology for establishing a person's belonging to the highest criminal hierarchy according to pictographic criminal writing. *Legal Linguistics*, 21 (32), 26-30 (in Russian).
- Grachev, M. A. (2022). Symbols in the extremist organization "Convict criminal unity" (AUE). Scientific and practical conference with international participation "National and international trends and prospects for the development of forensic examination: Collection of reports. Nizhniy Novgorod, 65-70 (in Russian).
- Grachev, M. A. (2023). Changing the legislative framework for countering criminal subculture by the state and civil society. *Legal Technology. Yearbook No. 17 "Changes in Legislation (doctrine, practice, technology)". Nizhny Novgorod, 64-70 (in Russian).*
- Grachev, M. A., Gurov, A. I. (1991). Dictionary of youth slang. Gorky (in Russian).
- Gurov, A. I. (1990). Professional crime: past and present. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Грачев М. А. Семиотический код экстремистской организации «Арестантское уголовное единство»: диахронический аспект // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 66-71.

Grachev M. A. (2026) The Semiotic Code of the Extremist Organization "Prisoners' Criminal Unity": A Diachronic Aspect. *Legal Linguistics*, 39, 66-71.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Риски применения искусственного интеллекта в лингвистической экспертизе

Е. С. Славинская

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: slavinskaja.elizaveta@mail.ru

Статья рассматривает возможности применения технологий искусственного интеллекта в автороведческой экспертизе текста. Анализируются существующий опыт и преимущества использования нейросетей и методов компьютерной лингвистики для анализа текста. Нейросеть рассматривается как перспективный инструмент при проведении комплексного анализа – она исключает необходимость последовательного анализа текста по каждому из аспектов с ручным выделением каждого значимого признака и поиском его по тексту. Это существенно ускоряет процесс и облегчает работу лингвиста-эксперта. Рассмотрены технологические, юридические и этические риски, возникающие при внедрении искусственного интеллекта в экспертную практику. Среди них: непрозрачность и нестабильность существующих нейросетей, высокий риск возникновения «галлюцинаций», риск утечки данных, риск манипулируемости входными данными, риск некорректного использования результатов. Приводятся нормативные документы, принятые в Российской Федерации, регулирующие применение нейросетевых технологий в социально значимых областях, позволяющие в том числе снизить вышеупомянутые риски. Показано, что нейросетевые технологии могут служить эффективным вспомогательным инструментом, однако требуют строгого соблюдения профессиональных стандартов, контроля рисков, прозрачности алгоритмов и экспертной проверки результатов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, лингвистическая экспертиза, юридическая лингвистика, управление рисками.

Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in Authorship Attribution

E. S. Slavinskaya

Kemerovo State University

6 Krasnaya st., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: slavinskaja.elizaveta@mail.ru

The article examines the possibilities of applying artificial intelligence technologies in authorship attribution and forensic linguistic text analysis. The existing experience and advantages of using neural networks and computational linguistics methods for text analysis are analyzed. Neural networks are considered a promising tool for comprehensive text analysis, as they eliminate the need for sequential examination of individual textual features through manual identification and search, thereby significantly accelerating the analytical process and facilitating the work of forensic linguists. The paper discusses technological, legal, and ethical risks arising from the implementation of artificial intelligence in expert practice, including the non-transparency and instability of existing neural network models, the high risk of hallucinations, data leakage risks, susceptibility to input manipulation, and the risk of improper use of generated results. The study also presents regulatory documents adopted in the Russian Federation that govern the application of neural network technologies in socially significant fields and contribute to mitigating the identified risks. It is shown that neural network technologies can serve as an effective auxiliary tool; however, their use requires strict compliance with professional standards, risk control measures, algorithmic transparency, and expert verification of results.

Key words: artificial intelligence, neural networks, forensic linguistic expertise, legal linguistics, risk management.

В последние годы искусственный интеллект и машинное обучение демонстрируют стремительный рост и все более активно интегрируются в различные аспекты современной жизни. Благодаря стремительному развитию самообучающихся технологий, нейронные сети доступны для использования не только в узкоспециализированных отраслях, они стремительно входят в повседневную жизнь, становясь доступными каждому, у кого есть доступ

в интернет. Области их профессионального применения также постоянно расширяются, не только охватывая технические и производственные сферы, но и открывая новые горизонты в областях, тесно связанных с гуманитарным знанием.

Благодаря значительным успехам в области алгоритмов обработки естественного языка, исследователи получили возможность эффективно работать с огромными объемами текстовых данных, автоматизируя рутинные элементы анализа и статистической обработки информации, что существенно повышает продуктивность и позволяет выявлять скрытые закономерности [Григорьева 2020; Романов 2009]. Перспективным является использование ИИ и в юридической лингвистике [Галюченко 2024], в том числе и в рамках автороведческой экспертизы текста. Нейросеть, обученная на произведениях естественной речи, получившая информацию о способах определения стилистических, статистических, графических и других особенностей текста, а также получившая корректный промпт (задача для нейросети с подробными требованиями к результату), сможет определить и сопоставить те или иные закономерности текста, являющиеся проявлением уникальной языковой личности автора. Применение нейросетей позволяет ускорить и автоматизировать как анализ текстов (поиск тех или иных отличительных черт, количественный и качественный их анализ), так и синтез результатов (составление общего портрета языковой личности автора текста).

В научной литературе описаны опыты анализа текстов, показывающие, что нейронные сети могут быть успешно использованы для рассмотрения отдельных аспектов текста, которые традиционно являются предметом внимания лингвиста-эксперта. В работе П. Е. Беловой и А. К. Сафарян представлена система FindImper, предназначенная для автоматизации юрислингвистического анализа текстов на русском языке, в частности, для выявления в них высказываний побуждающего характера, таких как просьбы, приказы или призывы. Система, основанная на анализе глагольных форм и синтаксических связей, призвана оптимизировать работу экспертов-лингвистов и может быть использована для обнаружения потенциально опасных текстов в интернете [Белова 2024]. В работе Г. Н. Трофимовой рассматривается применение метода семантического дифференциала в лингвистической экспертизе для выявления неконгруэнтности – рассогласованности значений языковых единиц. Показано, что этот метод, основанный на сопоставлении семантики синонимов и антонимов, позволяет объективно выявлять и обосновывать наличие негативных оценок в спорных медиатекстах [Трофимова 2024].

Перспективным является определение возможностей нейросетей проводить комплексный анализ текста с использованием формальных и экспертных методов. Чем больше разнообразных методов будет использовано при анализе, тем большее количество отличительных черт, особенностей и потенциальных черт портрета языковой личности можно будет выделить в итоге. Соответственно, тем более точным будет языковой портрет автора, тем больше возможностей для объективной идентификационной лингвистической экспертизы. Преимуществом использования нейросети является то, что она позволяет рассмотреть сразу большое количество аспектов текста, выявляя закономерности в нем. Нейросеть успешно работает с естественным текстом [Аль-Нами 2023; Ширяева 2024; Martinc 2024; Verma 2025; Zucco 2025], может оценить его с качественной и количественной точки зрения, она может проводить анализ с использованием как формальных методов, так и методов, аналогичных экспертным (благодаря словарной информации определять речевые маркеры, оценочную лексику, экспрессивные средства, оценивать контекст и дискурс, в котором существует текст). За границей уже проводятся исследования, направленные на юрислингвистические анализы текста при помощи ИИ [Arazzi 2025; Alkhodhairy 2025]. Важным аспектом является удобство. Нейросеть исключает необходимость последовательного анализа текста по каждому из аспектов с ручным выделением каждого значимого признака и поиском его по тексту. В отличие от классического подхода, где требуется использовать множество отдельных инструментов и сводить результаты вручную, нейросеть может выполнять весь комплекс анализа в рамках единой системы, что существенно ускоряет процесс и снижает риск ошибок при интерпретации данных. Это открывает новые возможности для повышения как продуктивности работы лингвиста-эксперта, так и достоверности результатов лингвистической экспертизы.

Однако важно понимать, что нейросетевые технологии не выступают заменой эксперту и их использование должно проходить осознанно. Использование ИИ связано с рядом существенных рисков, которые необходимо предупреждать и минимизировать. Первая группа рисков – технологические. К ним можно отнести непрозрачность и нестабильность существующих нейросетей, подходящих для анализа текста. При использовании коммерческих, общедоступных нейросетей невозможно точно охарактеризовать алгоритм, по которому проходит анализ текста, нет доступа к информации о специфике предложения, для пользователя нейросеть – «черный ящик». Обновление версий инструмента разработчиком также может привести к нестабильности результатов. Также высок риск возникновения «галлюцинаций» – ИИ склонен давать ответ в любой ситуации. Если ИИ не способен найти нужную информацию, он генерирует правдоподобную, но не связанную с реальными фактами информацию, которая должна удовлетворить запрос. Также ИИ стремится соглашаться с пользователем, даже если это утверждение не совсем соответствует реальности, однако этот риск можно минимизировать – формулировать промпт так, чтобы не было спорных вопросов, на которые можно ответить отрицательно или положительно.

Вторая группа рисков – юридические. В первую очередь, использование коммерческих, открытых инструментов несет в себе риск утечки данных, что может стать критической проблемой при работе в юридической сфере, с личными данными. Кроме того, материалы для экспертизы могут быть закрытыми, их использование в открытой сети Интернет не представляется возможным. Кроме того, для юрислингвистики актуален вопрос соответствия инструментов юридическим требованиям и рекомендациям. Перед лингвистом-экспертом в ходе в том числе судебного заседания могут поставить вопрос о необходимости и обоснованности использования того или иного

инструмента. Эксперт не может использовать ненадежный и не закрепленный в практике метод.

Третья группа – этические риски. Существует риск манипулируемости входными данными, но он решается разработкой универсального промпта, либо нейросети менее чувствительной к промпту и более чувствительной непосредственно к данным. Также возникает риск некорректного использования результатов – выводы ИИ могут восприниматься как объективные и окончательные, применяться как результаты экспертизы, без оценки и корректировки специалистом. Важен также в целом риск несоответствия этическим стандартам – морально и этически значимые вопросы нельзя решать сугубо при помощи ИИ.

Игнорирование данных рисков не просто снижает эффективность работы лингвиста, оно может привести к критическим ошибкам и получению результатов, не имеющих ничего общего с достоверными.

Использование ИИ в юрислингвистике должно быть подчинено строгим принципам и нормам, которые уже определены на уровне законодательства, профессиональных стандартов и общественной морали. Так, ПНСТ 840-2023 «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ Обзор этических и общественных аспектов» отмечается следующее: «В основе создания этичного и устойчивого ИИ лежат следующие элементы, ориентированные на данные: - сбор данных (включая средства или способы такого сбора данных); - подготовка данных; - контроль прослеживаемости; - контроль доступа и обмена данными (аутентификация); - защита данных; - контроль хранения (добавление, изменение, удаление); - качество данных. Эти элементы влияют на объяснимость, прозрачность, безопасность и конфиденциальность, особенно в случаях создания, контроля или обработки персональной идентифицируемой информации». Также в ПНСТ 840-2023 отмечаются основные принципы создания и использования ИИ, в том числе: подотчетность, справедливость и недискриминация, прозрачность и объяснимость, конфиденциальность и защита частной жизни, приватность, контроль технологии со стороны человека, уважение верховенства закона. Для использования нейросетей в юрислингвистике и минимизации ранее описанных рисков перспективной является разработка кодекса, опирающегося на данные принципы.

Этические рамки, регулирующие применение ИИ, призваны обеспечить защиту прав и свобод граждан, предотвратить дискриминацию и гарантировать прозрачность и подотчетность принимаемых решений. В частности, в пункте 5.18 ГОСТ Р 71476-2024 «Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» содержится оценка социального риска, связанного с применением систем ИИ. В документе отмечается, что «...система ИИ может быть отнесена к категории высокого риска, если ее действия оказывают прямое воздействие на жизни людей, если она действует без внешнего надзора, а процесс принятия ее решений является непрозрачным». Данное положение подчеркивает необходимость особого внимания к тем системам ИИ, которые используются в сферах, затрагивающих фундаментальные права и свободы, таких как юриспруденция, медицина или образование. Безусловно, ситуация юрислингвистического исследования текста является этически значимой, поскольку результаты экспертизы могут иметь серьезные правовые последствия и оказывать влияние на судьбы людей. Для недопущения высокой степени риска и обеспечения справедливости и объективности необходимо воспринимать советы и рекомендации, выдаваемые ИИ, как вспомогательные материалы, требующие тщательной проверки и критической оценки со стороны эксперта, а также прилагать все усилия для достижения максимально возможной степени прозрачности алгоритмов работы системы. Только в таком случае, при строгом соблюдении этических норм и принципов, возможно эффективно использовать нейронные технологии как один из ряда инструментов, доступных эксперту, расширяя его возможности и повышая качество проводимых исследований. Важно помнить, что этот инструмент может быть использован только в сочетании с другими методами исследования. Окончательное решение и ответственность за выводы, сделанные в ходе экспертизы, всегда должны оставаться за квалифицированным лингвистом-экспертом, обладающим необходимым опытом, знаниями и критическим мышлением.

Несмотря на ряд существенных сложностей, связанных с разработкой, обучением и внедрением нейронных сетей, а также с необходимостью решения этических вопросов, их использование в работе лингвиста-эксперта представляется перспективным и целесообразным. Внедрение нейронных сетей в различные отрасли экономики и социальной сферы является стратегическим приоритетом для Российской Федерации, на государственном уровне обозначена четкая тенденция на активное внедрение технологий искусственного интеллекта в научные исследования, систему здравоохранения, производственные процессы и другие ключевые отрасли. В РФ действует Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее Стратегия). Целями развития искусственного интеллекта в Российской Федерации являются обеспечение роста благосостояния и качества жизни ее населения, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта. Стратегия предполагает «внедрение технологий искусственного интеллекта в государственных корпорациях»; «повышение информированности государственных гражданских служащих и работников федеральных органов государственной власти, иных государственных органов <...> об эффективности технологий искусственного интеллекта и о наличии в Российской Федерации конкурентоспособных организаций-разработчиков таких технологий», также предполагается «популяризация технологий искусственного интеллекта и повышение доверия граждан к ним».

Таким образом, разработка и использование нейросетевых технологий, в том числе в социально-важных сферах, является актуальной и поощряется на государственном уровне. Что касается вопросов юридической и этической регуляции использования ИИ – их решение также ведется в РФ на государственном уровне. Согласно portalu

Искусственный интеллект Российской Федерации, в РФ развивается система комплексного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ, включающая в себя нормативно-правовое регулирование, нормативно-техническое регулирование и этическое регулирование.

Можно сделать вывод, что интеграция нейросетевых технологий в юрислингвистику и автороведческую экспертизу текста представляется не только технологически возможной, но и обоснованной с научной и юридической точек зрения. В условиях стремительного развития ИИ и государственной поддержки цифровых инициатив использование нейросетей в гуманитарных и правовых исследованиях становится перспективным направлением. Современные достижения в области обработки естественного языка позволяют использовать нейросети как эффективный инструмент, способный автоматизировать значительную часть анализа, повысить его объективность и сократить временные затраты. При этом важно сохранять баланс между использованием данной технологии и соблюдением этических, правовых и профессиональных норм. Использование ИИ влечет за собой определенное количество рисков, которыми важно грамотно управлять. Перспективна разработка профессиональных протоколов или кодекса использования ИИ в юрислингвистической экспертизе, а также специализированных ИИ-инструментов отечественного производства.

Важно помнить, что нейросеть должна рассматриваться не как альтернатива эксперту, а как вспомогательный инструмент, расширяющий его аналитические возможности и повышающий качество экспертизы. Результаты автороведческого анализа должны быть основаны на прозрачных и верифицируемых результатах, оцениваться экспертом. Кроме того, делать окончательные выводы, принимать решение и нести за него ответственность обязан только сам лингвист-эксперт.

Литература

- Аль-Нами Б. А., Кормачев И. Д. Нейросети в современном мире. Исследование возможностей и областей применения chatgpt / Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании (АПИНО 2023): Сборник научных статей XII Международной научно-технической и научно-методической конференции. Санкт-Петербург, 28 февраля – 01 марта 2023 года. В 4-х томах, Том 2. СПб, 2023. – С. 155-158.
- Белова П. Е., Сафарян А. К. Автоматическое выявление побуждений в тексте: применение методов компьютерной лингвистики в работе эксперта-лингвиста / Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Нижний Новгород, 2024. – С. 31-38.
- Галюченко А. С. Нейронные технологии и корпусные инструменты для исследования юридического медиадискурса (на примере термина smart-contract) / Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: Сборник научных статей по итогам международной научной конференции. Минск, 2024. – С. 303-308.
- Григорьева Е. Г., Клячин В. А. Исследование статистических характеристик текста на основе графовой модели лингвистического корпуса / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Математика. Механика. Информатика. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 116-126.
- Романов А. С. Методика идентификации автора текста на основе аппарата опорных векторов / Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. – 2009. – № 2. Т. 1. – С. 36-42.
- Трофимова Г. Н. Алгоритмы и возможности использования генеративных нейросетей в производстве лингвистических экспертиз / Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: Сборник научных статей по итогам международной научной конференции. Минск, 2024. – С. 625-629.
- Ширяева А. А., Новицкая И. В. Преимущества и недостатки использования нейросетей для обработки естественного языка (NLP) / Язык и культура. – 2024. – № 67. – С. 89-101
- Alkhoodairy G., Saleem K. Machine learning algorithm for detecting suspicious email messages using Natural Language Processing / Alexandria Engineering Journal. – 2025. – Vol. 128. – P. 153-165
- Arazzi M., Arikkat R. D., Nicolazzo S. NLP-based techniques for Cyber Threat Intelligence / Computer Science Review. – 2025. – Vol. 58. – 100765.
- Martinc M., Perovšek M., Lavrač N. Textflows: an open science NLP evaluation approach / Lang Resources & Evaluation. – 2024. <https://doi.org/10.1007/s10579-024-09793-1>
- Verma P., O'Shea D., Neue T. WebShield 5.0: Harnessing AI and NLP to combat web threats in Industry 5.0 / Alexandria Engineering Journal. – 2025. – Vol. 127. – P. 677-689/
- Zucco C. Deep Learning Methods in NLP / Encyclopedia of Bioinformatics and Computational Biology (Second Edition). – 2025. – Vol. 2. – P. 190-198.
- ГОСТ Р 71476-2024 «Национальный стандарт российской федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта». М., 2024.
- ПНСТ 840-2023 «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ Обзор этических и общественных аспектов». М., 2023.
- Искусственный интеллект Российской Федерации. Регуляторика. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/>

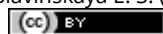
References

- Al-Nami, B. A., Kormachev, I. D. (2023). Neural networks in the modern world. Study of the capabilities and application areas of ChatGPT. In Proceedings of the 12th International Scientific and Technical Conference "Actual Problems of Infotelecommunications in Science and Education" (APINO 2023). Saint Petersburg, 2, 155-158 (in Russian).
- Belova, P. E., Safaryan, A. K. (2024). Automatic detection of imperative utterances in texts. Application of computational linguistics methods in the work of a forensic linguist. In National and International Trends and Prospects for the Development of Forensic Examination. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod, 31-38 (in Russian).
- Galyuchenko, A. S. (2024). Neural technologies and corpus tools for the study of legal media discourse using the example of the term smart contract. In Language in the Era of Digital Transformation and Artificial Intelligence Development. Conference Proceedings. Minsk, 303-308 (in Russian).
- Grigorieva, E. G., Klyachin, V. A. (2020). Study of statistical text characteristics based on a graph model of a linguistic corpus. Proceedings of Saratov University. New Series. Series Mathematics. Mechanics. Informatics, 20(1), 116-126 (in Russian).
- Romanov, A. S. (2009). Methodology for authorship attribution based on support vector machines. Proceedings of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 2(1), 36-42 (in Russian).
- Trofimova, G. N. (2024). Algorithms and possibilities of using generative neural networks in forensic linguistic examination. In Language in the Era of Digital Transformation and Artificial Intelligence Development. Conference Proceedings. Minsk, 625-629 (in Russian).
- Shiryaeva, A. A., Novitskaya, I. V. (2024). Advantages and disadvantages of using neural networks for natural language processing. Language and Culture, 67, 89-101 (in Russian).
- Alkhodhairi, G., Saleem, K. (2025). Machine learning algorithm for detecting suspicious email messages using natural language processing. Alexandria Engineering Journal, 128, 153-165.
- Arazzi, M., Arikkat, R. D., Nicolazzo, S. (2025). NLP-based techniques for cyber threat intelligence. Computer Science Review, 58, 100765.
- Martinc, M., Perovšek, M., Lavrač, N. (2024). Textflows. An open science NLP evaluation approach. Language Resources and Evaluation. <https://doi.org/10.1007/s10579-024-09793-1>
- Verma, P., O'Shea, D., Newe, T. (2025). WebShield 5.0. Harnessing AI and NLP to combat web threats in Industry 5.0. Alexandria Engineering Journal, 127, 677-689.
- Zucco, C. (2025). Deep learning methods in natural language processing. In Encyclopedia of Bioinformatics and Computational Biology (2nd ed., Vol. 2, pp. 190-198).
- GOST R 71476-2024. (2024). Artificial intelligence. Concepts and terminology of artificial intelligence. Moscow (in Russian).
- PNST 840-2023. (2023). Artificial intelligence. Review of ethical and social aspects. Moscow (in Russian).
- Artificial Intelligence of the Russian Federation. (2025). Regulatory framework. Available from <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (in Russian).

Citation:

Славинская Е. С. Риски применения искусственного интеллекта в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 72-76.

Slavinskaya E. S. (2026) Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in Authorship Attribution. Legal Linguistics, 39, 72-76.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Нейтрализация значимых характеристик письменной речи как способ искажения идиостиля автора

И. В. Огорелков

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5, стр.3, 125032, Москва, Россия. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы автороведческого исследования текстов конфликтогенной направленности с целью установления элементов искажения идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик его письменной речи. Кратко описываются основные виды маскировки (подстройка под письменную речь конкретного лица, имитация авторства, искажение значимых особенностей идиостиля автора), способы их языкового выражения. Приводится конкретный пример автороведческого исследования конфликтогенных текстов с элементами маскировки (искажение значимых особенностей идиостиля конкретного лица).

Ключевые слова: маскировка письменной речи, речемыслительный навык, автороведческая диагностика, уровень грамотности, уровень культуры речи, искажение значимых особенностей идиостиля автора, нейросетевая генерация текста.

Neutralization of Significant Characteristics of Written Speech as a Way of Distorting the Author's Idiostyle

I. V. Ogorelkov

State Budgetary Institution of Moscow "Moscow Research Center"

5 Nizhnyaya Syromyatnicheskaya str., building 3, 125032, Moscow, Russia. E-mail: ogorelkov.69@mail.ru

The article examines the authorship research of conflict-generating texts with the goal of identifying elements of distortion of the author's idiostyle by neutralizing significant characteristics of their written language. The main types of disguise (adapting to a specific person's written language, imitation of authorship, distortion of significant features of the author's idiostyle) and the methods of their linguistic expression are briefly described. A specific example of an authorship study of conflict-generating texts with elements of disguise (distortion of significant features of a specific person's idiostyle) is provided.

Key words: disguise of written speech, speech and cogitative skill, authorship diagnostics, level of literacy, level of elocution, distortion of significant features of the author's idiostyle, neural network text generation.

Автороведческое исследование относится к числу тех традиционных криминалистических исследований, которые занимаются изучением проявлений навыковой деятельности. Предметом автороведения являются прежде всего факты и сведения о навыковой деятельности автора текста документа (речемыслительного навыка). «Этот навык не относится к врожденным свойствам личности, а приобретает конкретным индивидуумом в процессе обучения соответствующим образцам и нормам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения. В этом случае имеются в виду общепринятые нормы языка, речи и мышления, овладевая которыми человек вырабатывает умение понимать других людей и быть понятым ими» [Рубцова 2007: 12].

Можно разделить речемыслительный навык на три типа навыков: речевые, языковые и мыслительные. Среди речевых можно выделить лексико-фразеологические, синтаксические и стилистические навыки. Речевые навыки различаются по роли, выполняемой в письменной речи. Можно говорить о ведущей роли лексико-фразеологических и стилистических навыков, без которых речь немислима. Система стилистических навыков включает в себя индивидуальные особенности использования языковых средств в русле определенного функционального стиля речи, использование средств, с помощью которых создается архитектура текста, различного рода отклонения от нормы стилистики. Орфографические и пунктуационные навыки относятся к языковым навыкам. Они представляют собой

вторичные образования, связанные именно с письмом, и сами по себе существовать не могут. Их можно условно назвать “техническими” навыками письменной речи. К мыслительным навыкам относятся навыки восприятия, мышления, памяти, ими характеризуется способ познания действительности, присущий человеку и обусловленный его индивидуальным опытом и особенностями его психики. Определенные свойства этих навыков отражаются в понятийно-смысловых структурах текста.

Речевые, языковые и мыслительные навыки как свойства личности выражают те особенности психики человека, которые участвовали в формировании того или иного навыка. В совокупности они и составляют речемыслительный навык любого человека.

Автороведческое экспертное исследование как направление традиционной криминалистики опирается на систему знаний о закономерностях и условиях речевого поведения человека. «Среди основных направлений данного вида экспертных исследований следует выделить определение пола, возраста, профессии, национальности, родного языка автора текста, а также установление в тексте элементов маскировки письменной речи (подстройки под письменную речь конкретного лица, искажение значимых особенностей идиостиля автора текста, имитации авторства)» [Огорелков 2025: 197].

Маскировка письменной речи – это сознательное изменение автором конфликтогенного текста языковой (лингвистической) и содержательной (смысловой) структуры письменной речи. «Основными целями речевой маскировки следует считать: 1) сокрытие от адресата и/или контрагента значимой информации об авторе; 2) предоставление адресату и/или контрагенту заведомо ложной информации о своей личности; 3) дискредитацию автора первичного текста путем создания нового (вторичного) текстового продукта на основе существующего текста» [Огорелков 2024: 111].

В рамках автороведческой диагностики маскировка письменной речи автора подразделяется на четыре основных вида:

- имитация авторства (например, мужчины/женщины);
- подстройка под письменную речь конкретного лица (при наличии первичных авторских текстов);
- искусственная нейросетевая генерация текста (по заданным параметрам);
- искажение значимых особенностей идиостиля автора по следующим критериям: сознательное снижение своего уровня грамотности, изменение уровня культуры речи, нейтрализация значимых характеристик собственной письменной речи.

Каждый вид маскировки письменной речи в отдельности имеет множество способов выражения формально-содержательного и лингвистического характера. В частности, для искажения идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи характерны следующие основные способы выражения: обозначение одного и того же предмета просторечным словом и словом, соответствующим литературной норме; частые назойливые повторы одних и тех же слов при разнообразии прочей лексики; употребление подряд нескольких тропов в предложении, где корректнее использовать их обычный словесный эквивалент; стилистически не оправданное употребление жаргонизмов, арготизмов в сочетании с публицистической, научной лексикой; смешение разностилевой лексики в одном небольшом текстовом фрагменте; однообразие лексико-синтаксических конструкций, с которых начинается предложение при наличии в тексте разнообразных лексических словоформ. Для искажения идиостиля автора за счет сознательного снижения уровня грамотности характерны следующие высокоинформативные особенности письменной речи: соблюдение более сложных для усвоения правил орфографии, синтаксиса и пунктуации и несоблюдение простых, даже элементарных; постановка лишних запятых там, где не может быть паузы в устной речи при произнесении фразы; частые случаи несоответствия синтаксического и смыслового членения ситуации.

«Намеренное искажение письменной речи определяется как внутренняя психическая деятельность автора, состоящая в сознательном вмешательстве в процесс речепорождения с целью маскировки авторства или психофизиологического состояния в момент создания письменного речевого сообщения. Специфика текста как материализации намеренного искажения речи состоит в противоречивости его элементов, вытекающей из того, что индивидуализирует его речь, в чужой речи обращает внимание только на отдельные, «бросающиеся в глаза» характеристики. Признаками, свидетельствующими о намеренном искажении речи, являются особенности письменного речевого сообщения, отражающие противоречия свойств и характеристик личности его автора, несовместимые состояния как следствие сознательной перестройки автором документа собственных навыков письменной речи» [Изотова 2020: 19-20].

Нейтрализация значимых характеристик письменной речи автора конфликтогенных текстов встречается достаточно редко и очень трудна как для осуществления конкретным лицом, так и для анализа специалистом-автороведом. Главная трудность заключается в разграничении текста, в котором осуществлена нейтрализация письменной речи, от обычного текста, составленного без использования элементов публицистического, научного, делового стилей речи, без средств образности, без сложных по составу лексико-семантических и грамматических парадигм. В представленном случае уровень грамотности и культуры речи автора конфликтогенного текста не имеет определяющего значения. Следует заметить, что проведение нейтрализации письменной речи требует высокоразвитых лексических, стилистических и синтаксических навыков, поэтому данная разновидность искажения чаще всего характерна для лиц с высоким и средним уровнем грамотности и культуры речи [Литвинова 2016]. Ниже приводится перечень наиболее значимых (высокоинформативных) признаков письменной речи, характеризующих ее нейтрализацию. Эти признаки приведены без разделения на различные уровни лингвистической системы русского языка:

- преобладание простых предложений;
- упрощенный характер языковых конструкций;
- употребление слов с наименьшей эмоциональной индексацией при передаче состояния, чувств, оценки, при выражении отношения к чему-либо;
- выбор из синонимических рядов наиболее простых, обыденных, просторечных слов;
- однообразии лексических приемов при передаче эмоций;
- доминирование экспрессивно-нейтральных слов;
- доминирование общеупотребительных, стилистически нейтральных слов;
- частое использование парцелляции;
- доминирование разностилевых клише, обладающих высокой частотой встречаемости в речи носителей русского языка;
- однообразии лексико-синтаксических конструкций, с которых начинается предложение, а также вставных конструкций;
- нарушение корреляционной зависимости уровней развития языковых навыков;
- несоответствие уровня культуры речи и уровня грамотности.

Проиллюстрируем вышесказанное примерами из экспертной автороведческой практики. Рассмотрим пример нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста № 1.

Текст № 1

Внимательно прочитайте а потом еще раз прочитайте. Вас хотят убить. Вы оскорбили большого человека. Но есть выход. Он поручил это своему телохранителю. С ним всегда можно договорится. Все зависит от суммы. Ваша жизнь зависит от суммы. И только Вы знаете стоимость вашей жизни. В четверг четвертого числа в четыре с четвертью часа чёрный пакет с деньгами должен находиться в мусорном баке на выходе из метро «ВДНХ». Принесите деньги. Иначе расстанетесь с жизнью.

В результате проведенного автороведческого исследования текста № 1 конфликтной направленности были выявлены следующие лингвистические признаки, свидетельствующие о вероятной нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора. К ним относятся:

- использование только простых предложений, состоящих в основном из 3-5 слов (например, «Вы оскорбили большого человека»);
- частое употребление в тексте упрощенных языковых конструкций (например, «Но есть выход» или «Принесите деньги»);
- отсутствие внутрипредложной пунктуации – тире, двоеточий, точек с запятой;
- доминирование общеупотребительных, стилистически нейтральных слов (например, «деньги, сумма, читать»);
- частое использование парцелляции (например, «Принесите деньги. Иначе расстанетесь с жизнью»);
- отсутствие вводных слов и конструкций;
- однообразии лексических приемов при передаче эмоций (например, «Внимательно прочитайте, а потом еще раз прочитайте»);
- отказ от использования личных местоимений 1-го лица;
- несоответствие уровня культуры речи и уровня грамотности (в тексте используется образная, книжная лексика («расстанетесь с жизнью», «Ваша жизнь зависит от суммы» и одновременно не используются сложные предложения, в тексте встречаются элементарные орфографические и пунктуационные ошибки).

Далее рассмотрим пример нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста № 2.

Текст № 2

Правильно люди говорили что не нужно с тобой связываться и тем более выходить замуж. Говорили что ты палец о палец не ударишь, за юбками бегаешь. Ты плохой человек. Я не позволю тебе больше изменять. Ты не будешь бить женщин. Ты лишишься всего что у тебя есть. Мой брат прокурор найдет на тебя управу. До конца жизни будешь в тюрьме сидеть и вспоминать свободу. Или будешь жить в нищете.

Вещи свои найдешь у подъезда. Они валяются под деревьями. Больше не появляйся на нашей улице.

В результате проведенного автороведческого исследования текста № 2 конфликтной направленности были выявлены следующие лингвистические признаки, свидетельствующие о вероятной нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора. К ним относятся:

- использование только простых предложений, состоящих в основном из 3-5 слов (например, «Или будешь жить в нищете»);
- частое употребление в тексте упрощенных языковых конструкций (например, «Ты плохой человек»);
- отсутствие внутрипредложной пунктуации – тире, двоеточий, точек с запятой;
- частое использование парцелляции (например, «Ты плохой человек. Я не позволю тебе больше изменять. Ты не будешь бить женщин»);
- отсутствие осложненных глагольных форм и модальных конструкций;

– несоответствие уровня культуры речи и уровня грамотности (в тексте используется образная, книжная лексика («ты палец о палец не ударишь», «найдет на тебя управу» и одновременно не используются сложные предложения, в тексте встречаются элементарные орфографические и пунктуационные ошибки).

Проанализированные тексты составлены мужчиной (текст № 1) и женщиной (текст № 2) с высшим филологическим образованием, работающими в гуманитарной сфере. Цель составления текстов подобной структуры – сокрытие от адресата значимой информации об авторе. Однако в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий авторы конфликтогенных текстов были установлены и привлечены к уголовной ответственности.

Нельзя не принять во внимание также актуальную ситуацию повсеместного использования нейросетевых чат-ботов, решающих задачу генерации текстов, что неизбежно влечет возможность применения данных инструментов, в том числе в деструктивных целях сокрытия личности автора и создания конфликтогенных текстов от имени иного лица. Учитывая факт первичного обучения языковых моделей на медицинских, юридических и экономических текстах, предполагается, что задача нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора будет выполнена нейросетевым текстовым генератором на высоком уровне.

Рассмотрим пример нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста, выполненной нейросетевым текстовым генератором (тексты № 3.1 и № 3.2).

Тексты № 3.1 и № 3.2

Текст-оригинал	Текст, сгенерированный нейросетью
<p><i>В Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры</i></p> <p><i>Вы, продажные чиновники, обещали нам новые автобусы. А в итоге что? Их стало меньше. Если раньше у нас было четыре автобуса (740, 280, 742, 738), то сейчас их три, а по выходным вообще два. Вы серьезно думаете, что если вы смените номера автобусов все сразу плясать начнут и никто ничего не заметит? И сколько же денег вы, безбожники, отмыли, чтобы просто изменить номера автобусов? Теперь из-за того, что вы убрали 742 автобус мне приходится добираться на двух автобусах до электрички с сумками. А это не так уж и просто. И знаете что? Мне нравится, что вы решили не останавливаться на автобусах. Вы решили мне окончательно испортить жизнь и убрали остановку около моего дома. Скажите мне пожалуйста, чем вы думали. То есть по вашей логике остановка, которая находится у гаражей, где никогда никого нет куда нужнее, чем остановка у жилого дома?</i></p>	<p><i>В Департамент транспорта и развития дорожной инфраструктуры,</i></p> <p><i>Хотелось бы сообщить о сокращении количества автобусных маршрутов в районе проживания. Ранее на направлении функционировали маршруты № 740, 280, 742 и 738.</i></p> <p><i>В настоящее время количество маршрутов сокращено до трёх, а в выходные дни — до двух. Изменение нумерации маршрутов не компенсирует фактическое уменьшение транспортного обслуживания. В связи с отменой маршрута № 742 поездка до железнодорожной станции требует пересадок. Это создаёт дополнительные неудобства, в том числе при перевозке багажа. Кроме того, была ликвидирована остановка общественного транспорта вблизи жилого дома. В результате ближайшая остановка расположена в зоне, не связанной с жилой застройкой.</i></p> <p><i>Данное решение усложняет ежедневные передвижения жителей.</i></p> <p><i>Прошу разъяснить причины указанных изменений и рассмотреть возможность восстановления маршрута № 742, а также остановки общественного транспорта вблизи жилого дома.</i></p>

Как видно, порожденный нейросетью текст в результате выполнения моделью нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста-оригинала утратил черты идиостиля автора первоначального текста, хотя и остался правильным в структурно-семантическом отношении. В результате проведенного автороведческого исследования текста № 3.2 было установлено, что сгенерированному тексту присущи аналогичные выявленным в текстах № 1 и № 2 лингвистические признаки нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора.

Таким образом, разработанный и апробированный в экспертной практике метод автороведческого анализа материалов с элементами нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора позволяет с высокой долей вероятности выявлять подобные эпизоды в рамках экспертной деятельности, а в некоторых случаях восстанавливать подлинный стиль автора конфликтогенного текста.

Литература

- Изотова Т. М.* Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования / Юрислингвистика. – 2020. – № 17 (28). – С. 19-21.
- Литвинова Т. А.* Установление в письменном тексте признаков намеренного искажения информации как одна из задач судебной лингвистики / Современное право. – 2016. – № 8. – С. 115-119.

Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В. Речевая маскировка авторства в конфликтогенных материалах: лингвистические, правовые и психологические аспекты / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 115-127.

Огорелков И. В. Использование количественных методов при установлении имитации авторства в политических текстах / Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025 – № 2. – С. 197-200.

Рубцова И. И., Огорелков И. В., Ермолова Е. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз. М., 2007.

References

Izotova, T. M. (2020). Deliberate distortion of written speech as a subject of authorship expertise. *Legal Linguistics*, 17 (28), 19-21 (in Russian).

Litvinova, T. A. (2016). Establishing signs of intentional distortion of information in a written text as one of the tasks of forensic linguistics. *Modern Law*, 8, 115–119 (in Russian).

Ogorelkov, I. V., Frolova, Y. A., Myatlik, T. V. (2024). Speech disguise of authorship in conflict-generating materials: linguistic, legal and psychological aspects. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 19(3), 115-127 (in Russian).

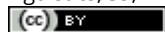
Ogorelkov, I. V. (2025). Use of quantitative methods in establishing imitation of authorship in political texts. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 2, 197-200 (in Russian).

Rubtsova, I. I., Ogorelkov, I. V., Ermolova, E. I. (2007). *Integrated methodology for producing auto-editing examinations*. Moscow (in Russian).

Citation:

Огорелков И. В. Нейтрализация значимых характеристик письменной речи как способ искажения идиостиля автора // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 77-81.

Ogorelkov I. V. (2026) Neutralization of Significant Characteristics of Written Speech as a Way of Distorting the Author's Idiostyle. *Legal Linguistics*, 39, 77-81.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юрислингвистическая конвергенция и семантические ловушки суггестивного воздействия лжецелителей

Р. Б. Асадов

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Студенческая, 8, 600005, Владимир, Россия. E-mail: asadov@npzhdialog.ru*

Предметом исследования являются манипулятивные речевые стратегии, применяемые лжецелителями в процессе суггестивного воздействия на граждан, а также их правовые последствия в контексте современной российской практики противодействия мошенничеству. Исследование сосредоточено на механизмах суггестии, которые формируют у адресата искаженную картину реальности, подчиняют его поведение коммуникативным моделям, сконструированным исполнителем, и реализуются через комплекс семантических ловушек. Оно охватывает лексические, семантические и прагматические характеристики соответствующих текстов, определяющих структуру речевого влияния и направленность восприятия. Особое внимание уделено юридической оценке таких воздействий, включая сложность доказывания умысла, установления причинно-следственной связи между речевым давлением и наступившим имущественным ущербом, а также выявления маркеров, значимых для квалификации деяний по ст. 159 УК РФ.

Методология исследования опирается на юрислингвистический анализ, включающий когнитивно-дискурсивный подход, элементы психолингвистики, сравнительно-правовой метод и лингвопрагматическое описание суггестивных стратегий, выявляемых в судебной и коммуникативной практике.

Научная новизна исследования состоит в обосновании юрислингвистической конвергенции как методологической рамки анализа манипулятивных речевых стратегий лжецелителей, основанных на суггестивных механизмах и формирующих у адресата когнитивно искаженное восприятие риска и доступных возможностей. В работе впервые предложена комплексная типология языковых и прагматических маркеров, значимых для квалификации действий по ст. 159 УК РФ, а также сформулированы критерии, позволяющие отграничить суггестивное воздействие, реализуемое посредством семантических ловушек, от традиционных форм обмана. Сделан вывод о необходимости учитывать динамику речевого давления и эмоционально-психологические факторы при оценке умысла и общественной опасности деяния. Подчеркивается практическая значимость развития юрислингвистической экспертизы и совершенствования правового регулирования, направленного на выявление и пресечение псевдолечебной деятельности, использующей внушение и семантические ловушки как средство получения имущественной выгоды.

Ключевые слова: юрислингвистическая конвергенция, юрислингвистика, речевая манипуляция, суггестия, лжецелительство.

Jurilinguistic Convergence and Semantic Traps of Suggestive Influence Used by Fraudulent Healers

R. B. Asadov

*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
8 Studencheskaya St., 600005, Vladimir, Russia. E-mail: asadov@npzhdialog.ru*

The study examines manipulative speech strategies employed by fraudulent healers in the process of exerting suggestive influence on individuals, as well as their legal consequences within the context of contemporary Russian practices aimed to deter fraud. The analysis focuses on mechanisms of suggestion that construct a distorted picture of reality for the addressee, subordinate their behavior to communicative models designed by the perpetrator, and operate through a complex of semantic traps. The research encompasses the lexical, semantic, and pragmatic characteristics of relevant texts that define

the structure of verbal influence and the targeting of perception. Special attention is given to the legal assessment of such influence, including the challenges of proving criminal intent, establishing a causal connection between verbal coercion and resulting pecuniary damage, and identifying markers significant for the qualification of acts as fraud under Russian criminal law.

The study's methodology relies on a jurislinguistic analysis that incorporates a cognitive and discursive approach, elements of psycholinguistics, the comparative-legal method, as well as a linguistic and pragmatic description of suggestive strategies exposed in judicial and communicative practice.

The scientific novelty of the research lies in substantiating jurislinguistic convergence as a methodological framework for analyzing manipulative speech strategies used by fraudulent healers, based on suggestive mechanisms that shape a cognitively distorted perception of risk and available options. It is the first time a paper has proposed a comprehensive typology of linguistic and pragmatic markers relevant for the qualification of such actions as fraud under Russian criminal law, and has developed criteria for distinguishing suggestive influence – realized through semantic traps – from traditional forms of deception. The study concludes that assessments of intent and social danger must take into account the dynamics of verbal coercion, emotional and psychological factors. The work emphasizes the practical significance of developing jurislinguistic expertise and improving legal regulation aimed at identifying and deterring pseudo-therapeutic activities which involve suggestion and semantic traps for financial gain.

Key words: jurislinguistic convergence, jurislinguistics, speech manipulation, suggestion, fraudulent healing.

Введение

Феномен манипулятивных стратегий, применяемых лжецелителями и иными субъектами парамедицинской сферы, демонстрирует сложное сочетание языковых и правовых механизмов, требующее анализа в рамках юрислингвистической конвергенции – междисциплинарного подхода, объединяющего когнитивные, аксиологические и нормативные параметры речевой деятельности. В отечественной доктрине обоснованно подчеркивается, что взаимодействие права и языка не сводится к техническому обслуживанию нормотворчества: оно задает рамки интерпретации социальных практик, включая коммуникацию лиц, эксплуатирующих доверие граждан посредством суггестивных техник [Асадов 2025: 1–18]. Лжецелительство как социально-правовой феномен особенно наглядно проявляет эту взаимосвязь: здесь псевдомедицинский дискурс маскирует манипулятивное содержание, а внушающее воздействие подается как квазипрофессиональное консультирование.

Нарастающий интерес к проблематике речевой манипуляции в юриспруденции обусловлен расширением спектра деяний, совершаемых преимущественно вербальным способом. Российская криминалистика сталкивается с ситуацией, когда традиционные представления о составе преступления требуют пересмотра ввиду использования психотехник, нацеленных не столько на прямое введение в заблуждение, сколько на формирование эмоционально-когнитивной зависимости. М. И. Парасуцкая справедливо отмечает, что юридизация суггестии предполагает четкое разграничение между манипуляцией, основанной на языковом конструировании альтернативной картины реальности, и обманом как элементом объективной стороны мошенничества [Парасуцкая 2009: 69–70]. Это различие принципиально для квалификации действий лжецелителей, чьи речевые стратегии нередко балансируют между недобросовестным влиянием и уголовно наказуемым хищением.

Суггестивная природа коммуникативных техник лжецелителей объясняет устойчивость их воздействия даже при минимальной информативности высказываний. Показано, что в юридически значимых ситуациях внушение опирается на комплекс паралингвистических и психологических механизмов – от ритмизации речи до построения семантических ловушек, создающих иллюзию экспертного знания [Катермина, Сафронова 2017: 142–152]. В результате формируется специфический тип коммуникации, приобретающий правонарушающий характер, в которой решающим становится не объем передаваемой информации, а способность высказываний запускать у адресата некритичное принятие псевдомедицинских утверждений, воспринимаемых как объективные и авторитетные.

Выбор темы исследования обусловлен необходимостью системного анализа речевых механизмов, формирующих суггестивный потенциал лжецелительства и связываемых с существенными юридическими рисками. Лжецелители используют дискурсивные модели, которые, с одной стороны, эксплуатируют социальную уязвимость граждан, а с другой – создают сложности для правоприменителя, вынужденного определять границы между административной и уголовно-правовой ответственностью. З. Р. Салаев справедливо отмечает, что мошенничество в форме оккультных и психологических услуг осложнено трудностью установления причинно-следственной связи между внушающим воздействием и имущественным ущербом [Салаев 2019: 171–175]. Поэтому особенно востребован комплексный юрислингвистический анализ, позволяющий выявить ключевые маркеры манипуляции, релевантные для квалификации деяния и оценки его общественной опасности.

Понимание манипулятивного воздействия лжецелителей невозможно без обращения к категории «речевого мошенничества», которое в отечественной юрислингвистике рассматривается как система коммуникативных действий, направленных на побуждение адресата к решению, противоречащему его действительным интересам. Б. И. Осипов одним из первых выделил речевое мошенничество в самостоятельную форму противоправного поведения, указав, что его основой является не столько фактическая ложь, сколько создание искусственной семантической рамки, ограничивающей возможность рационального выбора [Осипов 2000: 182–186]. Это наблюдение особенно значимо для анализа стратегий лжецелителей, систематически формирующих у граждан

убежденность в наличии «скрытых угроз» – порчи, негативной энергии, «лечебных кодов» и иных псевдонаучных конструкций.

Разграничение речевой манипуляции и речевого мошенничества остается предметом научной дискуссии, поскольку их проявления нередко сближаются на уровне коммуникативной техники. Манипуляция не всегда преследует цель личного обогащения, тогда как мошенничество предполагает имущественный результат и умысел на введение в заблуждение [Осипов 2007: 216–221]. Лжецелительство демонстрирует гибридный характер: суггестия, внедрение ложных установок и использование псевдотерминологии становятся инструментом извлечения выгоды. Это структурное слияние создает внутреннюю правовую проблему: конструкция мошенничества в Уголовном кодексе РФ ориентирована на объективируемый обман, тогда как в практике лжецелителей решающим оказывается именно суггестивный компонент, трудный для фиксации и доказывания.

По мере развития юрислингвистики все более очевидным становится, что основой манипулятивного воздействия выступает не столько прямое искажение информации, сколько использование языковых средств, задающих адресату определенный эмоционально-когнитивный режим восприятия. В. А. Мишланов отмечает, что манипулятивные тексты характеризуются особой семантической организацией: неопределенными референтами, модальными конструкциями, эвфемизмами, апелляцией к псевдоэкспертности [Мишланов 2007: 203–216]. Лжецелители последовательно выстраивают именно такие семантические ловушки, создавая высказывания, насыщенные неопределенными, но убедительно звучащими понятиями («энергетический блок», «кармическая патология») и структурируя коммуникацию так, чтобы интерпретации исполнителя воспринимались как единственно возможные.

Наряду с лингвистическим описанием суггестивных механизмов необходимо учитывать результаты исследований институциональных видов дискурса. Т. С. Сафронова, анализируя вступительные речи прокуроров, показывает, что внушающий эффект достигается сочетанием оценочной лексики, риторических вопросов, интонационных акцентов и апелляции к ценностям ориентирам аудитории [Сафронова 2017: 136–141]. Этот вывод в полной мере относится и к лжецелителям, активно использующим моральные, экзистенциальные и семейные мотивы для формирования доверительной атмосферы, в которой снижается критичность восприятия. Изучение суггестивного потенциала их речевых стратегий, а также создаваемых ими семантических ловушек требует комплексного подхода, объединяющего юридическую оценку содержания высказываний и лингвистический анализ механизмов воздействия.

Постановка проблемы

Рассматривая речевые стратегии лжецелителей в более широком социально-коммуникативном контексте, важно учитывать, что их воздействие нередко опирается на дискурсивные модели, родственные религиозному и оккультному типам коммуникации. В этих сферах, как отмечает Е. А. Худышкина, речевое влияние строится через создание символического пространства, в котором адресату предлагается готовая интерпретация мира и собственной роли в нем [Худышкина 2015: 92–95]. Лжецелители используют сходный механизм: апеллируют к базовым темам – страху болезни, тревоге за близких, стремлению к контролю над жизнью. Тем самым они формируют у граждан ощущение зависимости от «знания» или «сил» исполнителя и подчиняют поведение адресата заранее сконструированной модели. С правовой точки зрения такие речевые конструкции размывают границу между добровольностью и вынужденностью принятия решений, что осложняет квалификацию действий лжецелителей.

Суггестивные механизмы в коммерческих коммуникациях также демонстрируют значимые параллели с лжецелительским дискурсом. Исследования рекламных текстов показывают, что внушающий эффект нередко достигается не прямыми обещаниями, а ценностно нагруженными формулами, имитирующими экспертность и вызывающими доверие к источнику сообщения. Е. С. Кара-Мурза подчеркивает, что законодательная регламентация рекламы вынуждена учитывать семиотическую сложность подобных сообщений, поскольку они создают иллюзию объективности при минимальном фактическом содержании [Кара-Мурза 2008: 163–175]. В коммерческой сфере такие стратегии частично сдерживаются требованиями к достоверности информации, тогда как в коммуникации лжецелителей они часто остаются в «серой зоне», где внушающие тексты формально не содержат лжи, но создают у адресата искаженное представление о рисках и возможностях.

Отдельного внимания заслуживает правовой статус оккультных и «магических» услуг. К. Б. Ерофеев справедливо отмечает, что действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих деятельность лиц, предлагающих подобного рода услуги, что формирует заметные пробелы в правоприменении [Ерофеев 2013: 89–93]. В результате граждане фактически остаются без надлежащей защиты, а доказательственная база по делам о мошенничестве существенно осложняется: лжецелители ссылаются на субъективный характер своих практик, избегают проверяемых утверждений, формально не нарушая прямых запретов, но вводя граждан в заблуждение. Отсутствие специального правового режима придает особое значение юрислингвистическому анализу, позволяющему выявлять манипулятивные элементы коммуникации и устанавливать их связь с имущественным ущербом.

Системная неопределенность статуса лжецелительства подчеркивается и в работах А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской, указывающих на противоречие между необходимостью обеспечивать свободу вероисповедания и обязанностью государства защищать граждан от недобросовестных практик [Жалинский, Козловская 2006: 60–64]. Это противоречие требует взвешенного подхода: с одной стороны, недопустимы чрезмерные ограничения убеждений и традиций, с другой – необходимо учитывать реальную общественную опасность деятельности лжецелителей, использующих внушающее воздействие для извлечения выгоды. Поэтому исследование суггестивного потенциала их речевых стратегий должно включать не только лингвистический и психологический анализ, но и оценку правовых

последствий, формируя основу для уточнения подходов к квалификации соответствующих деяний и разработки профилактических мер.

Основная часть

Переходя к анализу суггестивных стратегий лжецелителей, следует отметить, что их влияние формируется в многоуровневом коммуникативном пространстве, где языковые средства тесно связаны с психологическими и ситуативными факторами. Такие исполнители сравнительно редко прибегают к прямому обману в традиционном юридическом смысле; напротив, они выстраивают последовательность коммуникативных ходов, подводящих адресата к выводу о необходимости «лечения» или приобретения соответствующих услуг. И. И. Нагорная справедливо указывает, что деятельность лжецелителей опирается на эксплуатацию витальных страхов – болезни, потери близких, угрозы «порчи» – и формирует особый тип доверительной зависимости, при котором решение гражданина утрачивает признак свободного волеизъявления [Нагорная 2011: 197–199.]. В результате основным объектом воздействия становится не рациональная оценка информации, а эмоционально-экзистенциальная сфера личности.

Стратегии речевого воздействия формируют устойчивую модель роли, в которой лжецелитель позиционирует себя как единственный носитель сакрального или «ненаучного, но эффективного» знания. Это соответствует классическому механизму манипуляции, описанному С. Г. Кара-Мурзой, который подчеркивает способность манипулятора конструировать альтернативную картину реальности и подменять когнитивные ориентиры адресата [Кара-Мурза 2004]. Соответствующие семантические ловушки создаются посредством псевдотерминологии, ритуализированных форм общения и утверждений, не поддающихся проверке («у вас перекрыт энергетический поток», «на вас поставлена программа»). Данные высказывания не претендуют на доказательность, но за счет внутренней связности формируют иллюзию экспертной системы, внутри которой адресат принимает навязанные правила интерпретации, не прибегая к критическому анализу.

Особое значение имеет вопрос о том, как именно организуется процесс речевого воздействия, обеспечивающий постепенное внедрение внушаемых установок. Г. А. Копнина отмечает, что речевая манипуляция строится на чередовании фаз «сближения» и «давления»: на первом этапе у адресата формируется эмоциональный комфорт и ощущение «понимания» со стороны манипулятора, на следующем – вводятся тревожные элементы, устранение которых якобы возможно лишь посредством предлагаемых им услуг [Копнина 2008]. Подобная структура коммуникации прослеживается и в делах о мошенничестве с участием лжецелителей: первоначальные консультации имеют «диагностический» характер, создают впечатление заботы и компетентности, а последующие этапы сопровождаются навязыванием дорогостоящих ритуалов. Это позволяет говорить о двухуровневой модели внушающего воздействия: когнитивной – основанной на конструировании авторитета, и эмоциональной – на искусственном формировании угрозы.

Существенный вклад в понимание манипулятивной природы лжецелительства вносит политическая лингвистика, изучающая динамику речевого воздействия в условиях неравной коммуникативной позиции. О. Л. Михалева подчеркивает, что манипуляция опирается на асимметрию знаний и статусов: адресат воспринимает источник сообщения как более информированного и компетентного, что делает его особенно уязвимым к внушению [Михалева 2009]. У лжецелителей эта асимметрия доводится до предела: гражданин сталкивается с субъектом, претендующим на доступ к «скрытому знанию», недоступному «обычным» людям. В результате адресат часто не в состоянии распознать отсутствие реальных компетенций у исполнителя и критически оценить создаваемые семантические ловушки. Возрастает значение лингвистической экспертизы как инструмента установления фактов манипулятивного воздействия и его роли в механизме преступления.

Лингвистические особенности высказываний лжецелителей позволяют выделить устойчивый набор маркеров суггестивного воздействия. К ним относятся неопределенные, но эмоционально нагруженные выражения, создающие иллюзию глубинного знания о проблемах адресата. Исследования показывают, что манипулятивный текст системно формирует у реципиента ощущение персонализированного общения, хотя фактически опирается на универсальные, легко адаптируемые формулы. В рекламных текстах подобные механизмы служат выстраиванию доверительной модели общения, основанной на скрытом внушении и эмоциональной гармонизации [Порческу, Бабушкина, Милкова 2024: 166–212]. В лжецелительской коммуникации эти стратегии превращаются в псевдодиагностику: многозначные высказывания о «негативной энергии» или «блокировке жизненных потоков» производят эффект адресности при отсутствии объективного содержания.

Построение суггестивных высказываний нередко опирается на специализированную псевдонаучную терминологию, выполняющую две взаимосвязанные функции: создает впечатление экспертности источника и затрудняет критическое восприятие информации, поскольку усложненный язык воспринимается как признак знания. В классических работах по манипуляции подчеркивается, что подобные стратегии формируют эпистемическую зависимость: реципиент утрачивает способность к самостоятельному суждению и начинает опираться исключительно на интерпретации манипулятора [Беляева 2009]. У лжецелителей это выражается в конструировании замкнутой семантической системы: введенные термины («кармический узел», «очищение поля», «энергетическое сканирование») не только лишены связи с медицинскими фактами, но и автономны от внешних критериев проверки, что существенно осложняет их оценку с юридической точки зрения.

Помимо лексических и семантических средств важную роль в суггестивном воздействии играет прагматическая организация коммуникации, ориентированная на создание доверительной атмосферы. Л. М. Месропян отмечает, что агрессивное манипулирование формируется не только за счет лексики, но и посредством особой стратегии общения,

при которой взаимодействие выстраивается как эмоционально насыщенный диалог с быстрыми ответными репликами адресата [Месропян 2014]. Такая динамика лишает граждан возможности взвесить ситуацию, создавая когнитивное давление. В делах о лжецелителях это проявляется в форме интенсивных «консультаций», где адресату предлагается немедленно принять решение – приобрести амулет, провести ритуал, оплатить «очищение». Временной прессинг становится ключевым признаком манипуляции, поскольку направлен на минимизацию когнитивного контроля и усиление подчиненности.

С точки зрения правоприменения лексические и прагматические признаки речевого воздействия обладают самостоятельным доказательственным значением, поскольку позволяют квалифицировать действия лжецелителей как мошенничество или иные преступления против собственности. Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что мошенничество связано с использованием доверия потерпевшего, а умысел может проявляться через особенности речевого поведения субъекта [Лопашенко 2012]. Когда воздействие строится не на прямом сообщении заведомо ложных сведений, а на внушении и семантических ловушках, доказательство преступного умысла требует выявления системности манипулятивных высказываний, их направленности на формирование искаженного представления о действительности и связи между внушающими формулами и имущественными действиями потерпевших. В этих условиях юрислингвистическая экспертиза становится ключевым инструментом реконструкции механизма речевого воздействия и установления того, был ли рассчитан такой дискурс на получение выгоды посредством давления на адресата.

Судебная практика по делам о лжецелителях демонстрирует устойчивую модель речевого поведения, в которой суггестия выступает ключевым инструментом побуждения граждан к передаче имущества. Манипулятивные стратегии, характерные для лидеров общественного влияния, строятся на сочетании эмоционального давления и псевдологической аргументации, формирующих у адресата иллюзию необходимости совершения определенных действий. В делах о лжецелительстве этот механизм используется для создания ощущения «неотложности» вмешательства.

Так, в одном из приговоров московских судов установлено, что злоумышленники убеждали потерпевших в наличии «смертельной порчи», требующей немедленного проведения дорогостоящего ритуала, что фактически лишало граждан возможности осмыслить ситуацию и критически оценить предлагаемые услуги [В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов URL]. Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, указав, что речевое воздействие имело системный характер и было направлено на формирование ложного представления о рисках и «необходимых» мерах.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что речевые стратегии лжецелителей строятся на поэтапном усилении психологического давления. Часто реализуется своего рода «модель эскалации угроз»: первоначальное обращение содержит мягкие эвристические формулы («в вашем поле наблюдается дисбаланс»), тогда как последующие контакты сопровождаются конструированием экзистенциальных опасностей («вам грозит гибель близкого человека»). Такая последовательность задает семантические ловушки, в которых адресат постепенно принимает навязанную картину угрозы как реальность.

В деле Г. П. Грабового, одном из наиболее известных примеров злоупотребления доверием граждан посредством внушающих коммуникаций, суд установил, что обвиняемый использовал идею «воскрешения умерших» как основу манипулятивной схемы, нацеленной на эмоционально уязвимых лиц [С целителем Грабовым чуда не произошло URL]. Несмотря на уникальность содержания, структура воздействия соответствует типовой модели речевого мошенничества: создается угроза или проблема, устранение которой возможно исключительно через предлагаемые услуги, что и послужило основанием для квалификации действий по ст. 159 УК РФ.

Аналогичным образом выстраивалось речевое воздействие в делах о «лечении рака водой из-под крана» и «снятии порчи» за значительные суммы денег. В одном из решений суд установил, что обвиняемая системно убеждала потерпевшую в наличии тяжелого заболевания, которое «не поддается традиционной медицине», и предлагала оплатить многочисленные «сеансы очищения водой», не обладавшие ни медицинским, ни бытовым смыслом [Дело осужденной «целительницы» URL]. В другом деле лжецелительница уверяла потерпевших, что обладает «уникальной способностью возвращать утраченные чувства», и требовала многократных платежей за «ритуалы воссоединения» [Суд утвердил приговор «целительнице» URL].

Суды указали, что подобные высказывания не только вводили граждан в заблуждение относительно действительных обстоятельств, но и формировали устойчивую психологическую зависимость, что свидетельствует о наличии умысла, направленного на использование доверия и эмоциональной уязвимости потерпевших.

Особое значение для квалификации действий лжецелителей имеют дела, в которых речевое воздействие сочетается с продолжительным психологическим контролем над потерпевшими. Так, в одном из дел, рассмотренных судом Краснодарского края, обвиняемая не ограничивалась отдельными внушающими высказываниями, а вела постоянную коммуникацию с потерпевшей, последовательно укрепляя убеждение в неизбежности негативных последствий при отказе от ритуалов [На Кубани лжецелительницу посадили URL]. Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, особо отметив длительность и системность воздействия. Для юрислингвистического анализа этот подход принципиален: он показывает, что манипулятивное влияние следует оценивать не фрагментарно, а в динамике, поскольку именно последовательность речевых актов формирует эффект внушения, значимый для установления умысла и причинно-следственной связи между коммуникацией и имущественными потерями.

Юридическая квалификация действий лжецелителей требует обращения к нормативным актам, регулирующим как медицинскую деятельность, так и защиту имущественных интересов граждан. Ключевым инструментом

правоприменения выступает ст. 159 УК РФ, определяющая мошенничество как хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. В отношении лжецелителей обман нередко носит опосредованный, суггестивный характер: речевые действия не всегда содержат объективно проверяемые ложные сведения, но создают у адресата искаженную картину действительности. Это порождает специфическую доказательственную проблему: следствию необходимо установить, каким образом последовательность высказываний сформировала у потерпевшего ожидание угрозы или надежды, побудившее его к передаче имущества. Подобный подход соответствует современной тенденции учитывать психологический характер вербальных преступлений и требует методологии, объединяющей лингвистический и юридический анализ.

Существенное значение при оценке лжецелительства имеет законодательство об охране здоровья граждан. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет исчерпывающий перечень лиц, имеющих право осуществлять медицинскую деятельность, и условия ее легитимности. Лжецелители, представляющие свои действия как лечение, нарушают эти требования, не обладая ни соответствующей квалификацией, ни лицензией. Однако на практике они нередко уходят от квалификации по нормам о незаконной медицинской деятельности, маскируя свои услуги под «энергетические практики», «духовное исцеление» или «ритуальные действия». Отсутствие нормативного определения подобных услуг затрудняет правоприменение и приводит к тому, что ст. 159 УК РФ становится основным средством реагирования. При этом комплексная оценка деятельности лжецелителей позволяет рассматривать ее не только как посягательство на имущество граждан, но и как фактор риска для общественного здоровья, поскольку суггестивные (внушающие) коммуникации могут препятствовать своевременному обращению граждан за квалифицированной медицинской помощью.

Законодательство о защите прав потребителей также имеет существенное значение для анализа правовых рисков, связанных с деятельностью лжецелителей. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» возлагает на исполнителя обязанность предоставлять достоверную информацию о свойствах и характеристиках услуги. Псевдолечебные практики нарушают данный принцип, поскольку заявляемые результаты («снятие порчи», «излечение неизлечимых болезней», «воскрешение») не поддаются объективной проверке. Более того, сама структура коммуникации лжецелителей изначально ориентирована на введение потребителя в заблуждение относительно характера предлагаемой услуги: соответствующие обещания опираются не на проверяемые факты, а на суггестивное воздействие и создание семантических ловушек. Хотя споры с лжецелителями сравнительно редко становятся предметом гражданского судопроизводства – потерпевшие чаще обращаются в правоохранительные органы, – потенциал применения потребительского законодательства остается значительным, прежде всего в части компенсации морального вреда и признания недействительными сделок, совершенных под влиянием обмана.

Особую сложность представляет оценка публичных коммуникаций лжецелителей, осуществляемых через рекламу, социальные сети, сайты и мессенджеры. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» прямо запрещает распространение сведений, способных вводить в заблуждение, а также обещание результатов, не имеющих научного подтверждения. Тем не менее лжецелители используют гибридные формы продвижения, в которых прямые обещания подменяются намеками, эмоциональными рассказами, «историями успеха» и псевдонаучными формулами. Подобные сообщения нередко формально соответствуют требованиям закона, но выполняют внушающую функцию и влияют на решения граждан. С точки зрения юрислингвистической экспертизы такие тексты требуют тщательного семиотического анализа, поскольку манипулятивный эффект обусловлен не столько содержанием отдельных утверждений, сколько общей структурой сообщения и его прагматической направленностью. В этих условиях все более очевидной становится необходимость совершенствования правового регулирования, способного охватывать суггестивные формы рекламы, формально лишённые ложных сведений, но создающие у потребителей искаженные ожидания и завышенные представления о результатах.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема регулирования оккультной, парамедицинской и иной деятельности, основанной на суггестивном воздействии, носит универсальный характер и в той или иной форме возникает в правовых системах большинства современных государств. В странах общего права (США, Великобритания) деятельность лиц, позиционирующих себя как «целители», как правило, подпадает под действие общих норм о мошенничестве, а также норм законодательства о защите прав потребителей, которое устанавливает ответственность за заведомо ложные и неподдающиеся проверке обещания. Правовые системы ряда европейских государств континентального права (Германии, Франции, Австрии) опираются преимущественно на институт незаконного занятия медицинской практикой, при котором ключевым квалифицирующим признаком выступает не содержание даваемых обещаний, а создание видимости профессиональной компетентности. Российский подход занимает промежуточную позицию: с одной стороны, право стремится ограничить незаконную медицинскую деятельность, с другой – оставляет пространство для «неверифицируемых» услуг, не относимых к медицине. Это подтверждает актуальность выводов А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской о необходимости поиска баланса между свободой убеждений и защитой граждан от злоупотреблений [Жалинский, Козловская 2006: 60–64.].

Наиболее серьезной проблемой правоприменения остается доказывание факта внушения и его роли в формировании у потерпевшего ошибочного представления о реальности. В российской судебной практике оценка речевых действий подозреваемого нередко ограничивается фиксацией отдельных фраз, что не позволяет выявить динамику воздействия, характер эмоционального давления и степень когнитивного искажения. Между тем судебная практика по резонансным делам, в том числе по делу Г. П. Грабового, показывает, что внушающее воздействие

формируется через последовательное усиление эмоциональной зависимости потерпевших и демонстрацию «уникальных знаний» [Нагорная 2011: 257–261]. Отсюда вытекает необходимость комплексной лингвистической экспертизы, ориентированной не только на анализ конкретных высказываний, но и на реконструкцию коммуникативной ситуации в целом: жанровых особенностей текста, социокультурных ожиданий адресата, речевой роли исполнителя. Такой подход обеспечивает более точную юридическую оценку действий лжецелителей и позволяет выявлять признаки злоупотребления доверия даже тогда, когда обман не выражен в форме прямых ложных утверждений.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере должно опираться на междисциплинарное понимание природы внушения и манипуляции. С одной стороны, уголовное право нуждается в более детальной регламентации способов совершения мошенничества, охватывающих манипулятивные формы воздействия, основанные на суггестии и создании семантических ловушек. С другой стороны, требуется развитие профилактических механизмов: информирование потребителей о рисках обращения к нетрадиционным практикам, формирование стандартов прозрачности подобных услуг, внедрение элементов саморегуляции в сфере психологической и духовной помощи. В ряде зарубежных стран уже функционируют государственные реестры специалистов, допущенных к оказанию психологической помощи или терапевтических услуг, а нарушение установленного порядка регистрации влечет административную либо уголовную ответственность. Отсутствие аналогичных инструментов в российском законодательстве оставляет значительное пространство для злоупотреблений и осложняет противодействие лжецелительству.

Важным направлением развития является институционализация юрислингвистической экспертизы как самостоятельной формы специальных знаний, используемых в уголовном процессе. Суггестивные практики требуют анализа, выходящего за рамки традиционной лингвистики, поскольку необходимо учитывать когнитивные, психологические и прагматические параметры коммуникации. В этом контексте юрислингвистическая экспертиза способна выявить не только формальные признаки обмана, но и структуру внушения: стратегию конструирования угрозы, способы формирования зависимости, характер эмоционального давления. Такой подход позволяет суду установить действительный смысл речевых действий обвиняемого, даже если они представлены в завуалированной форме. В совокупности эти шаги создают предпосылки для повышения эффективности правоприменения и укрепления защиты граждан от манипулятивных практик при сохранении баланса между свободой выражения мнений и необходимостью предотвращать злоупотребления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что речевые стратегии лжецелителей образуют комплексную систему манипулятивного воздействия, в которой суггестия играет определяющую роль, влияя как на содержание коммуникации, так и на поведение адресата. Анализ лингвистических, психологических и правовых параметров показал их многоуровневый характер: лжецелители не ограничиваются прямым обманом, а конструируют замкнутое семантическое пространство, в котором адресат утрачивает способность к критической оценке происходящего. Такая искусственно созданная когнитивная среда позволяет манипулятору целенаправленно эксплуатировать эмоциональные и экзистенциальные уязвимости, что ведет к утрате самостоятельности решений и формированию зависимого поведения. Юрислингвистический анализ показывает, что ключевое значение имеет именно структура внушения: чередование тревожащих и «успокаивающих» элементов, использование псевдонаучной терминологии, ритуализация общения, формирующие совокупность семантических ловушек, запускающих механизм доверия, необходимый для последующего причинения имущественного вреда.

Сопоставление теоретических моделей речевой манипуляции с судебной практикой позволило выделить устойчивый коммуникативный алгоритм, характерный для лжецелителей: создание угрозы или проблемы, придание ей псевдопрофессиональной интерпретации, предложение единственно возможного «решения», связанного с передачей денежных средств. Эта схема не только подтверждает манипулятивную природу воздействия, но и подчеркивает необходимость оценивать коммуникацию в динамике, а не по отдельным фрагментам. В условиях суггестивного взаимодействия традиционное понимание обмана как единичного ложного утверждения оказывается недостаточным: юридически значимым становится сам процесс формирования у потерпевшего искаженной картины реальности. В этом контексте особую роль приобретает комплексная юрислингвистическая экспертиза, способная реконструировать структуру внушения, оценить степень психологического давления и установить связь между вербальными действиями и имущественным ущербом.

Научная и практическая значимость проведенного анализа состоит в обосновании необходимости совершенствования правового регулирования, способного охватывать внушающие практики, маскируемые под оккультные, психологические или «духовные» услуги. Уголовное законодательство, ориентированное на классическую модель обмана, должно учитывать современные формы манипуляции, основанные на сложных дискурсивных техниках и эксплуатации эмоциональной уязвимости граждан. Перспективным представляется закрепление нормативных критериев, позволяющих рассматривать суггестивное воздействие как один из способов совершения мошенничества, а также развитие профилактических механизмов, включая повышение медиаграмотности и информирование населения о рисках взаимодействия с псевдоспециалистами. В конечном счете юрислингвистическая конвергенция – сочетание правовых и лингвистических инструментов анализа – обеспечивает комплексный подход к оценке таких деяний, позволяя одновременно защищать граждан и соблюдать конституционные свободы. Систематическое включение результатов юрислингвистических исследований в правоприменительную практику может стать существенным ресурсом в борьбе с мошенническими практиками и укреплении правовой безопасности общества.

Литература

- Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции / Право и политика. – 2025. – № 8. – С. 1–18.
- Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
- В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов за обман почти 40 клиентов. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/>.
- Дело осужденной «целительницы», лечившей рак водой из-под крана, вернули в суд первой инстанции. URL: <https://pravo.ru/news/view/66007/>.
- Ерофеев К. Б. «Магические услуги»: правовой анализ / Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3. – С. 89–93.
- Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг / Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 60–64.
- Кара-Мурза Е. С. Лингвосемиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы / Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 163–175.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М., 2004.
- Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 142–152.
- Копнина Г. А. Речевое манипулирование учебное пособие. 2-е изд. М., 2008.
- Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012.
- Месропян Л. М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
- Михалева О. Л. Политический дискурс специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Мишланов В. А. Языковые и речевые признаки манипулятивных текстов / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 203–216.
- На Кубани лжецелительницу посадили на 2,5 года за мошенничество на 500 тыс. рублей. URL: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-lzhetselitelnitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej>.
- Нагорная И. И. Дело Г. П. Грабового: конституционная легитимность приговора / Правовая система как элемент устойчивого развития субъекта РФ: сборник трудов конференции. Сыктывкар, 2011. – С. 257–261.
- Нагорная И. И. Магия, гадание, целительство: уголовно-правовая охрана прав граждан / Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы развития: сборник трудов конференции. М., 2011. – С. 197–199.
- Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 216–221.
- Осипов Б. И. Речевое мошенничество — вид уголовного преступления? / Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 182–186.
- Парасуцкая М. И. Проблема юридикации речевой манипуляции и суггестии / Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 6. – С. 69–70.
- Порческу Г. В., Бабушкина Л. Е., Милкова А. Н. Языковые средства суггестивного воздействия в рекламном тексте / Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход. М., 2024. – С. 166–212.
- С целителем Грабовым чуда не произошло. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516>.
- Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг / Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 171–175.
- Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1. – С. 136–141.
- Суд утвердил приговор «целительнице», обещавшей снять порчу и вернуть любовь. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html.
- Худышкина Е. А. Речевое воздействие в контексте религиозного дискурса социальной сети / Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 5-2. – С. 92–95.

References

- Asadov, R. B. (2025). Law and language: Axiological and cognitive dimensions of jurilinguistic convergence. *Law and Politics*, 8, 1–18 (in Russian).
- Belyaeva, I. V. (2009). The phenomenon of speech manipulation: Linguistic and legal aspects (Doctoral dissertation in Philology). Rostov-on-Don (in Russian).
- A group of fake psychics convicted in Moscow for defrauding nearly 40 clients. Available from: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/> (in Russian).

- The case of a convicted "healer" who treated cancer with tap water returned to the court of first instance. Available from: <https://pravo.ru/news/view/66007/> (in Russian).
- Erofeev, K. B. (2013). "Magical services": A legal analysis. *Eurasian Advocacy*, 3, 89–93 (in Russian).
- Zhalinskiy, A. E., Kozlovskaya, A. E. (2006). On the possibility of legal regulation of occult service activities. *Journal of Russian Law*, 11, 60–64 (in Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2008). Linguosemiotic aspects of legislative and deontological regulation of advertising. *Jurislinguistics*, 9, 163–175 (in Russian).
- Kara-Murza, S. G. (2004). *Manipulation of consciousness: A textbook*. Moscow (in Russian).
- Katermina, V. V., Safronova, T. S. (2017). Mechanisms of suggestive influence in legal discourse. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 16(3), 142–152 (in Russian).
- Kopnina, G. A. (2008). *Speech manipulation: A textbook (2nd ed.)*. Moscow (in Russian).
- Lopashenko, N. A. (2012). *Offenses against property*. Moscow (in Russian).
- Mesropyan, L. M. (2014). *Aggressive speech manipulation in the jurislinguistic perspective (Candidate of Philology dissertation)*. Rostov-on-Don (in Russian).
- Mikhaleva, O. L. (2009). *Political discourse: The specifics of manipulative influence*. Moscow (in Russian).
- Mishlanov, V. A. (2007). Linguistic and speech markers of manipulative texts. *Jurislinguistics*, 8, 203–216 (in Russian).
- A fake healer in Kuban sentenced to 2.5 years for defrauding victims of 500,000 rubles. Available from: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-lzhetselitel'nitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej> (in Russian).
- Nagornaya, I. I. (2011). The case of G. P. Grabovoy: Constitutional legitimacy of the verdict. In *The legal system as an element of sustainable development of a constituent entity of the Russian Federation: Conference proceedings*. Syktyvkar, 257–261 (in Russian).
- Nagornaya, I. I. (2011). Magic, fortune-telling, healing: Criminal-law protection of citizens' rights. *Economics, Sociology, Law: New Challenges and Prospects for Development: Conference proceedings*. Moscow, 197–199 (in Russian).
- Osipov, B. I. (2007). Speech manipulation and speech fraud: Similarities and differences. *Jurislinguistics*, 8, 216–221 (in Russian).
- Osipov, B. I. (2000). Is speech fraud a type of criminal offense? *Jurislinguistics*, 2, 182–186 (in Russian).
- Parasutskaya, M. I. (2009). The problem of the juridification of speech manipulation and suggestion. *World of Science, Culture, Education*, 6, 69–70 (in Russian).
- Porchesku, G. V., Babushkina, L. E., Milkova, A. N. (2024). Linguistic means of suggestive influence in advertising texts. In *Professional communication in a multilingual space: An interdisciplinary approach*. Moscow, 166–212 (in Russian).
- No miracle happened with healer Grabovoi. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516> (in Russian).
- Salaev, Z. R. (2019). On the method of fraud involving the provision of occult and psychological services. *Education and Law*, 5, 171–175 (in Russian).
- Safronova, T. S. (2017). Features of suggestive influence in prosecutors' opening statements (based on English-language material). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 6–1, 136–141 (in Russian).
- Court upholds sentence for "healer" who promised to remove a curse and restore love. Available from: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html (in Russian).
- Khudyshkina, E. A. (2015). Speech influence in the context of religious discourse on social networks. *Tauride Scientific Observer*, 5–2, 92–95 (in Russian).

Citation:

Асадов Р. Б. Юрислингвистическая конвергенция и семантические ловушки суггестивного воздействия лжецелителей // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 82-90.

Asadov R. B. (2026) Jurilinguistic Convergence and Semantic Traps of Suggestive Influence Used by Fraudulent Healers. *Legal Linguistics*, 39, 82-90.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
5.1.4

УДК 343.988-053.9, ББК 67.515 + 88.573.22, ГРНТИ 10.81.55, Код ВАК

Потребность в общении как одна из предпосылок виктимного поведения пожилых людей

Л. Ю. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

Потребность в общении рассматривается как одна из потребностей пожилых людей. Проанализированы особенности проявления этой потребности, психологические особенности возрастных потерпевших. Рассматривается влияние этих особенностей на совершение преступлений. Выявлены психологические предпосылки поведения потерпевших. В статье рассматриваются языковые клише, используемые преступниками, указывается на необходимость внедрения новых приемов, направленных на разработку новых способов профилактики.

Ключевые слова: деловое общение, речевые правонарушения, речевое мошенничество.

The Need for Communication as One of the Pre-requisites for the Victimized Behavior of Elderly People

L. Yu. Kiryushina

Altai State University

Lenina St.61, Barnaul, Russia. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

The need for communication is considered to be one of the needs of aged people. The article considers the features of the manifestation of this need. The psychological characteristics of aged victims of crime are analyzed. The influence of these characteristics on the commission of crimes is considered. The psychological pre-requisites of the victims' behavior are revealed.

The article examines the stock phrases used by criminals. These and other circumstances require the development of new techniques aimed at devising new ways of prevention.

Key words: business communication, speech offenses, verbal scam.

Общение является неотъемлемой частью жизни человека, но современные технологии требуют новых подходов к восприятию и сохранению информации, полученной с помощью интерактивных форм общения, в том числе и с использованием средств сотовой связи.

Не вызывает сомнения тот факт, что общение для человека – его среда обитания, поскольку без общения невозможно формирование личности человека, его воспитание, развитие интеллекта людей [Введенская, Павлова 1996: 5]. Отметим, что А. Н. Леонтьев считал, что личность является поздним продуктом общественно-исторического и онтогенетического развития человека, и его главный тезис – личностью не рождаются, а становятся. При этом А. Н. Леонтьев предлагает отправной точкой формирования личности считать конкретный момент в развитии психики ребенка [Нуркова, Березанская 2007: 389]. Важно отметить: это момент, в который исследователь смог эмпирически зафиксировать факт, что два мотива – социальный и биологический – стали обнаруживать иерархическую зависимость, то есть социальный мотив подчинил себе биологический.

Авторы учебника по психологии В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская отмечают, что человек становится человеком по-настоящему только в мире людей [Нуркова, Березанская 2007: 389]. Так, они приводят в качестве примера двух девочек, названных Камала и Амала, найденных английским миссионером в логове волков в 1920 г. в Индии. Литературный вымысел Д. Р. Кипплинга в «Книге джунглей» (1894 г.) о человеческом детеныше, воспитанном волками, не выдержал суровых реалий жизни, поскольку за шесть лет, проведенных в приюте, одна из девочек (Камала) приобрела словарный запас всего 30 слов. Этим девочкам не удалось приобщиться даже к минимальным навыкам жизни в обществе, они не смогли адаптироваться и умерли через несколько лет жизни в обществе [Нуркова,

Березанская 2007: 389]. И поскольку человек – существо социальное, он не может долго находиться вне круга общения. Общение – это сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [Бороздина 2007: 10].

Несмотря на возраст, всю жизнедеятельность личности определяют ее ценностные ориентации, представляющие собой диапазон возможных вариантов решений жизненных проблем [Кирюшина 2011: 40]. Предпосылкой, побуждающей человека к деятельности, выступают его потребности. Потребности означают нужду человека в чем-либо. С точки зрения нейрофизиологии потребность представляет собой образование доминанты – устойчивого возбуждения определенных механизмов головного мозга, которые организуют, регулируют необходимые поведенческие акты. Все потребности обладают направленностью, напряженностью и цикличностью.

Потребность, с точки зрения Мюррея, – это психическая сила, порождающая организованную деятельность. При активации потребности человек ищет и обращает внимание на определенные типы ситуаций. При этом потребности могут фиксироваться, формируя устойчивые мотивационные тенденции человека [Капрара, Сервон 2003: 463].

Американский психолог Абрахам Харольд Маслоу полагал, что высшие потребности направляют поведение человека в той мере, в какой удовлетворяются потребности более низкого уровня, и предложил следующую иерархическую систему (пирамиду) потребностей [Кирюшина 2011: 40-41]:

1. Физиологические (органические) потребности (голод, жажда, половое влечение, нужда и др.);
2. Потребности в безопасности (чувствовать себя защищенным, избавиться от страха, неудач и агрессивности);
3. Потребность в принадлежности и любви (быть признанным, находиться с людьми);
4. Потребность в уважении или почитании (достижение успеха, признание, авторитет, компетентность, одобрение);
5. Познавательные потребности (исследовать, знать, понимать, уметь);
6. Эстетические потребности (порядок, красота, симметрия, гармония);
7. Потребность в саморегуляции (саморазвитие личности, реализация целей, потребностей).

Именно речь, полагаем, позволяет человеку реализовать все эти потребности, способствует раскрытию потребностей более высокого уровня. Позволяет не задерживаться только на физиологических потребностях, так называемых органических, хотя даже для их реализации необходимо совершенствование речевого аппарата. Важно отметить, что язык необходимо рассматривать как самоорганизующуюся, коммуникативную систему, развитие которой подобно развитию живого организма. Именно язык, как отмечает С. К. Гураль, – это саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, но вместе с тем и социальное образование, отражающее быт и нравы его носителей [Гураль 2007: 32-33]. Именно благодаря использованию особых языковых единиц мы можем определить примерный возраст партнеров по общению, их эмоциональное состояние, социальный интеллект и статус, а самое главное – выявить потребность в общении или нежелание общаться в настоящий момент.

Речь, как отмечают исследователи, представляет собой исторически сложившуюся практику использования звуков, жестов или знаков для передачи условных символов, имеющих общепринятые смыслы и значения (то есть слов). Она выступает одновременно и средством общения, и инструментом мышления, и одним из способов волевой регуляции и контроля поведения и деятельности [Репина, Воронцов, Юматова 2003: 112].

Развитие речи основывается на врожденной способности и приобретенной в процессе социализации возможности воспринимать, учить, хранить, перерабатывать и воспроизводить основные звуки и знаки языка, а также правила их грамматического построения.

Например, А. Н. Леонтьев справедливо отмечал в своих работах, что всякий акт речи «представляет собой как бы решение своеобразной психологической задачи, которая в зависимости от формы и вида речи и от конкретных обстоятельств и целей общения, требует разного ее построения и применения разных речевых средств» [Нуркова, Березанская 2007: 394].

В своей статье Т. В. Дубинина справедливо отмечает, что, вступая в общение, человек обращает внимание, в первую очередь, на своего партнера по общению, а именно: насколько интересно партнеру то, о чем идет разговор; удобно ли ему; насколько партнеру интересен именно я и т. д. [Дубинина 2004: 126]. Именно данным обстоятельством, полагаем, и объясняется особое значение общения как одной из потребностей человека.

Общение занимает особое место на протяжении всей жизни человека и оказывает влияние на все жизненные процессы. Значение общения как особого социального взаимодействия между людьми отмечается исследователями даже у детей в период младенчества. В мозге человека имеются специфические структуры, отвечающие за усвоение основных атрибутов речи, согласно концепции американского психолингвиста Ноама Хомского. Именно человек, как отмечают исследователи, наиболее эмоциональный из всех живых существ, поскольку именно он обладает в высшей степени дифференцированными средствами внешнего выражения эмоций и широким разнообразием внутренних переживаний [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер 1988: 135].

Авторами учебника по психологии подчеркивается, что «ведущая деятельность младенца – это непосредственно-эмоциональное общение со взрослыми. Примером такой деятельности служит «комплекс оживления», возникающий на третьем месяце жизни. Для того, чтобы удовлетворить потребность общения со взрослым, приходится овладеть различными средствами и, прежде всего речью» [Нуркова, Березанская 2007: 394].

Полагаем, что потребность в общении остается одной из самых важных в процессе социализации личности и особое значение приобретает в подростковом периоде. Анализ научной литературы позволяет выделить следующие особенности реализации потребности в общении в подростковом периоде. Психологи обращают внимание

на особенности общения подростков и закономерности формирования, связанные с возрастными особенностями психики, к числу которых следует отнести:

- чрезвычайную значимость общения со сверстниками;
- потребность в общении со сверстниками становится одной из центральных в подростковый период, а ведущей деятельностью является так называемое интимно-личностное общение;
- взаимопонимание и благополучие в отношениях со сверстниками очень важно для подростка, для его психического развития;
- отрочество сензитивно для развития средств общения;
- быстрое овладение новыми способами общения (посредством социальных сетей, мессенджеров, приложений и т. д.).

В период ранней и поздней зрелости потребность в общении также имеет важное значение, если не становится еще более значимой. Учитывая это, можно сделать вывод, что в период поздней зрелости уменьшается количество способов для ее реализации, в связи с существенным сужением круга социальных контактов, поскольку имеет место выход на пенсию, ограничение интересов и лиц, с которыми можно реализовать эту потребность. Этой возрастной особенностью, полагаем, и объясняется готовность вступить в общение, в том числе и с преступниками, тем самым создаются предпосылки виктимного поведения.

Как известно, учение о жертве преступления – виктимология (*victima* – жертва) – часть более широкого учения о жертвах не только преступлений, но и последствий несчастных случаев, природных и техногенных катастроф, эпидемий, войн и иных вооруженных конфликтов, политических противостояний. Есть две позиции относительно того, что представляет собой жертва в виктимологическом смысле: 1) человек или определенная общность людей в любой форме интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением; 2) физическое лицо, человек, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред [Ривман 2002: 35].

Когда речь идет о потерпевшем (жертве преступления), который мог создать (спровоцировать) возникновение условий для совершения преступления, используется понятие «виктимное поведение», что означает «поведение жертвы». Данный термин используется для обозначения неправильного, неосторожного, аморального, провоцирующего и иного подобного поведения. Довольно часто виктимной именуют и саму личность, имея в виду, что в силу своих психологических, поведенческих и социальных характеристик она может стать жертвой преступника [Кирюшина 2011: 96].

Рассматривая потребность пожилых людей в общении как одну из предпосылок виктимного поведения, подчеркнем, что в особом разделе психологии – геронтопсихологии – отмечается, что трудноуловимы границы между периодом средней зрелости и началом поздней. Традиционно при определении возрастных границ данной категории одним из основных критериев является момент выхода на пенсию, но в настоящее время в разных странах это может быть совершенно разный возраст. Также момент выхода на пенсию варьируется у разных профессий и нередко связан с гендерной составляющей.

В работе основоположника геронтологии психолога С. Холла «Старение» впервые «поздняя зрелость» или старость рассматривалась как заключительный закономерно наступающий период возрастного индивидуального развития индивида, а также как особый психологический феномен. При этом исследователями отмечается, что старение – это сложный процесс, в котором выделяется четыре аспекта: биологический, медицинский, психологический и социальный (цит. по [Сосновский 2005: 516]).

Общение в период ранней и поздней зрелости, а следовательно, и потребность в общении обладает своими особенностями, которые необходимо учитывать, поскольку именно они влияют на возникновение предпосылок виктимного поведения потерпевших, которое используют преступники при совершении преступлений в отношении лиц данной возрастной категории:

1. Изменение восприятия, которое становится менее четким и приводит к тому, что пожилой человек довольно часто начинает прибегать к воображению, позволяющему расшифровать образы, непонятные для восприятия. Данная особенность может способствовать расшифровыванию туманных образов и приводить к неадекватному восприятию, которое Н. Ф. Шахматов называет «обманом чувств» [Сосновский 2005: 521].

2. Особенности мышления, которые непосредственно связаны с динамикой познавательных процессов и, как правило, связаны с уровнем образования, прежней профессиональной деятельностью и когнитивной тренировкой. Наблюдается снижение абстрактности мышления, что необходимо учитывать при формулировании вопросов, а ответы становятся более конкретными, менее обобщенными и точными.

3. «Старческая рассеянность» наблюдается при общем снижении уровня функционирования организма. В данном случае имеет место плохая концентрация внимания, сопровождающаяся низкой переключаемостью. Важно помнить, что такой возрастной потерпевший может «застывать» на одном объекте на длительное время, при этом все же не способен эффективно взаимодействовать с ним [Нуркова, Березанская 2007: 216].

4. Особенности памяти. При общей тенденции к ухудшению памяти, у некоторых лиц отдельные ее составляющие сохраняются без изменений. Так, у многих возрастных свидетелей и потерпевших не обнаруживается существенных изменений в сенсорной и кратковременной памяти по сравнению с допрашиваемыми более молодого возраста. Существенные различия наблюдаются в долговременной памяти, поскольку пожилые люди хуже запоминают бессмысленный материал.

5. Ухудшение слуха. Отметим, что важнейшую предпосылку к виктимному поведению составляет данная возрастная особенность. Такое ухудшение может проявляться в снижении способности различать на фоне голосов другие звуки и снижении слуховой чувствительности к высоким тонам, которые встречаются в таких звуках речи, как «с», «ш», «ч», «ф» [Крайг 2003: 837]. Использование слухового аппарата может стать разочарованием, поскольку усиливает звуки всего слухового диапазона частот и, следовательно, усиливает все шумы. При проведении следственных действий с участием лиц данной возрастной группы следователю необходимо помнить, что даже использование слухового аппарата плохо помогает разобрать слова в речевом потоке. Поэтому допрашиваемые могут выглядеть невнимательными и даже создается впечатление, что человек плохо понимает. Если длительное время человек страдает проблемами со слухом, у него могут формироваться такие черты, как замкнутость и подозрительность, а иногда даже агрессивность.

6. Уровень интеллектуальной деятельности. При нормальном старении такие составляющие как словарный запас, информированность, общая осведомленность существенно не изменяются, но снижается скорость умственной работы.

7. «Психический упадок» (особенно у лиц в возрасте старше 85 лет) [Сосновский 2005: 520], который может выражаться в ограничении круга интересов, пассивности, психической вялости, в снижении инициативы и внутренних побуждений наряду с естественным для процесса старения снижением физических возможностей и сил.

8. Одиночество – это, как отмечают исследователи, реакция на дефицит качества и количества социального общения. Отметим, что кроме понятия «одиночество в старости» существует понятие «переживание одиночества», под которым принято понимать индивидуальное чувство, которое может проявляться в двух аспектах: как тягостное ощущение нарастающего отчуждения от окружающих, разрыв с ними или стремление «отгородиться» от окружающих. Также Н. Ф. Шахматов отмечает, что такое состояние может проявляться в стремлении защитить свой мир от вторжения посторонних, то есть в стремлении к уединению [Сосновский 2005: 523]. Как отмечают психологи, сходство дает основу для дружбы и доверительных отношений [Берн 2008: 224], следовательно одиночество в старости – это или реальное отсутствие родственников, сверстников, друзей, или ощущение эмоциональной изоляции, непонимания или безразличия со стороны окружающих [Сосновский 2005: 523].

Учитывая все вышесказанное, следует отметить, что старение является универсальным и неизбежным процессом, отдельные эффекты старения могут не обнаруживать себя вплоть до периода поздней взрослости, а большинство систем организма обладают значительными резервами. Важно учитывать, что процессы старения протекают постепенно. Как отмечает Грэйс Крайг в своей работе «Психология развития», не все системы и органы стареют одинаково и с одинаковой скоростью, для большинства систем и органов, процессы старения начинаются задолго до наступления старости (в период ранней и средней взрослости) [Крайг 2003: 834]. Полагаем, что этим обстоятельством объясняется, что лица данной возрастной категории проявляют признаки виктимного поведения, обусловленные потребностью в общении и восполнении тех социальных функций и круга общения, который предшествовал периоду ранней и поздней взрослости, тем самым способствуют совершению преступления.

Учитывая вышесказанное, отметим, что именно потребностью в общении как одной из основных потребностей личности в социуме объясняется стремление лиц, относящихся к данной возрастной категории, вступать в общение и поддерживать диалог, в том числе и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Поскольку потребность в общении как одна из важнейших социальных потребностей реализуется в соответствии с теми возрастными изменениями, которые были рассмотрены ранее, необходимо разрабатывать и внедрять в практику способы профилактики виктимного поведения с учетом этих особенностей. Полагаем, что игнорирование этих закономерностей будет негативно сказываться на всем комплексе мер, направленных на снижение уровня виктимности данной возрастной категории.

Литература

Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2008.

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение: Пер. с англ. М., 1988.

Бороздина Г. В. Психология делового общения. М., 2007.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Ростов н/Д., 1996.

Гураль С. К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система / Вестник Томского государственного университета. – 2007. – №298. – С. 32-36.

Дубинина Т. В. Экология взаимодействия в практической психологии / Сибирский психологический журнал. – 2004. – №19. – С.125-131.

Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб. 2003.

Кирушина Л. Ю. Юридическая психология. Барнаул, 2011.

Крайг Г. Психология развития. СПб., 2003.

Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Психология : учебник. М., 2007.

Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д., 2003.

Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

Сосновский Б. А. Психология. М., 2005.

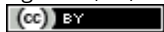
References

- Bloom, F. E., Lazerson, A., Hofstadler, L. (1988). Brain, Mind, and Behavior: a monograph. Moscow (in Russian).
- Borozdina, G. V. (2007). Psychology of business communication. Moscow (in Russian).
- Burn, S. M. (2008). The social psychology of gender. Saint Petersburg (in Russian).
- Caprara, D. V., Cervone, D. (2003). Personality. Determinants, dynamics, and potentials. Saint Petersburg (in Russian).
- Craig, G. J. (2003). Human development : seventh edition. Saint Petersburg (in Russian).
- Dubinina, T. V. (2004). Ecology of interaction in practical psychology. Siberian psychological magazine, 19, 125-131 (in Russian).
- Gural, S. K. (2007). Language as a process and self developing system. Vestnic Tomsk State University, 298, 32-36 (in Russian).
- Kiryushina, L. Yu. (2011). Law psychology: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Nurkova, V. V., Berezanskaya, N. B. (2007). Psychology: a monograph. Moscow (in Russian).
- Repina, N. V., Vorontsov, D. V., Yumatov, I. I. (2008). Fundamentals of Clinical Psychology. Rostov-on-Don (in Russian).
- Rivman, D.V . (2002). Criminal Victimology. Saint Petersburg (in Russian).
- Sosnovsky, B. A. (2005). Psychology: a monograph. Moscow (in Russian).
- Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G. (1996). Culture and the art of speech. Rostov-on-Don (in Russian).
-

Citation:

Кирюшина Л. Ю. Потребность в общении, как одна из предпосылок виктимного поведения пожилых людей // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 91-95.

Kiryushina L. Yu. (2026) The Need for Communication as One of the Pre-requisites for the Victimized Behavior of Elderly People. Legal Linguistics, 39, 91-95.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Правовой портрет новых киберделиктов: анализ терминов, юрисдикций и правоприменения

Н. А. Криволап

*Армавирский государственный педагогический университет
ул. Розы Люксембург 159, 352901, Армавир, Россия. E-Mail: krivolap.nicita@yandex.ru*

Цель статьи – анализ перехода неологизмов цифровой среды (*doxxing, deepfake, cyberflashing*) из публичного дискурса в юридические нормы и правоприменительную практику. Опираясь на социоллингвистику права и концепт перформативности правового языка, автор показывает, что термин в киберсфере выполняет не только описательную, но и конституирующую функцию: через именование вреда право задает границы согласия, приватности, допустимого распространения данных и критерии ответственности. Исследование построено как сравнительный кейс-анализ Великобритании и США с сопоставлением лингвистического профиля терминов, траекторий их нормативной кодификации, судебно-прокурорских рамок и платформенных процедур (уведомление, удаление, сохранение данных). Особое внимание уделено проблемам трансграничной юрисдикции, атрибуции субъекта, стандартам цифровой доказуемости, а также балансу свободы выражения и защиты личности. Делается акцент на технологической нейтральности и проверяемости дефиниций как условиях устойчивого регулирования быстро меняющихся цифровых практик.

Ключевые слова: киберделикты, киберпреступность, социоллингвистика права, дискурс и кодификация, юрисдикция в сети.

Legal Portrait of Emerging Cyber Delicts: An Analysis of Terms, Jurisdictions, and Enforcement

N. A. Krivolap

*Armavir State Pedagogical University
159 Rosa Luxemburg St., 352901, Armavir, Russia. E-mail: krivolap.nicita@yandex.ru*

The article examines the shift of neologisms from the digital environment (*doxxing, deepfake, cyberflashing*) from public discourse into legal norms and law-enforcement practice. Drawing on the sociolinguistics of law and the concept of the performativity of legal language, the author shows that in cyberspace a term performs not only a descriptive but also a constitutive function: by naming harm, the law delineates the boundaries of consent and privacy, defines what forms of data dissemination are permissible, and sets criteria of liability. The study is designed as a comparative case analysis of the United Kingdom and the United States, juxtaposing the linguistic profiles of the terms, the trajectories of their normative codification, prosecutorial and judicial frameworks, and platform procedures (notice, takedown, data retention/preservation). Particular attention is paid to problems of cross-border jurisdiction, attribution of the perpetrator, standards of digital evidentiary reliability, and the balance between freedom of expression and personal protection. The author emphasizes technological neutrality and the verifiability of definitions as prerequisites for sustainable regulation of rapidly changing digital practices.

Key words: cyber delicts, cybercrime, sociolinguistics of law, discourse and codification, online jurisdiction.

Цифровизация общества принесла беспрецедентную связанность и эффективность, но одновременно открыла новый фронт преступной активности – киберпреступность [Munoriyarwa and Mare 2023]. В ответ на это язык права переживает ускоренную неологизацию: в обращение входят термины, рожденные на стыке онлайн-коммуникаций, данных и автоматизированных систем [см. Витвицкий, Витвицкая, Исакова 2023; Катермина 2025; Батюшкина 2023; Казанина, Кузнецова 2025; Старкова 2021; Карабеков 2022 и т. д.]. Неологизмы *cyberflashing, deepfake, doxxing, zoom-bombing*, а также лексемы, фиксирующие вмешательство в цифровую инфраструктуру, становятся не просто метками явлений, но и рабочими инструментами нормотворчества и правоприменения. Через них право очерчивает границы

согласия и приватности, злоупотребления данными и несанкционированного доступа, формируя элементы составов и процессуальные механизмы защиты [Атоо 2024].

В этой динамике термин «киберделикты» выступает интеграционной рамкой: он собирает разнородные цифровые посягательства под единым наименованием и соотносит их с механизмами ответственности.

С лингвистической точки зрения киберделикты являются терминологической единицей, объединяющей семантику неправомерного деяния и указание на цифровую среду его совершения. Компонент «деликт» (происходит от латинского *delictum*) в русском юридическом языке обозначает вредоносное действие, влекущее ответственность, причем чаще именно цивилистическую. Префикс «кибер» маркирует сферу информационно-коммуникационных технологий и киберпространства [Словарь терминов по ИБ 2019]. В результате этот термин функционирует как родовое наименование с довольно вариативными границами. В научных и правовых текстах он охватывает строго определяемые виды посягательств, тогда как в медийном дискурсе может расширяться практически до любого социально вредного поведения в сети: от несанкционированного доступа и кражи данных до онлайн-травли и вмешательства в работу сервисов [Витвицкая 2023]. Синонимичные понятия «киберпреступления» и «киберправонарушения» пересекаются по содержанию, однако выбор конкретного наименования сигнализирует о желаемой рамке ответственности и квалификации деяния.

Глобальный охват интернета существенно размывает классические представления о юрисдикции и позволяет правонарушителям действовать через национальные границы. Это объективно требует согласованности правовых режимов и выстраивания механизмов международного сотрудничества, где профильные организации играют связующую роль между различными правовыми системами.

Киберпреступность – понятие зонтичное, и это сразу создает терминологическую проблему. Под одной «крышей» оказываются и банальное мошенничество, и кража идентичности, и кибершпионаж, и технически изощренные сетевые операции [Li Y 2021; Старкова 2021 и др.]. Анонимизация, цепочки прокси-серверов, размытые юрисдикционные границы – все эти факторы превращают установление субъекта в задачу со множеством неизвестных. Отсюда – растущие требования к цифровой криминалистике и, что особенно болезненно, к трансграничному сбору доказательств.

Сбор цифровых следов – процедура инвазивная по определению, и найти баланс между «нужно расследовать» и «нельзя вторгаться» удастся далеко не всегда [Атоо 2024]. Дискуссия вокруг шифрования и так называемого «законного доступа» – из той же серии: правоохранители требуют ключей, а защитники приватности указывают на риски злоупотреблений. Пока эта дискуссия далека от разрешения.

Правовая система сейчас находится в точке, где реактивная логика («случилось – отреагировали») уже не работает. Нужны проактивные решения, причем согласованные – на уровне государств, международных институтов, технологического сообщества.

Важно подчеркнуть: неологизация в правовом дискурсе – процесс двунаправленный. Термины приходят и «снизу» – из пользовательского обихода, жаргона специалистов по безопасности, журналистских текстов, – и «сверху» – через академическую систематизацию, ведомственные глоссарии, судебные дефиниции. Эта гибридность, на наш взгляд, принципиальна для понимания того, как формируется (и деформируется) понятийный аппарат киберправа. Теоретическая рамка исследования опирается на социолингвистику права и объясняет, каким образом новые языковые формы переходят из публичного дискурса в нормативную ткань [Карабеков 2022; Батюшкина 2023]. В центре – идея перформативности правового языка: термины не просто описывают явления, но конструируют объекты регулирования, устанавливая границы дозволенного и определяя составы правонарушений. В этой логике неологизмы выступают «якорями смысла» для быстро меняющихся цифровых практик, позволяя связать социально распознаваемый вред с юридически операционализируемыми категориями [Катермина 2025; Атоо 2024].

Трансграничность киберугроз ставит под сомнение классические рамки юрисдикции и требует согласованных подходов к терминам, чтобы международное сотрудничество было не только политически возможным, но и лингвистически совместимым. Гармонизация дефиниций, процедур и стандартов доказуемости повышает эффективность совместных расследований, при этом поддерживая баланс между правоохранительными целями и защитой прав личности. В этом смысле неологизмы – не побочный продукт цифровизации, а важнейшие элементы инфраструктуры смысла, без которых невозможно ни точное правовое реагирование, ни устойчивое взаимодействие между государствами, платформами и обществом [Старкова 2021; Карабеков 2022].

Чтобы показать, как описанный цикл «дискурс → норма → практика → дискурс» работает не в абстракции, а в конкретных правовых режимах, далее перейдем к разбору отдельных киберделиктов как «узловых» терминов цифровой неологизации. Мы выбрали случаи, где вред социально распознаваем и регулярно артикулируется в публичном дискурсе, дефиниции конкурируют между собой или распадаются на смежные составы, и правоприменение неизбежно опирается на платформенные процедуры (уведомление, удаление, сохранение данных) и цифровые доказательства. Для каждого термина – *doxxing*, *deepfake*, *cyberflashing*, *zoom-bombing*, *unauthorized access* – сопоставим лингвистический профиль (варианты именования, семантические границы, фрейм «согласие/приватность/безопасность»), траектории кодификации и судебной интерпретации, а также правила платформ и стандарты доказуемости в Великобритании и США. Такая «поштучная» оптика позволит увидеть, где именно возникают регуляторные разрывы: в определениях, в юрисдикционной привязке, в критериях идентификации субъекта, либо в балансировке свободы выражения и права на приватность – и, следовательно, какие элементы дефиниций и процедур поддаются гармонизации без потери технологической нейтральности.

В США термин *doxxing* чаще всего «применяется» не как название отдельного состава в законе, а как публично

понятная маркировка практики, которую затем квалифицируют через уже существующие нормы (угрозы, преследование, киберсталкинг). Его нормативное «вхождение» видно по федеральным законодательным инициативам: на Congress.gov термин прямо встречается в названиях/текстах законопроектов, пытающихся описать *doxxing* как самостоятельный вред и формализовать признаки (перечень идентифицирующих данных, требуемый умысел, причинная связь с преследованием, исключения для общественного интереса. В правоприменительной коммуникации (пресс-релизы, описания дел) термин *doxxing* регулярно используется как «ярлык фавулы», но юридическое основание часто опирается, например, на федеральный запрет киберсталкинга 18 U.S.C. § 2261A; это хорошо видно по поиску по сайту DOJ, где *doxxing* фигурирует в описании поведения, а обвинение строится на иных статьях.

В результате ключевыми становятся доказуемость умысла (запугать/спровоцировать травлю) и конституционные рамки свободы выражения: публикация информации как таковая часто «нейтральна», но в связке с преследованием/угрозами становится юридически значимой. В Великобритании картина сходная: *doxxing* широко употребляется в парламентском и регуляторном дискурсе как тип онлайн-вреда, но в судебной и прокурорской практике поведение обычно раскладывается на действующие режимы – прежде всего *Protection from Harassment Act 1997* и *Malicious Communications Act 1988*, а также, по обстоятельствам, на инструменты защиты данных и частноправовые запреты/иски о нарушении приватности. Употребление термина в ориентирующих материалах также встречается в поисковой выдаче CPS.

В обоих право порядках *doxxing* работает как «термин интерфейса» между социально узнаваемым вредом и юридической техникой, направляя внимание на стандарт доказательств (идентификация лица, контекст, повторяемость, последствия) и баланс приватности с свободой выражения, но без единообразной кодификации самого слова.

Термин *deepfake* в США и Великобритании закрепился как «имя» нового типа вреда (синтетические/сильно модифицированные аудио- и видеоматериалы), но в праве он чаще работает как интерфейсное обозначение, которое затем «переводится» на язык уже существующих составов (диффамация, мошенничество, преследование, нарушения приватности), либо становится частью точечных норм под конкретные риски – выборы и интимные изображения. В США это хорошо видно по федеральному нормотворческому дискурсу: термин *deepfake* стабильно присутствует в названиях и текстах законопроектов, однако единой федеральной статьи про *deepfake* по-прежнему нет, а ключевой юридический конфликт сводится к балансу свободы выражения и предотвращения вреда (особенно там, где контент носит политический или сатирический характер). Маркером институционализации термина выступает сама плотность его употребления в законопроектах на Congress.gov (поиск *deepfake* по массиву legislation): это фиксирует попытки формализовать признаки синтетического контента, требования к намерению (*deceive/harm*), к раскрытию факта манипуляции и к исключениям для журналистики/общественного интереса. Параллельно США демонстрируют «штатную» модель регулирования: отдельные штаты прямо используют термин *deepfake* в узких по предмету нормах – например, в Техасе введен запрет на *deep fake video* в контексте выборов (Texas Election Code § 255.004), а в Калифорнии создан гражданско-правовой механизм защиты от сексуально эксплицитных дипфейков [California Civil Code § 1708.86 URL]. Это показательно с точки зрения правоприменения: термин становится юридически значимым там, где легче описать проверяемые критерии (период до выборов; «sexually explicit»; идентифицируемость лица; отсутствие согласия; причиняемый вред), тогда как в «широких» ситуациях дипфейки чаще попадают в орбиту общих норм (*fraud/impersonation/harassment*), и термин *deepfake* остается прежде всего объяснением фавулы для суда, присяжных и платформ. На уровне правоохранительной практики термин активно используется в публичных сообщениях и пресс-релизах как социально узнаваемая этикетка угрозы; это видно хотя бы по поисковой выдаче по сайту DOJ, где *deepfake* фигурирует как описание способа совершения деяния, а юридическая квалификация опирается на другие составы. В Великобритании *deepfake* столь же устойчив в политико-правовом дискурсе, но юридическая техника чаще избегает «технологического бренда» и стремится к технологически нейтральным формулировкам вроде *altered image / синтетически созданный материал*. В этом смысле показателен *Online Safety Act 2023*: он строит регулирование вокруг категорий вреда и обязанностей (в том числе применительно к интимным изображениям и их распространению без согласия), не привязываясь к конкретному способу генерации контента, что облегчает адаптацию к новым моделям синтеза. Практически это означает, что при рассмотрении кейсов дипфейки будут «раскладываться» на уже знакомые режимы (*harassment/сталкинг*, вредные коммуникации, защита данных, частноправовые средства защиты приватности), а сам термин *deepfake* выступит скорее доказательственным и контекстуальным фактором: он влияет на оценку умысла, на риск офлайн-вреда и на стандарты аутентичности цифровых доказательств. В итоге и США, и УК используют *deepfake* как «узел» для связывания новой медиатехнологии с привычными охраняемыми благами (репутация, приватность, безопасность, добросовестность выборов), но расходятся в технике: США чаще допускают точечные *deepfake*-нормы на уровне штатов, а УК – нейтрализует технологию через более абстрактные категории вреда и обязанности платформ, снижая риск устаревания дефиниций.

Термин *cyberflashing* (аналог офлайн – *flashing*) описывает отправку или демонстрацию человеку непрошеного сексуально эксплицитного изображения в цифровых каналах (чаще всего – «дикпик» через мессенджеры или бесконтактные протоколы вроде AirDrop/Bluetooth). В Великобритании это один из редких примеров, где неологизм сравнительно быстро получил прямую институциональную «привязку» к уголовно-правовой норме: *Online Safety Act 2023* ввел специальное преступление, добавив в *Sexual Offences Act 2003* новый раздел 66A [Online Safety Act URL]. Тем самым *cyberflashing* перестает быть только медийной меткой и превращается в юридически операционализируемое поведение. Фокус смещается на проверяемые элементы (факт отправки/передачи фото или видео гениталий,

намерение заставить адресата это увидеть, цель сексуального удовлетворения и/или причинения тревоги/унижения, отсутствие согласия/разумного основания считать, что согласие есть). Параллельно термин продолжает работать как «переводчик» для публичного дискурса и правоприменителя: его видно в парламентских дебатах [UK Parliament. Hansard URL], а также в поисковой выдаче CPS, где он выступает как понятное название вреда, который дальше квалифицируется по конкретным статутным признакам и доказывается через цифровые следы (лог отправки, метаданные, свидетельские показания, данные платформ). В США картина более «лексически рыхлая»: на федеральном уровне устойчивой кодификации именно слова *cyberflashing* нет, и термин чаще живет в описании явления и в законодательных инициативах/обсуждениях, чем в единой норме. Однако на уровне штатов появляются близкие по смыслу составы, которые фактически закрывают поведение *cyberflashing*, но формулируются технологически нейтрально – как незаконная электронная передача сексуально эксплицитного визуального материала без согласия. Показательный пример – Техас, где установлен состав *Unlawful Electronic Transmission of Sexually Explicit Visual Material* (Penal Code § 21.19): в публичном дискурсе это и есть *cyberflashing*, но юридическая техника предпочитает описывать действие и объект (электронная передача + сексуально явное изображение + отсутствие согласия/запроса), чтобы меньше зависеть от моды на термин и от конкретной технологии доставки. В результате различие UK/US проходит по линии «кодификация названия вреда» (UK) против «регулирование вреда без фиксации бренда-термина» (US); это влияет и на правоприменение: в UK проще строить единый стандарт квалификации, а в США чаще возникает мозаика составов и доказательственных порогов по штатам, при том что социальный термин *cyberflashing* продолжает выполнять роль маркера типа вреда.

Проведенный анализ показывает, что «киберделикты» формируются как зона ускоренной правовой неологизации, где слова становятся инструментами регулирования: они связывают социально узнаваемый вред с юридически доказуемыми элементами состава и тем самым направляют нормотворчество и практику. Во всех рассмотренных случаях (*doxing*, *deepfake*, *cyberflashing*) термин чаще выступает «интерфейсом» между общественным дискурсом, платформенным управлением и правом: он помогает описать фабулу и тип вреда, но далеко не всегда фиксируется как самостоятельная правовая категория. Наиболее показательно различие правовых техник: Великобритания чаще институционализирует новые цифровые вреды через более централизованные режимы и обязанности платформ (а в случае *cyberflashing* – и через прямую уголовно-правовую норму), тогда как США в большей степени опираются на перекалфикацию поведения через уже существующие составы и на фрагментарные «точечные» решения на уровне штатов (особенно по *deepfake* и электронным сексуально-эксплицитным материалам). Одновременно ключевыми ограничителями эффективности регулирования остаются трансграничность интернет-коммуникаций, сложности атрибуции, инвазивность сбора цифровых доказательств и конкуренция правовых ценностей (свобода выражения vs приватность и безопасность). В этих условиях устойчивое правовое реагирование требует не просто реактивного добавления новых «модных» терминов, а согласуемых, технологически нейтральных и проверяемых дефиниций, совместимых стандартов доказуемости и процедур взаимодействия государства и платформ. Неологизмы в итоге выступают элементами «инфраструктуры смысла», от качества которой зависит возможность гармонизации правоприменения и международного сотрудничества без эрозии прав и свобод личности.

Литература

- Батюшкина М. В. Термины информационного (цифрового) права: семантика, структура, законодательные дефиниции / Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – С. 6-12.
- Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие / Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 126-136.
- Казанина Т. В., Кузнецова Е. А. Термины-неологизмы в сфере договорного права: лингвоюридические аспекты / Юрислингвистика. – 2025. – №35. – С. 12-19.
- Карабеков К. О. Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан / Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 94-102.
- Катермина В. В., Плаксин В. А. «Цифровая преступность» в финансово-экономическом дискурсе (на материале английских неологизмов) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 6. – С. 2337-2342.
- Старкова Л. М. Подходы к пониманию и нормативному определению категории «киберпреступность» и смежных понятий в практике региональных международных организаций / Московский журнал международного права. – 2021. – №4. – С. 123-135.
- Пройдаков Э. М., Теплицкий Л. А. Словарь терминов по информационной безопасности. 2019. URL: <https://www.infosystems.ru/library/glossary/slovar-terminov-po-informatsionnoy-bezopasnosti/>.
- Амоо О. О., Атадога А., Абрахамс Т. О., Фарайола О. The legal landscape of cybercrime: A review of contemporary issues in the criminal justice system / World Journal of Advanced Research and Reviews. – 2024. – Vol. 21, No. 2. – Pp. 205-217.
- California Legislative Information. California Civil Code, Section 1708.86. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=CIV§ionNum=1708.86
- Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/search?q=%7B%22source%22%3A%22legislation%22%2C%22search%22%3A%22deepfake%22%7D>

Li Y., Cheng J., Huang C., Chen Z., Niu W. NEDetector: Automatically extracting cybersecurity neologisms from hacker forums / Journal of Information Security and Applications – 2021 – Vol. 58. Article 102784. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S221421262100302>
Munoriyarwa A., Mare A. Digital Surveillance in Southern Africa: Policies, Politics and Practices. Cham, 2023.
Online Safety Act 2023. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>
UK Parliament. Hansard. Search results: “doxxing”. URL: <https://hansard.parliament.uk/search?searchTerm=doxxing>

References

- Batyushkina, M. V. (2023). Terms of information (digital) law: semantics, structure, legislative definitions. *Jurislinguistics*, 28, 6–12 (in Russian).
- Vitvitskaya, S. S., Vitvitskiy, A. A., Isakova, Yu. I. (2023). Cybercrimes: concept, classification, international counteraction. *Legal Order and Legal Values*, 1(1), 126–136 (in Russian).
- Kazanina, T. V., Kuznetsova, E. A. (2025). Neologism terms in the field of contract law: linguo-legal aspects. *Jurislinguistics*, 35, 12–19 (in Russian).
- Karabekov, K. O. (2022). The concept of cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 12(5), 94–102 (in Russian).
- Katermina, V. V., Plaksin, V. A. (2025). “Digital crime” in financial and economic discourse (based on English neologisms). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 6, 2337–2342 (in Russian).
- Starkova, L. M. (2021). Approaches to understanding and normative definition of the category “cybercrime” and related concepts in the practice of regional international organizations. *Moscow Journal of International Law*, 4, 123–135 (in Russian).
- Proydakov, E. M., Teplitskiy, L. A. (2019). Dictionary of terms on information security. Available from: <https://www.infosystems.ru/library/glossary/slovar-terminov-po-informatsionnoy-bezopasnosti/> (in Russian).
- Amoo, O. O., Atadoga, A., Abrahams, T. O., Farayola, O. (2024). The legal landscape of cybercrime: A review of contemporary issues in the criminal justice system. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 21(2), 205–217. California Legislative Information. (n.d.). California Civil Code, Section 1708.86. Available from: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=CIV§ionNum=1708.86
- Congress.gov. (n.d.). Search results for “deepfake”. Available from: <https://www.congress.gov/search?q=%7B%22source%22%3A%22legislation%22%2C%22search%22%3A%22deepfake%22%7D>
- Li, Y., Cheng, J., Huang, C., Chen, Z., Niu, W. (2021). NEDetector: Automatically extracting cybersecurity neologisms from hacker forums. *Journal of Information Security and Applications*, 58, 102784. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S221421262100302>
- Munoriyarwa, A., Mare, A. (2023). *Digital Surveillance in Southern Africa: Policies, Politics and Practices*. Cham. Online Safety Act 2023. (2023). Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>
- UK Parliament. Hansard. (n.d.). Search results: “doxxing”. Available from: <https://hansard.parliament.uk/search?searchTerm=doxxing>

Citation:

Криволап Н. А. Правовой портрет новых киберделиктов: анализ терминов, юрисдикций и правоприменения // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 96-100.
Krivolap N. A. (2026) Legal Portrait of Emerging Cyber Delicts: An Analysis of Terms, Jurisdictions, and Enforcement. *Legal Linguistics*, 39, 96-100.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

Доктор филологических наук, профессор Татьяна Владимировна Чернышова (к 70-летию со дня рождения)

С. В. Доронина

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В.

Хрулёва

наб. Макарова 8, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Двадцать первого марта 2026 года исполняется 70 лет со дня рождения Татьяны Владимировны Чернышовой, доктора филологических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации; ветерана труда Алтайского края, члена редакционной коллегии научно-практического журнала "Юрислингвистика".

Научные заслуги Т.В. Чернышовой широко известны профессиональному сообществу России. Татьяна Владимировна является членом Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), членом правления широко известной в России Гильдии экспертов-лингвистов по информационным и документационным спорам (г. Москва), руководителем регионального отделения Российской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы, членом редколлегии «Сибирского филологического журнала (ВАК, Web of Science), много лет занимает пост главного редактора научного журнала "Филология и человек" (ВАК).

Имя Т.В. Чернышовой как автора многочисленных научных трудов (более 200 публикаций), как крупного ученого, успешно работающего в разных областях науки о языке широко известно российской научной общественности. Она является членом диссертационного совета Кемеровского государственного университета, под ее научным руководством защищена не одна кандидатская диссертация. Татьяна Владимировна, выпускница Алтайского государственного университета, всю жизнь проработала в родном вузе, посвятив себя подготовке специалистов-филологов на Алтае. Ее учебные пособия по стилистике и риторике высоко ценятся не только в России, но и за рубежом. Самые известные труды Татьяны Владимировны "Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата" (2005), Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России (2007; 2009), Стилистика русского языка" (2009) оказали большое влияние на новое поколение ученых. Тонкое чувство языка, редкое сочетание аналитических способностей и поэтической одаренности делает Татьяну Владимировну уникальным педагогом, пользующимся огромным авторитетом среди студентов и аспирантов.

Основные направления научных исследований Т.В. Чернышовой - стилистика текста, юридическая лингвистика, медиалингвистика, лингвоперсонология. В ее докторской диссертации «Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России» разработаны идеи, которые до сих пор актуальны и свежи, имеют большую теоретическую и практическую значимость. Татьяна Владимировна поддерживает научные связи с МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); Институтом филологии СО РАН.

Особое место в творчестве Татьяны Владимировны Чернышовой занимают проблемы юридической лингвистики. Находясь у истоков этой прикладной дисциплины, Татьяна Владимировна особое внимание уделяла проблемам речевых конфликтов в публичном пространстве, особенно в медиасфере. Ее научные разработки оказали влияние на формирование действующих в настоящее время экспертных методик. Учебный курс дополнительного профессионального образования «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика», руководимый юбиляром, подготовил множество специалистов в области лингвистической экспертизы в России. Ее практическая деятельность в качестве судебного лингвиста получила широкое признание в Алтайском крае и отражена в ее активно цитируемых научных трудах.

Заслуги юбиляра получили признание на региональном и государственном уровне. Татьяна Владимировна является обладателем следующих наград: Почетная грамота главы администрации города Барнаула (2003); Почетная грамота Алтайского государственного университета (2003); Нагрудный знак «Ветеран Алтайского государственного университета (2003); Почетная грамота Министерства образования Российской Федерации (2006), диплом Лауреата конкурса на лучшую книгу 2007 г. среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений в номинации "Гуманитарные науки", проводимого Фондом развития отечественного

образования (2008); Нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2010); почетное звание «Ветеран труда Алтайского края» (2013); Почетная грамота Главного управления образования и молодежной политики Алтайского края (2015); Благодарность Главы администрации Центрального района (2015) и др.

Профессиональные и личностные качества, генерирование новых идей, научный энтузиазм и неутомимая работоспособность Татьяны Владимировны позволили ей объединить вокруг себя единомышленников, испытывающих к юбиляру самую искреннюю любовь и благодарность, сохранить научно-педагогический коллектив филологов в родном вузе.

Коллеги и друзья Татьяны Владимировны желают ей крепкого здоровья, долгих лет, продолжения плодотворной научной работы и новых научных свершений!

Citation:

Доронина С. В. Доктор филологических наук, профессор Татьяна Владимировна Чернышова (к 70-летию со дня рождения) // Юрислингвистика. – 2026. – 39. – С. 102-104.

Doronina S. V. (2026) Doctor of Philology, Professor Tatyana Vladimirovna Chernyshova (on Her 70th Birthday). Legal Linguistics, 39, 102-104.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 25.03.2026 г.

Дата публикации издания 01.04.2026 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2026